

Н.В. Кривцов

Ф

РУССКАЯ ИНДИЯ



Н.В. Кривцов



Русская Финляндия



Москва
«Вече»
2009

Кривцов Н.В.

К82 Русская Финляндия / Н.В. Кривцов. — М. : Вече, 2009. — 288 с. — (Русские за границей).

ISBN 978-5-9533-3013-8

Где и когда начинаются связи между Россией и Финляндией? — Они были всегда. В этой стране повсюду чувствуется «русское присутствие». Почему? Все дело в том, что связанные с нашим общим прошлым памятники в Финляндии сохранили сам дух, атмосферу, кажется, даже запах минувшего — того, что, увы, исчезло у нас и что нельзя воссоздать самой богатой и изощренной реставрацией. Многое из того русского, что создавалось в России и что было уничтожено у нас, осталось в Стране тысячи озер — живы памятники, даже некоторые русские традиции... И самое главное — имена. Среди них — художник Илья Репин и писатель Леонид Андреев, фрейлина последней императрицы Анна Танеева-Вырубова и Аврора Карамзина, художник Николай Рерих и поэты Серебряного века — Владимир Соловьев, Валерий Брюсов, Иннокентий Анненский и Осип Мандельштам и многие-многие другие.

ББК 63.3(0)

ПРЕДИСЛОВИЕ



Путешествие на поезде из России в Финляндию отличается от поездок в другие европейские страны. Поезд не стоит подолгу на границе: колея у нас с финнами одинаковая, не такая, как во всей Европе.

Но это только начало путешествия. Здесь часто, если не постоянно, натыкаешься на приметы чего-то родного, русского. То увидишь луковку православного храма, то на вывеске прочтешь русское имя, то в старом кафе заметишь старый тульский самовар...

Но что ж тому удивляться — Финляндия более ста лет была частью Российской империи...

Эта книга о том, что у нас принято называть «Русской Финляндией».

Но что это такое «Русская Финляндия»? Когда мы говорим «Русский Париж» или «Русская Ницца», — все достаточно просто и понятно: речь пойдет о представителях нашей аристократии, мира литературы и искусства, бывавших, живших там, и, конечно, об эмиграции после 1917 года.

С Финляндией все сложнее. И не только потому, что она в отличие от той же Франции входила в течение века в состав России, она просто ближе, и общение между народами, взаимное проникновение культур и связи возникли очень давно.

А рядом мы были всегда, и порой трудно, невозможно сказать, где проходит между нами граница — не географическая и не политическая на карте, а та, которая делит историю, культуру, духовный мир и судьбы людей — настолько здесь все срослось и переплелось.

Для русских Финляндия всегда казалась немного «своей». И не только в те годы, когда она принадлежала России. Ведь даже много позже, после Второй мировой

войны, благодаря политике «добрососедства» (термин, выдуманный в Советском Союзе в противовес западной «финляндизации») была самой близкой из всех капиталистических стран.

Одна моя знакомая из Питера на вопрос «Сколько раз была в Финляндии?», пожав плечами, ответила: «Раз пятьсот, может, больше». Конечно, она преувеличивала, хотя многие жители города на Неве и окрестностей наносят регулярные визиты в супермаркеты ближайших городов Суоми или отправляются на уикенд на отдых в коттеджи по берегам финских озер.

А ведь всего сто лет назад Финляндия действительно начиналась прямо на окраине Петербурга. Граница проходила тогда по реке Сестре, теперь она — за Выборгом, а в середине XVIII века — по озерному краю Саймы, еще восточнее.

И тут возникает вопрос — что считать Финляндией? Страну только в ее нынешних границах? Но ведь и Карельский перешеек, и западное, и северное Приладожье тоже когда-то и еще совсем недавно были Финляндией, ведь еще сто лет назад дачники, отправлявшиеся в сегодняшние Комарово, Рощино или Зеленогорск, что под Петербургом, ехали в Финляндию.



Уголок Финляндии. Худ. Альбер (Альберт) Бенуа

После Северной войны, а затем войны 1741—1742 годов, по Ништадскому и Абоскому мирным договорам часть Финляндии отошла России. Позже, когда в 1809-м вся территория Финляндии вошла в состав Российской Империи в качестве Великого Княжества, эти районы «Старой Финляндии» были включены в его состав.

И, говоря о связях, которым много веков, какую из всех этих границ считать за рубеж между странами?

И где, и когда начинаются эти связи?

Весь, меря, карела, ижора, водь — это все финские племена, которые влились в состав русского этноса... На то, что северная часть Центральной России была заселена именно финскими племенами, до сих пор указывают многочисленные топонимы.

Самый близкий финнам народ — карелы — живет и в Республике Карелия, и в Тверской области, куда в XVII—XVIII веках пришли переселенцы из районов Приладожья. В современной Финляндии тоже существует регион Карелия, и карелы, сегодня отличающиеся от финнов в основном лишь тем, что исповедуют православие, представляют собой в стране Суоми самостоятельное, правда, в основном этнокультурное меньшинство. Карелы, некогда союзники Новгорода, влились в состав финской нации наряду с племенами хяме (емь, или ямь) и суоми (сумь). Так что предками современных финнов и значительной части населения российского Северо-Запада были одни и те же племена.

Помню свой разговор, имевший место несколько лет тому назад с тогдашней главой московского офиса Центра по развитию туризма Финляндии (МЕК) Пиркко Перхеентуа.

Незадолго до этого мы случайно встретились с ней на вечере в финском посольстве в Москве, посвященной тверским карелам, и она, объясняя мне свой интерес к этой теме, сказала, что ее корни с Карельского перешейка и Приладожья, из тех самых мест, откуда карелы и переселялись на тверские земли.

«А знаете, тут звонит мне мой дядя из Финляндии — он ушел на пенсию и решил на отдыхе заняться поиском

наших предков, откуда пошел наш род, — рассказывает Пиркко. — Так вот, звонит он недавно и говорит: “Хочешь увидеть своего прапрапрапра — много “пра” — деда? Пойди в храм Василия Блаженного, и там висит икона Александра Невского, а с ним его соратник Пелгусий. Вот он и есть наш предок!”.

Фамилия дяди и моя девичья — Пелконен, — рассказывает дальше Пиркко. — Вот он, занимаясь поисками в архивах, и вывел ее от сподвижника вашего великого князя, героя и святого Александра Невского. Ну, я, конечно, рассмеялась: как такое может быть!?»

Самое удивительное, что может!

Пелгусий, или Пелгуй, — имя действительно встречающееся в древнерусских текстах. В XIII веке в районе Невы, по обоим берегам Финского залива, располагалась «морская сторожа» ижорян, финского племени — предков ингерманландцев, несшая охрану путей к Новгороду с моря. Ижоряне уже приняли православие и являлись союзниками Новгорода. Однажды на рассвете июльского дня 1240 года старейшина Ижорской земли Пелгусий, находясь в дозоре, обнаружил шведскую флотилию и спешно послал доложить обо всем Александру. Он крестился в свое время и принял имя Филипп, однако летописи упорно называли его прежним, языческим, именем.

Получив известие о появлении неприятеля, новгородский князь Александр Ярославович решил внезапно атаковать его. Произошедшее сражение и вошло в историю как Невская битва, после которой князь и стал именоваться Александром Невским.

Все авторитетные историки считают, что Пелгусий — лицо, безусловно, достоверное. А его имя скорее всего это искаженное Пелкунен, или Пелконен (соответственно падежная форма Пелкусен, или Пелкосен).

Примечательно, что финские источники говорят о том, что в Инкеримаа (Ингерманландии), Приладожье, на Вуоксе в XIII веке жил род Пелконен, и современные обладатели этой фамилии имеют корни именно из этих мест, а значит, являются дальними потомками Филиппа-Пелгусия!

Если это так — а скорее всего это действительно так — русско-финские связи насчитывают много столетий, и, главное, провести грань, границу между тем, что в долгое время считавшихся «пограничными» областях называть «русским», а что «финским», практически невозможно.

Хочу напомнить слова прекрасного русского писателя Ивана Шмелева, сказанные про отношение финнов к Валааму: «Валаам чужим им не был: такой же, как и они, суровый, молчаливый, стойкий, крепкий, трудовой, крестьянский».

И действительно — драгоценную святыню Валаам воспринимают не только у нас, в России, но и в Финляндии.

Я не случайно вспомнил этот монастырский остров на Ладогe, его имя не раз прозвучит в этой книге. В отношении к нему выкристаллизовываются отношения двух стран и народов, в этом монастыре переплетаются судьбы культуры и судьбы людей.

Приезжая в Финляндию, почти всюду встречаешь следы России.

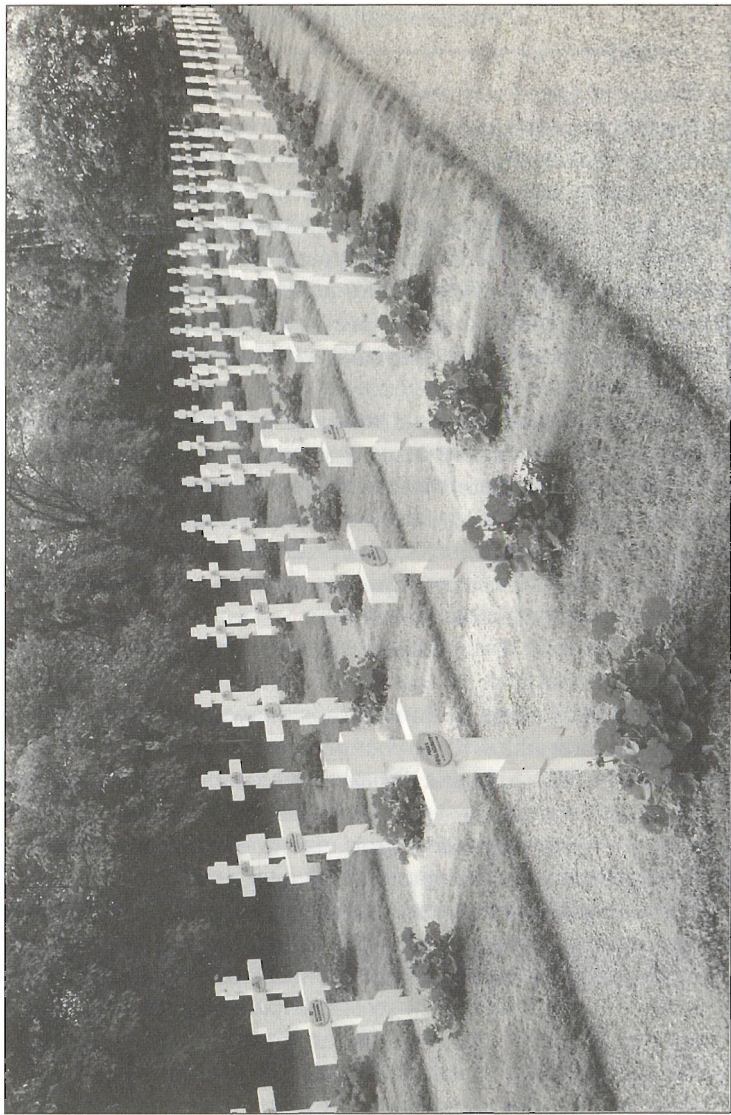
Еще в XIX веке в финском языке появились такие слова, как каракка (от русского слова кабак), тутта — тюрьма, putka — будка (правда, это слово переводится с финского как тюрьма), kanava (канал), votka — водка, remontti — ремонт и, наконец, mesta — место (это слово используется в разговорном финском языке).

Русское влияние можно обнаружить даже в сфере кулинарии. В Финляндии икру, например, подают с рубленным луком и сметаной. Многие финны уверяли меня, что это — традиционный русский рецепт, принесенный сюда в позапрошлом веке. И, как оказывается, забытый теперь в России, но сохранившийся в Финляндии.

Считается, что пара старых ресторанов в Хельсинки — едва ли не единственные места, где до сих пор можно отведать блюда настоящей русской кухни, такой, какая она была до 1917 года.

Известный финский историк Матти Клинге, занимающийся темой «Русские в Финляндии», отметил, что культурная жизнь в его стране стала более разнообразной благодаря влиянию Санкт-Петербурга. В XIX веке Санкт-

Православное
кладбище
Хиетаниemi
в Хельсинки.
Из 11 тысяч
могил
80 процентов
принадлежат
русским



Петербург впитывал в себя все новое, приходящее из Европы, публика внимательно следила за новинками моды и не пропускала балетных и театральных премьер. Путем диффузии новые привычки общества перенимались сначала из Европы в Санкт-Петербург, а оттуда распространялись по другим городам, а также по Финляндии. Таким образом, и в Финляндии публика стала собираться на показы балета, появилась возможность ознакомиться с западным искусством. На обеденных столах появились до тех пор не известные в кулинарии чай и шоколад, а в финских кабаках стали распивать немецкое пиво.

Не только архитектура православных церквей перешла из России на финскую землю, но и строительством городских сооружений занимались специалисты, прибывшие из России. Достаточно вспомнить комплекс в столице Финляндии на Сенатской площади. Немецкий архитектор Карл Людвиг Энгель приехал в Россию в 1815 году, где он успел проработать, прежде чем получил задание перестроить Хельсинки. Сенатская площадь, построенная в стиле ампира, напоминает архитектуру зданий, возведенных в те времена в Санкт-Петербурге.

В Финляндии пьют пиво марки «Синебрюхов», известной, правда, по усеченной для удобства произношения форме «Кофф». В городе Савонлинна можно полазать по крутым каменным лестницам замка, один из бастionedов которого до сих пор зовется «Суворовским»: будущий генералиссимус, а тогда генерал, укреплял там рубежи России. В местной топонимике финских городов можно услышать такие названия, как Сибирь, Амур и Порт-Артур...

В Финляндии, в былые годы, снимались голливудские фильмы, в которых действие разворачивалось в России или Советском Союзе, — идеальнее натуру найти было невозможно. Сюда западные советологи ездили изучать нашу страну — по прекрасным собраниям литературы, по внешнему сходству природы и даже географической близости. Даже сейчас в Финляндии есть аттракцион для туристов — «Российская граница», а лежащие у нашей

границы города Лаппеэнранта и Иматра называют «воротами на Восток».

Но, конечно же, «русское присутствие» в Финляндии — это прежде всего люди. Но, говоря о русских в Финляндии, надо помнить, что речь идет не только и даже не столько об эмиграции. В Финляндии с давних времен было русское население. Причем значительная его часть, особенно из среды купечества, достаточно быстро натурализовалась.

В 1724 году, то есть когда Финляндия еще была частью Шведского королевства, в Гельсингфорсе проживало всего 13 русских. После вхождения Финляндии в 1809 году в состав Российской империи и образования Великого Княжества Финляндского, сюда потянулся русский торговый люд, ремесленники, обосновавшиеся рядом с военными гарнизонами, а также крепостные из Ярославской, Тульской и Орловской губерний, привезенные на пожалованные земли. Потомки этих крестьян жили на Карельском перешейке в поселках Красное Село (Кююреля) и Райвола, сохраняя свой быт, культуру и язык, вплоть до «Зимней» войны. Наступление Красной армии вынудило их отправиться в сторону Хельсинки.

Русское купечество в Финляндии было весьма influent и дало несколько весьма знаменитых фигур. Достаточно называть имена Синебрюхова в Хельсинки и Ситкова — на Аландских островах.

Мелкие торговцы, занимавшиеся поставкой продовольствия для армии, становились в старой Финляндии солидными купцами, предпринимателями, заводчиками. С появлением российских гарнизонов в пределах Великого княжества Финляндского подобное явление распространилось и на основную часть Финляндии. Кроме Синебрюховых, заметное место в экономической жизни автономии занимал родившийся в местечке Хамина (территория современной Финляндии) бывший крепостной Шереметьевых Егор Ушаков. Основав в 1814 году вблизи столицы кафельно-кирпичный завод, он поставлял стройматериалы в город. Состоятельный предприниматель, имевший дома в центре Гельсингфорса, Ушаков

владел шведским языком, выучил даже финский, что для людей его круга было крайней редкостью. Официальным языком Финляндии являлся шведский, и даже автор гимна Финляндии Юхан Рунеберг, писатель и сторонник финского национального пробуждения, не знал языка простого народа. В 1822 году Егор Ушаков получил чин коммерции советника, его вместе с Федором Киселевым, не менее известным предпринимателем, избрали в число городских старшин Гельсингфорса. Позже в городское собрание столицы вошли влиятельные коммерсанты русского происхождения Егор Батурин и Николай Вавулин.

Вот что писал историк Д. Протопопов в конце XIX века: «Русские занимаются в Финляндии главным образом торговлей, особенно мелочной... кроме того, они хозяева промышленных заведений, огородники, ремесленники... пользуются здесь репутацией трудолюбивых и бережливых людей, хорошо обделывающих свои дела». По словам того же автора, «недавно еще русские, особенно более зажиточные и образованные, проживающие в западной части страны, довольно быстро ошведивались и офинивались... в Гельсингфорсе у них остались только фамилии Киселевых, Синебрюховых, Королевых, Сидоровых, по-русски они не понимают. Большинство рус-



В Финляндии. Худ. Альбер (Альберт) Бенуа

ских довольны здешними порядками». «Здесь все по закону, все правильно», — говорил Протопопову тверской мужик, исколесивший всю эту землю.

В самом начале XX века в Финляндии при переписи населения было зарегистрировано 5939 граждан автономии, считавших русский язык родным. От всех постоянных жителей ее эта цифра составляла 0,22%. В действительности выходцев из России было больше. Ведь к тому времени потомки таких известных фамилий, как Sinebrychoff, Kisileff, Kavaleff, Koroleff, Wavulin, окончательно влились в местное общество и восприняли шведский язык в качестве родного. С другой стороны, в данные статистики не вошли проживавшие в Финляндии русские, не имевшие финляндского гражданства. В основном это были военнослужащие и члены их семей, православные священнослужители, а также чиновники канцелярии генерал-губернатора, число которых несколько увеличилось в первое десятилетие XX века. В 1910 году в семи крупнейших городах автономии проживало 12 тысяч подданных России.

К моменту провозглашения Финляндией независимости на ее территории оказались три категории русских: постоянные жители страны (часть из них имела финляндское гражданство), военные (весной 1918 года их было примерно 40 тысяч, к концу года осталось незначительное число отставников) и небольшая часть дачников Карельского перешейка, укрывшихся там от революционной анархии. Среди них — художник Илья Репин и писатель Леонид Андреев. Перед Первой мировой войной в собственности петербуржцев и других жителей империи числилось на перешейке 775 поместий и 10 тысяч дач.

В то же самое время, еще с XVIII века, множество уроженцев Финляндии, пусть в основном и шведов по происхождению, связали себя с Россией и служили на ее благо.

Достаточно вспомнить лишь несколько имен. Например, создатель Никитского ботанического сада в Крыму Христиан Христианович Стевен (1781—1863 гг.), родившийся в Фридрихсгаме (ныне Хамине) Выборгской гу-

бернии, — известный ботаник, доктор медицины, садовод и энтомолог.

Или Кнут Адольф Шернвалл (1819—1899 гг.), или Шернваль (запомним эту фамилию, она не раз будет фигурировать в моем повествовании) — известный строитель железных дорог. Окончив Финский кадетский корпус в Хамине и поступивший в Инженерный институт в Петербурге, он проявил себя незаурядным инженером-строителем на строительстве железной дороги Петербург—Москва. Когда он вернулся к себе на родину, он принял самое активное участие в проекте железной дороги между Петербургом и Хельсинки. И именно он в интересах развития финской торговли поддержал идею строительства железной дороги с широкой колеей. Так что мы ему сегодня обязаны тем, что поезда из Москвы и Петербурга, идущие в Финляндию, не должны подолгу стоять на границе. Шернвалл в 1867 году был назначен главным инженером строящейся дороги, движение из Питера в Хельсинки было открыто в 1870 году и дало толчок быстрому росту финляндской экономики. Затем Шернвалл занимал в Петербурге должности начальника Российского управления железных дорог и Главного инспектора всех российских железных дорог. В 1888 году Шернвалл был вместе с царской семьей во время известной железнодорожной катастрофы в Борках, где был серьезно ранен.

А кто не знает прекрасный парк Монрепо на окраине Выборга? Его создал барон Павел Николаи. В России во времена советского лихолетья его имя было предано забвению, и даже его могила на маленьком островке в Монрепо была осквернена. Однако в период расцвета России имперской семья баронов Николаи, принадлежавшая к избранному кругу российской аристократии, была широко известна и в России, и в Европе. Павел Николаи, чьи предки верой и правдой служили русским императорам со времен Павла I, выбрал необычный путь: он стремился посвятить себя христианскому служению ближним, много путешествуя, начал — едва ли не первым в нашей стране — помогать заключенным в тюрьмах, охватив своей деятельностью всю Сибирь. Деятельность Николаи не

знала никаких границ: ни классовых, ни расовых, ни географических, ни религиозных.

Рассказывают, что последний из рода баронов Николаи в 1918 году увидел в Мореполу толпу революционеров. Один солдат загородил им дорогу, сказав: «Я не дам тронуть его, это ангел, не человек. Он спас мою семью от голода». И толпа удалилась!

В начале прошлого века безземельные финны, откликнувшиеся на «призыв» столыпинской реформы, осваивали Дальний Восток, участвовали в строительстве Транссиба.

Именно финны первыми стали исследовать наших тверских карел — еще со второй половины XIX века и до наших дней: чуть ли не регулярно в Бежецкий и Весьегонский уезды приезжали финские собиратели фольклора, лингвисты, этнографы.

Да, есть масса уроженцев Финляндии, которые стали знамениты именно в России, прославились своими делами в Москве, Петербурге и вообще на бескрайних просторах нашей страны.

«Финский Петербург», которому были посвящены целые исследования, это отдельная и любопытнейшая тема — финские молочницы, купцы, ювелиры, работавшие в том числе и у Фаберже, капитаны и команды пароходов, возивших паломников из Петербурга на Валаам и Коневец...

Может возникнуть вопрос: а какое отношение они имеют к теме «Русская Финляндия»?

А все дело в том, что Хельсинки, тогдашний Гельсингфорс, и Петербург соединялись тысячами нитей. Многие жители Хельсинки, в том числе и из числа предпринимателей и деятелей культуры, работали в Петербурге, были связаны с Россией и, возвращаясь в Финляндию, были уже «отчасти русскими». И границу провести очень сложно.

Возьмем для примера прекрасно всем знакомую — и в Финляндии, и в России — кондитерскую фирму «Фацер», которая была основана в 1891 году Карлом Фацером, сыном швейцарца, переселившегося в Финляндию. В 18 лет

он отправился в Петербург, Берлин и Париж с мечтой стать кондитером. Петербург был идеальным местом для того, чтобы начать дело — русский шоколад имел хорошую репутацию и доминировал на рынке. В Петербурге Карл встретил знаменитых шоколадных дел мастеров. Обучившись рецептам, Карл открыл в 1891 году в Хельсинки свою «русско-французскую кондитерскую», а в 1894 году зарегистрировал свою марку «Karl Fazer». Его конфеты, пирожные, торты, мороженое имели огромный успех, заказы приходили от самых влиятельных людей не только из Финляндии, но и всей Скандинавии... Швейцарец, он стал гордостью Финляндии. Но привез свое мастерство из России, которая также стала рынком сбыта его продукции.

Примечательна, хотя и гораздо менее известна, деятельность брата Карла, Эдварда, который был антрепренером. Именно Эдвард был импресарио Мариинского балета и организовал гастроль «Мариинки» в Европе в 1908—1910 годах, то есть уже за год до Дягилева. Его заслуга состоит в том, что он первым вывез именно труппу — до него за границей выступали только отдельные артисты, Дягилев же эту идею успешно подхватил. Финская исследовательница Йоханна Лаакконен даже посвятила свою кандидатскую диссертацию этой теме: «Эдвард Фацер и Императорский русский балет».

То же самое можно сказать и о финских ювелирах, работавших на фирму Фаберже. Тем более что, после того как наследник «империи Фаберже» Агафон перебрался в Хельсинки, их связи не прекратились. Одним из этих мастеров была, например, Альма Пиль (1888—1976 гг.), которая работала, как и многие другие финские ювелиры, у Фаберже в Петербурге. Ее имя в России сегодня обычно вспоминают в связи с последней распродажей из Оружейной палаты в 1933 году, когда ушло великолепное мозаичное яйцо ее работы, в котором драгоценные камни имитировали вышивку по канве крестиком и которое ныне принадлежит английской королеве Елизавете II.

Я задаю себе вопрос: а если бы не революция 1917 года и не последовавшая за ней независимость Финляндии,

разве мы бы говорили, что братья Фацеры или Пиль были «не русскими»?

А вот другие примеры, другие имена.

Карл Густав Маннергейм был офицером Русской армии, воевал за Россию на фронтах Русско-японской и Первой мировой войны, а стал финским маршалом и президентом Финляндии. Или Аврора Шернваль — финская шведка, но известная сегодня в Финляндии под фамилией своего мужа как Кармазина.

В поселке Рошино на Карельском перешейке, в бывшей финской Райволе, на берегу озера можно увидеть небольшую каменную стелу: на ней — стихи на шведском языке, имя Edith Sodergran и даты жизни — 1892—1923.

Кто у нас знает это имя — Эдит Седергран? А она ведь выросла в Петербурге. И, хотя и не получила признания при жизни, теперь считается одной из лучших поэтесс Финляндии, а ее имя называют среди величайших поэтов-модернистов Скандинавии. Стихи Эдит, отличающиеся свежестью и особой образностью, переведены на языки разных стран мира, ее творчество вдохновило многих поэтов.

Но есть и русские имена, которые прекрасно известны в Финляндии, но забыты или просто не известны у нас.

Ну, допустим, что кому-то у нас говорит имя князя Михаила Долгорукова? А в Финляндии ему стоит памятник.

Или вот поэт, прозаик и журналист Иван Савин (1899—1927 гг.), имя и творчество которого стали известны в России лишь в начале 1990-х годов. Иван Савин (Саволайнен) родился в Одессе, но все детство и юность провел в Полтавской губернии. Дед Ивана Савина — Йохан Саволайнен, финский моряк, встретил в Елисоветграде русскую гречанку, женился на ней, остался жить в России. От этого брака родился отец поэта, Иван Иванович-старший.

Вся семья Саволайнена (они писали свою фамилию на русский манер — Саволаины) была сметена ураганом революционных событий и Гражданской войны. Два старших брата, Михайловские артиллеристы, были расстре-

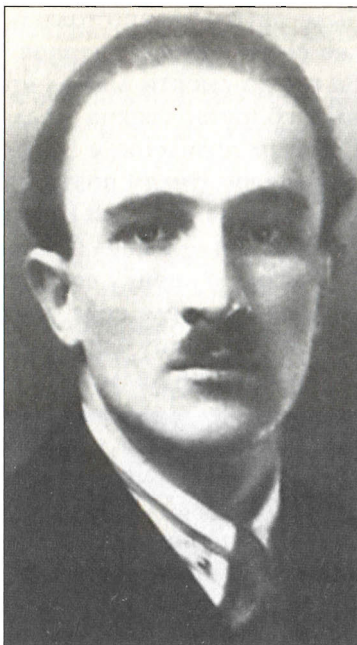
ляны в Крыму. Иван Савин попал в плен в Джанкое...

Когда с помощью своего солдата-улана Савину удалось добраться в 1921 году до Петрограда, где встретился с отцом, ему пришлось провести холодную и голодную зиму.

Савина с отцом отпустили, так как у них были в порядке финские бумаги, и они приехали в Хельсинки, где отец работал на сахарном заводе, а Иван Савин устроился на том же заводе сколачивать ящики... После плена и голода даже такая жизнь казалась просто сказочной.

Иван Савин начал печататься в местной газете «Русские вести». Писал и в газеты «Сегодня» (Рига), «Руль» (Берлин), «Новое время» (Белград), «Возрождение», «Иллюстрированная Россия» (Париж) и сразу же в свои 24 года завоевывает любовь и уважение все русской колонии. Кроме того, он вел кружок русской молодежи в Хельсинки. Стал по праву одним из известнейших поэтов Белого дела. За эти оставшиеся несколько лет жизни Иван Савин успел рассказать о пережитом. Он привлек внимание к запискам Мальсагова, побывавшего в Соловецком лагере. На Валааме встречался и беседовал с Анной Вырубовой. Иван Савин рассказал о жизни в Крыму, дошедшей до «раскаленного ужаса». Художник Захаров в 1926 году представил Савина и его жену Людмилу И.Е. Репину. Илья Ефимович сокрушался, что не успел написать портрет Ивана.

Савин продолжал любить Россию, веровать, надеяться на ее возрождение. За пять лет жизни в эмиграции им



Иван Савин

было опубликовано только в газетах Гельсингфорса более сотни статей, очерков, рассказов и стихотворений. За год до смерти вышел его единственный прижизненный сборник стихов «Ладонка», изданный в Белграде Главным правлением Галлиполийского общества. Представляя читателям поэта, автор предисловия к сборнику В. Даватц написал: «В Крыму он потерял свою свободу; в Финляндии — нашел ее снова. Свободу без родины...»

Высокую оценку его стихам дал Иван Бунин: «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе...»

Умер поэт в Хельсинки 12 июля 1927 года и похоронен на хельсинкском кладбище Хиетаниеми. На его могильном памятнике высечена надпись: «Иван Иванович Саволаин», а под ней — «поэт Иван Савин».

Кто он, Иван Савин — финн или русский? И разве это имеет значение? Он был финном по паспорту, частично по крови, но был русским патриотом и вообще человеком чисто русским, готовым отдать жизнь за Россию.

Послереволюционная русская эмиграция — это целая отдельная тема. В Финляндию бежали из Петербурга — было близко. Бежали по суше, по морю, по льду...

Многих революция застала на дачах на Карельском перешейке — они задержались там до лучших, более спокойных времен, но, так и не дождавшись их, остались в Финляндии навсегда.

Решили не возвращаться в столицу и те, кто просто жил и работал на территории Великого Княжества. Находилось здесь и множество русских военных — к 1917 году их было расквартировано 125 тысяч. После революции большинство из них вернулись на родину, но часть офицеров осталась в Финляндии, чтобы присоединиться к эмигрантам, хлынувшим из Питера. Осенью 1918 года беженцев, перешедших финскую границу, было уже около трех тысяч, а к концу 1919 года — пять тысяч. После Кронштадтского мятежа 1921 года число русских в Финляндии увеличилось еще на восемь тысяч. В результате «первой волны» эмиграции русское население в стране достигло к 1922 году 35 тысяч человек.

Многие эмигранты, прибывшие в Финляндию, держали путь дальше — в Берлин, Прагу и Париж.

Будучи меньшинством в автономном Великом Княжестве Финляндском, русские в то же время были представителями большинства Российской империи. В стране же, обретшей независимость, многие утратили прежний социальный статус. Бывшие офицеры становились рабочими. Конфетную фабрику «Фацер» называли в Гельсингфорсе «русской академией». Трудились русские и на колбасной фабрике «Маршан», на Кабельном заводе, в доке «Вяртсиля». Имевшие склонность к живописи разрисовывали фарфор и керамику на фабрике «Арабия». На Карельском перешейке и в Приладожской Карелии, где жила добрая половина всех русских, работой обеспечивал предприниматель Ф.И. Сергеев, владевший табачной фабрикой, пивоваренным и мыловаренным заводами. Известны были как русские предприятия лесопромышленный завод Жаворонковых в Суоярви, картонная фабрика Зориных в Райвола и Терийоки, конфетные фабрики Кулаковых и Васильевых.

Примечательна судьба коммерции советника Ф.И. Сергеева, переселившегося в 1854 году подростком из Ярославской губернии в Выборг, — он был известен своим меценатством и благотворительной деятельностью. В первые годы независимости Финляндии Выборгский Русский реальный лицей и местная народная школа существовали главным образом на его пожертвования, полмиллиона марок выделил он и в фонд основания высшей школы в Выборге. Православная церковь получила 205 тысяч финских марок на сооружение храма на Ристамьякском приходском кладбище. Не оставались без поддержки спортивные общества, любители драматического искусства и просто попавшие в беду люди. После «Зимней» войны заметная часть из наследства Ф.И. Сергеева перешла по дарственному завещанию его старшего сына Хельсинкской высшей коммерческой школе.

Глава Русской канцелярии в Хельсинки, бывший офицер Генерального штаба С.Э. Виттенберг в своих дневни-

ках оставил достаточно подробные воспоминания о жизни русской колонии в Финляндии в первый год финляндской независимости.

Большую популярность среди русских имел бывший комендант Свеаборгской крепости полковник К.Е. Кованько, ставший центральной фигурой среди русского населения в Финляндии. Авторитетом пользовался и В.В. Белевич, директор Александровской мужской гимназии. Любопытна и судьба Константина Арабажина, который волей случая в первые годы финляндской независимости стал одной из ведущих фигур среди русской диаспоры в Финляндии.

Константин Иванович родился в 1866 году в Каневе на Украине и по отцу приходился близким родственником известному украинскому историку В.Б. Антоновичу, а по матери — Марианне Бугаевой — был двоюродным братом русского писателя Андрея Белого (Бугаева). В 1891 году он переехал в Петербург, где преподавал русский язык и литературу, активно участвовал в общественной жизни, был учредителем Общества народных университетов, заявил о себе как публицист, редактор и театральный критик.



Остатки былого. Сумерки. Финляндия. Худ. Исаак Левитан

Финляндский период в жизни Арабажина начался в 1913 году, когда он по конкурсу занял освободившееся место профессора русского языка и словесности Гельсингфорсского университета. Окончательно он переехал туда лишь в конце 1917 года, после провозглашения независимости Финляндии. Обосновавшись в Хельсинки, Арабажин активно включился в местную общественную жизнь, состоял членом или председателем советов ряда местных русских учебных заведений. Он издавал ряд русскоязычных газет — «Голос русской колонии», «Русский голос», «Русский листок», «Русская жизнь». При этом Арабажин ставил цель объединить все слои русского населения в Финляндии, не вмешиваться во внутренние финские дела и способствовать сближению финнов и русских. Не случайно именно он в 1918 году был избран одним из четырех представителей русского населения для связи с финскими властями. С «Русской жизнью» сотрудничали, например, Е.А. Ляцкий, Н.В. Дризен, Н.К. Рерих, Г.П. Струве...

Правда, русское общество в Финляндии было очень разнородным и его раздробленность и раскол преодолеть было невозможно. Например, «Русская жизнь», вопреки желаниям Арабажина, фактически стала органом Политического совещания при генерале Юдениче. Начавшаяся внутри русских организаций борьба за лидерство стала перерастать в откровенные раздоры и интриги.

Между тем самого Арабажина финские власти стали считать «подозрительным» и «политически неблагонадежным лицом» за якобы имевшиеся у него контакты с Советской Россией. Имелось в виду санкционированное самими властями его участие в переговорах с представителями большевиков летом 1918 года об обмене русских военнопленных в Финляндии на арестованных в России финляндских граждан.

В ноябре 1919 года Арабажин стал главным редактором новой газеты «Рассвет», издание которой продолжалось до середины февраля 1920 года. Летом 1920 года Арабажин уехал сначала в Таллин, а потом в Ригу, где и продолжал свою деятельность до самой смерти в 1929 году.

Надо отметить, что во многом по инициативе Арабажина в Хельсинки было создано Общество «Русская колония в Финляндии», в котором он стал председателем правления.

Если Особый комитет по делам русских в Финляндии был в основном своего рода консульской службой, то «Русская колония в Финляндии» — общественной организацией, ставившей целью создание «очага русской культуры вне родины». Поток беженцев определил приоритетное направление работы «Русской колонии» в начальный период: оказание неотложной помощи прибывающим. Организованный при обществе Комитет по заготовке белья обеспечивал одеждой неимущих русских. Несмотря на сложность материального положения, не были оставлены без внимания духовные потребности беженского сообщества. Уже в январе 1920 года «Русская колония» основала в Гельсингфорсе свою библиотеку, занималось общество и организацией благотворительных концертов и лекций. Благо Финляндия приютила тогда немало талантов. К примеру, историю балета и вокального искусства страны трудно представить без таких имен, как А. Сакселин, М. Пайшева, Д. Арбенин, Г. Ге, Л. Нифонтова, Н. Бегичев, А. Каменский, Е. Никитина. Репертуар известного ценителя музыки Гельсингфорсского Великорусского оркестра, руководимого А. Губертом, включал произведения Чайковского, Сибелиуса, Шуберта, Верди, Бородина, Ярнефельта... Привлекали публику и выступления Гельсингфорсского русского хора под управлением И.В. Стратова. Бывший петербуржец Г. Годзинский, с успехом выступавший в русских залах Гельсингфорса и Выборга, стал в Финляндии известным музыкантом и любимым композитором. Кстати, уже в 1928 году русские эмигранты основали в Финляндии свой театр. Заметную роль в жизни объединения играли бывшие офицеры, непримиримые, как правило, к большевизму.

В мае 1925 года в газете «Новые русские вести», которую издавал и редактировал член правления «Русской колонии» Валериан Воутилайнен, появилась статья Ивана

Савина — страстный призыв вступать в общество «Русская колония в Финляндии». «В настоящее время, — писал поэт, — общество «Русская колония» является собирательным началом всего русского в Финляндии, своего рода национально-бытовой надстройкой над организациями и обществами, входящими в нее в качестве автономных единиц, что предусмотрено утвержденным властями уставом общества...» Задачу автор статьи видел в том, чтобы «создать очаг русской культуры вне родины в годы, когда сожжены дотла наши очаги там, в России».

Кроме вышеназванных, в Гельсингфорсе выходили и другие многочисленные, но, как правило, недолговечные издания на русском языке.

В 1933 году начал выходить литературно-общественный ежемесячник «Журнал Содружества». В отличие от 1920-х годов, когда в Гельсингфорсе издавались, сменяя друг друга, главным образом ежедневные газеты, в 1930-е, после долгого «безголосного» существования (если не считать чисто церковных изданий), русская культурно-общественная жизнь отражается на страницах журнала, а центр печатного слова перемещается в Выборг. Представляя читателям издание, редакция подчеркивала, что «Журнал Содружества» — «вне всякой политики группирует вокруг себя русских людей, не желающих забыть родной язык и родную русскую культуру, забыть, что они русские».

Основателем нового журнала стало Содружество бывших учащихся Выборгского Русского реального лицея. Уже со второго номера ответственным редактором его значится получивший образование во Франции инженер-механик Ф.В. Уперов, а затем его брат, Игорь Уперов, становится во главе журнала. Эта фамилия была известна в Выборге. Их отца полковника В.В. Уперова, зятя коммерции советника Ф.И. Сергеева, знали как одного из самых активных и уважаемых общественных деятелей. Ему и принадлежала мысль о создании подобного печатного органа. Этот журнал, помимо Финляндии, читают в Эстонии, Латвии, Швеции, Чехословакии, Бельгии, Франции, Швейцарии, США и даже в Конго и Южной Африке. Го-



Анна Танеева-Вырубова

вора о послереволюционной русской эмиграции в Финляндии, нельзя не сказать отдельно об Анне Танеевой-Вырубовой. Ее имя окружено множеством слухов, сплетен и легенд. При этом одни рисуют ее авантюристкой, другие считают святой.

Но именно Финляндия, где она прожила много лет, до самой своей смерти в 1964 году, хранит ее архивы и воспоминания знавших ее людей, которые показывают Анну Танееву-Вырубову не как преступницу, а как жертву, заложницу ее любви и преданности к семье по-

следнего императора России. В 1987 году издательством «Отава» под редакцией Ирмели Вехерьююри была выпущена на финском языке книга «Анна Вырубова, фрейлина царицы». В книге около 200 фотографий из архива редактора. Две главы написаны иеромонахом Нововалаамского монастыря Арсением на основании подлинных документов. Содержание книги не оставляет сомнений в том, что сложившийся среди русских (как в России, так и в Финляндии) негативный образ Анны Танеевой-Вырубовой не имеет ничего общего с реальностью.

Несколько лет назад по финскому телевидению в серии документальных программ был показан и фильм об Анне Танеевой-Вырубовой. Директор музея «Царское село» Лариса Бардовская прямо указывает на советских творцов мифа о Вырубовой — авторов подложных ее мемуаров писателя Алексея Толстого и историка Щёголева, которые то ли из-за страха репрессий, то ли из-за денег взялись выполнить этот заказ «партии и правительства».

Примечательно, что, перебежав в Финляндию, Танеева-Вырубцова многократно получала отказ в выдаче финского гражданства по причине отсутствия достаточных средств к существованию и жила здесь очень скромно, почти нищенствовала.

В эмиграции Анна завязала знакомство с Выборгским епископом Александром, с валаамскими монахами, и особенно со схиигуменом Иоанном и схииеромонахом Ефремом, который в свое время был близок ко двору.

Посещение Валаама и духовные беседы со схииеромонахом Ефремом упрочили решение Анны постричься в монахини. Еще будучи в Петрограде, она дала обет Богу, что если они с мамой, избегнув опасности, окажутся в Финляндии, то она пострижется в монахини. Так как она была инвалидом, ее, нетрудоспособную и непривыкшую к тяжелым физическим работам, не могли взять в действующий Линтульский женский монастырь. Отец Ефрем все-таки желал помочь своему духовному чаду в этом ее стремлении и постриг Анну тайно в монахини с именем Мария в Смоленском скиту на Валааме. Такое действие было в то время весьма распространено, особенно среди эмигрантов. «Постриженная в тайную монахиню» не жила в монастыре, но продолжала свою жизнь в миру, исполняя определенное ежедневное молитвенное правило, а также посещая богослужения в приходской церкви. Ей надо было скромно одеваться и избегать светской жизни. Возможно, именно в связи с монашеским постригом Анна с 1930 года жила самоустраненно, не потому что она пренебрегала людьми, а чтобы иметь возможность посвятить свою жизнь молитве.

Примечательно, что маршал Маннергейм летом 1940 года написал для нее следующее письмо: «Свыше тридцати лет знаком с Анной Танеевой, с ее уважаемыми родителями и многими их родственниками; прошу всех тех, кто окажется в общении с госпожой Танеевой, ставшей инвалидом в результате железнодорожной катастрофы, относиться к ней сочувственно и с пониманием».

Но предвоенная эпоха заканчивалась, чувствовалось приближение катастрофы. За год до войны в Финляндии

проживало 5819 бывших подданных Российской империи, русских, не имевших финляндского гражданства — на две тысячи меньше, чем за десять лет до того. В 1918—1940 годах 4330 русских получили финские паспорта. Утрата Выборга, Карельского перешейка и других территорий, повлекшая переселение русских в разные районы Финляндии, ускорила процесс ассимиляции.

После выхода из Второй мировой войны Финляндия была вынуждена пойти на ряд уступок Советскому Союзу, которые, в частности, развязали руки советским спецслужбам на территории страны.

В апреле 1945 года Хельсинки полнился слухами об аресте множества русских эмигрантов и выдаче их советским властям в лице так называемой «Контрольной комиссии». Дошло до того, что президент Финляндии Карл Густав Маннергейм поинтересовался у премьер-министра Ю.К. Паасикиви об их судьбе. Оказалось, что в ночь с 20 на 21 апреля 20 человек из представленного списка 22 человек (двое успели, видимо, покинуть Фин-

ляндию) были задержаны и переданы Контрольной комиссией. Ночной операцией и действиями финской полиции руководил подполковник МГБ А. Федоров. В хельсинкском аэропорту, куда задержанных привезли парно скрепленными наручниками, их ожидал председатель Контрольной комиссии А. Жданов. Никаких допросов не проводилось, через несколько часов арестованные оказались в Лубянской тюрьме.



*Могила Анны Танеевой-
Вырубовой*

Из этой двадцатки десять человек были

гражданами Финляндии, у девятих были нансеновские паспорта и только один был гражданином СССР — Александр Калашников, бывший военнопленный, не пожелавший вернуться в Советский Союз после «Зимней войны». В числе финских граждан имелись как урожденные граждане, так и подданные в прошлом Российской империи, получившие гражданство Финляндии.

Черной неблагодарностью отплатили спецслужбы СССР и Степану Петриченко, одному из руководителей Кронштадтского восстания. В 1927 году он был завербован советской военной разведкой. Во время войны Петриченко за враждебную к государству деятельность был, как и многие финские коммунисты, посажен в тюрьму. После подписания перемирия бывший кронштадтский моряк вошел в инициативную группу по образованию Русского культурно-демократического союза, просоветской организации, создание которой одобрила Контрольная комиссия. Несмотря на заслуги перед советской властью, он оказался в числе лиц, «виновных в совершении военных преступлений». Когда в 1947 году в Соликамский лагерь Пермской области, где Степан Петриченко отбывал десятилетний срок, пришло распоряжение этапировать его во Владимирскую тюрьму, в списке живых Петриченко уже не значился.

Архитектор Иван Кудрявцев, изысканный рисовальщик, любитель русской археологии и автор целого ряда построек в Финляндии, вспоминает атмосферу того времени: «Среди русских стали ходить тревожные слухи о том, что готовится список об аресте второй "партии". Особенно удручающими были вести о том, что некоторые семьи русских посещаются советскими агентами, которые проводят допросы и требуют письменных характеристик поведения и деятельности определенных лиц за последние годы. Это привело к тому, что многие русские из осторожности срочно перебрались в Швецию». Осевшие в Финляндии русские эмигранты «первой волны» постепенно, так же, как и купцы в XIX веке, ассимилировались в финской среде. В 1961 году в бывшей «Табуновской» русской школе училось всего четыре человека. Для

сравнения: в 1918 году это гельсингфорсское учебное заведение насчитывало 400 учащихся. А в 1987 году, согласно опросам, только 2587 человек, живущих в Финляндии, назвали русский язык родным.

Иван Кудрявцев с сожалением констатировал в 1980-е годы: «Теперь нас, русских эмигрантов старшего поколения, осталось мало, а дети уже не знают русского языка...»

Однако именно в 1980-е годы начался процесс репатриации в Финляндию так называемых «русских финнов», которые составили значительную долю в эмигрантском потоке из Советского Союза, а затем из России в эту страну.

«Русскими» в Финляндии считаются и ингерманландцы (петербургские и подпетербургские финны), и потомки переселившихся в Россию финнов. Революция, большевистская коллективизация, ссылки 1930-х годов, война и разных лет циркуляры, дискриминирующие ингерманландских финнов, привели к губительным последствиям. Распыленная по необъятным просторам Советского Союза финская диаспора стремительно уменьшалась: если при переписи 1959 года в СССР проживало 93 тысячи финнов, то к 1970-му их число сократилось на 8 тысяч, девятью годами позже перепись зафиксировала 77 тысяч финнов, из которых только 40,9% назвали финский родным языком. По данным последней советской переписи в 1989 году, численность финнов в СССР уменьшилась до 67 тысяч.

«90% прибывших из России ингерманландцев — по языку и национальному самоопределению совершенно русские», — с удивлением писала одна популярная хельсинкская газета.

Сегодня в Финляндии проживает, по разным оценкам, 20—30 тысяч человек, для которых русский язык является родным. Это второе по численности языковое меньшинство (после шведского).

Переселенцы из бывшего СССР — не однородная группа: наряду с ингерманландскими финнами она включает потомков «красных» и американских финнов (которые под воздействием советской пропаганды приехали из



Зимний вечер в Финляндии. Худ. Арсений Мещерский

США и Канады, чтобы «трудиться на благо социалистического отечества карелов и финнов» — новосозданную и очень недолго просуществовавшую Карело-Финскую ССР). В страну приехали как люди, защищавшие ее во время войны и отсидевшие по 20 лет в советских лагерях, так и бывшие советские партизаны, воевавшие в тылу финской армии. Родину деда предпочел Украине внук руководителя Карельской трудовой коммуны Эдварда Гюллинга, расстрелянного в СССР в 1930-е годы. Дочь известного функционера КПСС О.В. Куусинена Рийкка Куусинен переселилась на 85-м году жизни из Москвы в хельсинкский дом престарелых, где и закончила свои дни, успев получить решение о восстановлении в финляндском гражданстве...

И большинство из них в Финляндии тоже считались «русскими»...

Говоря о «Русской Финляндии» и об исторических связях двух стран, нельзя не вспомнить, Финляндия — это и место проведения большевистских конференций, место, где Ленин и другие революционеры скрывались от царской охраны. Они тоже «наследили» здесь, да и сама их деятельность привела к тому, что после потрясений в Петербурге Финляндия стала независимой.

Свои следы в Финляндии оставили и войны с Советским Союзом — и «Зимняя», 1939—1940 годов, и Великая Отечественная — в виде разрушений от бомб, появления новых эмигрантов и интернированных, не говоря уже о новых восточных границах страны...

Целая отдельная тема это — русские цари и царские семьи в Финляндии. Многие, если не все важнейшие события в истории Финляндии XIX века связаны с русскими императорами. Но это вполне естественно, так как страна эта была Великим Княжеством, частью империи. Однако автономный статус Финляндии и ее значительная самостоятельность были результатом именного особого отношения со стороны русских царей, в первую очередь Александра I и Александра II. Но здесь нужно отметить, что для многих русских царей Финляндия была и любимым местом отдыха. Не случайно не так давно в Финляндии даже вышла целая книга — «Императоры на отдыхе в Финляндии». Ее авторы Йорма и Пяйви Туоми-Никула подсчитали, что с 1809 по 1917 год, когда Финляндия входила в состав Российской империи, наши цари провели в этой стране в общей сложности 751 день!

С пребыванием русских царей и их семей в Финляндии связано множество мест. Об этом напоминают памятники, мемориальные знаки, которые, надо специально подчеркнуть, никогда не уничтожались, а, наоборот, почитались и охранялись.

С Финляндией связан и большой пласт русской культуры. Можно долго перечислять имена русских художников и поэтов, писателей и музыкантов, которые бывали в этой стране и так или иначе отразили свои впечатления в своем творчестве.

К Финляндии, ее природе, национальной культуре, политике проявляли интерес многие русские поэты и писатели. Кое-кто из наших литераторов даже оказывался здесь в ссылке, как Евгений Баратынский, которого А.С. Пушкин назвал даже «певцом Финляндии». Другие, как Батюшков, участвовали в военных походах против Швеции, в завоевании финских земель. Позднее Финляндия стала излюбленным местом для романтически на-

строенных русских поэтов — здесь бывали и жили по долгу поэты Серебряного века Соловьев, Брюсов, Анненский, Мандельштам, Гарднер. В русской поэзии сохранились целые циклы стихотворений, посвященные озеру Сайма или водопаду Иматра. В них описывалась суровая красота дикой Финляндии: холодные серые воды, ревущие водопады, опасные топи, величественные гранитные валуны под низким ватным небом. Но временами в этих стихах и прозе проскальзывали и другие нотки — в Финляндии можно было не только бродить среди песчаных дюн или плавать по ровной глади прозрачных озер, вдыхать аромат болотных ягод и соленый ветер с моря, но и «мечтать о временах протекших», как сказал Батюшков и «обрывать нить сознания», по выражению Блока. Русская поэзия Серебряного века впитала в себя таинственную финскую магию как раз перед тем, как этой магии суждено было окончательно угаснуть.

Хорошо известен очерк Александра Куприна «Немножко Финляндии». В этом небольшом произведении писатель дает прекрасный портрет нации, портрет объективный, написанный с явным уважением и даже любовью: «Конечно, трудно многое сказать о стране, в которой был точно мимоходом, но все, что я видел, укрепляет во мне мысль, что финны — мирный, большой, серьезный, стойкий народ, к тому же народ, отличающийся крепким здоровьем, любовью к свободе и нежной привязанностью к своей суровой родине».

Гораздо меньше знают написанную Купри-



Александр Куприн

ным уже в эмиграции статью «Суоми». Но почти четверть века, разделяющую время написания двух произведений, мало изменили взгляд русского писателя на Финляндию. А его фраза еще из очерка начала прошлого века — «Мне каждый раз хочется сказать относительно Финляндии: ежа голой спиной не убьешь» — оказалась в годы Второй мировой войны пророческой.

Классикой путевого очерка о Финляндии и в то же время едва ли не первым подобным отечественным произведением об этой стране стали воспоминания Анны Керн о поездке на Иматру.

Большой след оставила Финляндия и в русской живописи: северная страна, ее природа, народный быт послужили источником вдохновения не для одного русского художника.

Карл Беггров (1799—1875 гг.), отец известного русского мариниста, академика Александра Беггрова, создал известный альбом акварелей «Виды Финляндии» (1857 г.), который принадлежит к числу его наиболее значительных работ позднего периода.

Живописец, акварелист Арсений Мещерский (1834—1902 гг.), работавший в технике сепии и занимавшийся



Крестьянский дворик в Финляндии. Худ. Валентин Серов

литографией, автор многочисленных самобытных пейзажей, написал полотно «Зимний вечер в Финляндии» (1866 г.).

Валентин Серов часто проводил лето в Финляндии, общаясь с А.Н. Бенуа и другими организаторами будущего объединения «Мир искусства». Известна его работа «Крестьянский дворик в Финляндии» (1902 г.)

В Финляндии много времени провел Александр Бенуа. А его брат Альбер, в 1880—1890-х годах награжденный званием академика и ставший одним из любимейших русских художников, чьи акварели раскупались нарасхват, оставил после себя много работ с финскими пейзажами (например, «В Финляндии»).

Кисти знаменитого пейзажиста Исаака Левитана принадлежат такие, к сожалению, мало известные работы, как «Крепость в Финляндии», изображающая крепость Олафсборг в Савонлинне, и «Остатки былого. Сумерки. Финляндия» (1897 г.).

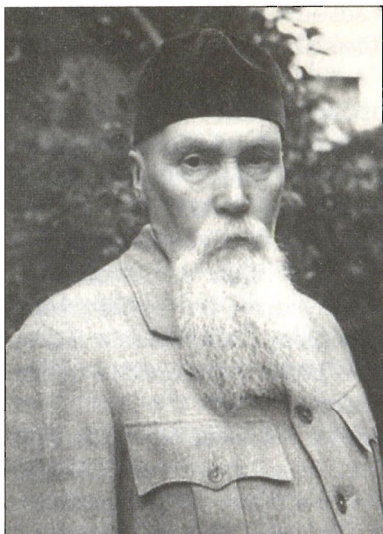
Не раз бывала в Финляндии и написала там ряд пейзажей Анна Остроумова-Лебедева.

Нельзя не вспомнить и о том, что Илья Репин не один год прожил в Финляндии, а целая плеяда русских живописцев, включая Ивана Шишкина и Архипа Куинджи, ездила на этюды на Валаам и в соседние места Приладожья, которые в те времена тоже были частью Финляндии.

Но особо нужно сказать о творчестве Николая Рериха.

Как писал автор одной из книг о художнике Е.Г.Сойни, «не попади Рерих на Восток, он остался бы в истории русского искусства певцом Севера...»

Первый раз Николай Рерих побывал в Финляндии в 1899 году в поиске сюжетов картин и материалов о викингах. Идея поездки родилась не без влияния картин знаменитого финна, иллюстратора «Калевалы», лидера финского неоромантизма Акселя Галлен-Каллела. Их знакомство позже перерастет в дружбу, Аксель очень поможет Николаю в 1918 году, когда Рерих окажется непонятым финскими властями. Впечатления поездки оформились в известной картине «Заморские гости», в сказ-



Николай Рерих

ках и сагах о викингах, написанных в древнескандинавском стиле.

Второе знакомство с Финляндией состоялось в 1907 году, тогда Рерих с женой и детьми провел там лето. И время это было плодотворным. Написаны картины: «Заключение земное» изображает ритуал охоты, «Пляска» радуется хороводом девушек на древнем празднике. Созданы восемь этюдов: «Вентиля», «Нислот. Савонлинна», «Пункахарью», «Иматра», «Седая Финляндия», «Со-

сны», «Камни», «Лавола». Под впечатлением от Финляндии Рерих пишет «Триумф викинга», «Варяжское море», «Песнь о викинге». В это же время художник проявляет интерес к старинным финским храмам, он подчеркивает своеобразие финской настенной живописи; фантастические орнаменты, птицы, звери напоминают ему наскальные рисунки Севера — «в них чувствуется... время, когда христианство наложило руку на священный шаманизм».

А в декабре 1916 года Рерих поселился в Сортавале и провел в Приладожье более двух лет, выезжая отсюда на карельские острова и в столицы Скандинавских стран. Здесь, на Севере, формировались творческая личность Рериха и его мировоззрение. Здесь кристаллизовались основные идеи, владевшие им на протяжении всей дальнейшей жизни.

Более того, многие современники художников высказывались о сходстве живописи молодого Рериха и Галлен-Каллелы. «Уж если говорить о первых ранних влияниях, — писал в 1918 году автор книги о Рерихе А. Ростиславов, — то... это были влияния Врубеля, Галлена...»

В 1909 году в журнале «Мир искусства» Рериха и Галлен-Каллелу сравнивал художественный критик Л. Гевези: «Рерих вызывает из тьмы веков сказочные очертания предков современной России, как его финляндский современник Аксель Галлен заставляет оживать героев «Калевалы».

Примечательно, что в 2005 году в Финляндии, в издательстве «Гуммерус» вышла целая книга «Золотой медовый век. Образ Финляндии в русском искусстве».

В книге прослеживается формирование образа Финляндии в русской живописи конца XIX — первой половины XX века. На большом архивном материале с привлечением ранее неизвестных фактов исследуются творческие связи Альберта Эдельфельта и Ильи Репина, Акселя Галлен-Каллела и Николая Рериха, осмысливается роль финской культуры в судьбе Сергея Дягилева, его «Русских сезонов», повествуется о финских эпизодах в жизни Исаака Левитана, Анны Остроумовой-Лебедевой, Александра Бенуа, Аркадия Рылова, Роберта Фалька. Автор представляет новый подход к изучению финляндского пейзажа в творчестве русских живописцев, рассказывает об источниках вдохновения, обнаруженных художниками в Финляндии. Особо надо сказать и о том мощном наследии, которое оставило в Финляндии русское православие. Православие, издревле не чуждое для населения восточных районов этой в основном лютеранской страны, было мощной духовной основой, на которой возникали и складывались связи между Россией и Финляндией.

Религия — один из главнейших факторов влияния России на финское общество. Клинге считает, что православная религия значительно повлияла на финскую культуру, в особенности это заметно в восточной части Финляндии. Православные традиции видны как в кулинарии (пасха и куличи), так и в словарном запасе финского языка. Так, например, православные часовни в Финляндии называют *tsasouna*, в отличие от лютеранских *kapelli*.

На сегодняшний день православная церковь в Финляндии существует на тех же правах, что и лютеранская, и имеет много приверженцев (в основном это русские, но

много и финнов). Всего здесь сейчас около 56 тысяч православных в 25 приходах. По всей стране можно найти православные храмы, за каждым из них стоит своя история, и, конечно, в рамках одной книги рассказать обо всех них невозможно. Но нужно подчеркнуть, что православное население Финляндии особо почитает таких святых, как Сергей и Герман Валаамские, Александр Свирский, Трифон Печенгский. А наиболее чтимые иконы — Тихвинской, Валаамской и Коневской (Коневецкая) Богоматери. И это не случайно — именно эти святые первыми принесли православие на землю Финляндии, именно этим иконы издревле почитались в ближайших духовных центрах России. После обретения Финляндией независимости на ее территории оказались четыре православных монастыря, среди которых важнейшим был, конечно, Валаам. Он служил не только главным центром православия, но и вообще исконной русской культуры. И финны-лютеране относились к нему с огромным уважением и даже любовью, для них он тоже стал своим. Как тут снова не процитировать Ивана Шмелева, который писал: «Суровая Финляндия к нему привыкла. Ведь и в прошлом он был в ее границах: природа их объединила». Монастырь до 1917 года относился к Петербургской епархии, но в административном отношении входил в Выборгскую губернию Великого Княжества Финляндского и еще с XIX века подчинялся финским законам, финской администрации. После Второй мировой войны территории, на которых были расположены все эти обители, были присоединены к СССР, большинство их монахов ушло в Финляндию. И до сих пор основанный ими Новый Валаам — это главная православная святыня страны.

...Впервые я попал в Финляндию почти два десятка лет тому назад. И целью моей поездки был как раз Новый Валаам, одно из самых зримых и, вероятно, дорогих, но и во многом трагичных и драматичных свидетельств связей двух стран. С тех пор я побывал в Финляндии полтора десятка раз, объездив страну от Лапландии до Хельсинки, и от Иматры до Аландских островов. И всякий раз я находил новые и новые следы присутствия русских людей —

и архитектурные памятники, и просто памятные места, и, конечно, человеческие судьбы, застывшие в этих памятниках или в рассказах и свидетельствах очевидцев.

Эта книга — своеобразный путеводитель по «Русской Финляндии». Это прежде всего рассказ о местах — городах, усадьбах или просто местностях, с которыми в наибольшей мере оказалось связано что-то Русское. Но, конечно же, это всегда и рассказ о людских судьбах. Ибо память жива не только памятниками, а прежде всего судьбами, деяниями людей. Большинство из людей, о которых пойдет речь в книге, давно ушли. Но, бывая в разных финских городах и усадьбах, бродя у руин крепости или любуясь водопадом или озерным пейзажем, я невольно чувствовал ауру, незримое присутствие этих людей, самими собой оживали картины прошлого...

О ком-то будет упомянуто лишь вскользь, о некоторых именах рассказ будет подробный.

Некоторые имена в таком понятии, как «Русская Финляндия», оставили большой след и оказались переплетены со многими другими судьбами. Он них, конечно, раз-



Финляндия под голубым небом. Худ. А. Остроумова-Лебедева

говор, особый и отдельный. Они сами заслуживают отдельной книги, но без них — не может быть и рассказа в целом.

Когда я собирал материал для книги, а потом писал ее, я не раз поражался: очень многие люди с именами, судьбами которых мне пришлось соприкоснуться, как-то связаны между собой.

Поэтому название книги — «Неслучайные связи» — имеет двойной смысл. Ведь не случайны не только многовековые связи России и Финляндии. Не случайно и то, что многие люди, места, события, о которых пойдет ниже речь, связаны, переплетены между собой. Да, возможно, это объясняется тем, что круг людей, о которых идет рассказ, достаточно узок, но они-то и составляют то, что мы и называем «Русской Финляндией».

Конечно же, это не полная картина «Русской Финляндии». Тема эта неисчерпаема.

Книга в основном написана на основании материалов, собранных во время личных поездок автора в Финляндию. Речь в основном идет о местах, где автору удалось побывать самому — самому увидеть, почувствовать, пообщаться с людьми.

Поэтому не могу не выразить благодарность сотрудникам, которые в разные годы работали в Московском представительстве Центра по развитию туризма Финляндии (МЕК), и без содействия и помощи которых эти поездки не могли бы состояться, либо знакомство с Финляндией было бы не таким полным и глубоким. Это — Пиркко Перхеентупа, Арто Асикайнен, Маарит Хаависто-Коскинен и Олеся Галаган.

Где-то я прочел, что для того, чтобы увидеть старую Россию, нужно отправиться в Финляндию. На первый взгляд звучит странно...

Но все дело в том, что связанные с нашим общим прошлым памятники в Финляндии сохранили сам дух, атмосферу, кажется, даже запах минувшего — того, что, увы, исчезло у нас и что нельзя воссоздать самой богатой и изощренной реставрацией. Действительно, многое из того русского, что создавалось в России и что было уни-

чтожено у нас, осталось в Финляндии — живы имена, памятники, даже некоторые русские традиции...

Поэтому эта книга — и некоторая ностальгия по ушедшему, во многом это — картинка России, какая ушла, рассказ о людях, которые забыты.

И чем больше я бывал в Финляндии, тем чаще я соглашюсь с этой странной мыслью: действительно именно сюда надо приезжать, чтобы узнать, почувствовать старую Россию.

«МАЛЕНЬКИЙ ПЕТЕРБУРГ»?



Для русских Хельсинки всегда казался немного своим. Не раз я слышал от тех, кто бывал в финской столице: «Хельсинки похож на Петербург» или вовсе, что это «маленький Петербург».

В городе действительно есть немало зданий, напоминающих Санкт-Петербург. В конце концов строились они одним архитектором.

Когда Александр I в 1812 году велел перенести столицу только недавно отвоеванной у Швеции страны из Турку в Хельсинки, это был небольшой городок, мало соответствующий понятию «столица». Поэтому император в 1816 году поручил немецкому архитектору Карлу Людвигу Энгелю заняться преобразованием города. Энгель уже изрядно поработал в Петербурге и сидел на чемоданах, собираясь домой. Но вместо родного Берлина попал в Хельсинки, строить Сенатскую площадь. По его проектам были возведены кафедральный Николаевский собор, здание Сената, где ныне расположен Дворец правительства, университетскую библиотеку, резиденцию генерал-губернатора, которую передали под университет, после того как пожар уничтожил университет в Турку.

Университетская библиотека Хельсинки во многом уникальна. В нее поступали все изданные в России книги — с момента присоединения Финляндии к Российской империи до 1917 года. А поэтому нигде больше за рубежом нет такого собрания русской литературы за этот период. Возможно, оно полнее даже, чем где бы то ни было у нас — ведь в Финляндии книги не прятались в «спехраны», не изымались, да и хранились всегда надежнее и бережнее. Не один советолог и кремленолог просижи-

вал в хельсинкской университетской библиотеке, когда въезд в СССР им был заказан.

Кстати именно в те же времена «железного занавеса» из-за сходства с Питером Хельсинки облюбовали и западные, прежде всего голливудские кинематографисты. Для съемок фильмов из советской жизни и шпионских лент о происках агентов КГБ (самый известный из них «Парк Горького»), и, естественно, лишенные возможности приехать за «натурой» в СССР, они эту «натуру» находили в Хельсинки...



Сенатская площадь Хельсинки действительно очень напоминает Санкт-Петербург

А еще в городе Энгель построил церковь Святой Троицы, освященную в 1827 году и ставшую первым православным храмом Хельсинки, разбил парк-бульвар Эспланада, на которой ныне красуется обнаженная бронзовая девушка — «Хавис-Аманда»... Так что сходство некоторых ансамблей финской столицы с Питером не случайно.

И все же в городе гораздо больше обращаешь внимание на характерные для начала прошлого века здания в стиле финского романтизма и «югенд», северной разновидности «модерна». На нордическую функциональность и скромность, ощущение которой не может перебить даже разноцветие ярких вывесок и рекламы. И в то же время на легкость и застенчивую игривость, которой не чужда и вроде бы помпезная Сенатская площадь, где вопреки размерам царящего над ней собора, не чувствуешь подавленности. Над городом, как-никак, витает все же дух Аманды, а не «Медного всадника»...

Еще с Питером финскую столицу роднит... Смольный. Есть в Хельсинки такое здание в стиле ампир с балконами, где размещается парадный зал Государственного совета и который горожане зовут Смолна. Но это лишь прозвище: оно напоминает о временах, когда там была резиденция генерал-губернатора, а также о занятии Хельсинки финской Красной гвардией в 1918 году.

Вопреки еще одному почему-то устоявшемуся у нас мнению, будто в Финляндии большой любовью окружено имя Ленина, признаков этого в Хельсинки я не обнаружил.

А вот русские цари чаще всего пользовались в Финляндии действительным уважением и любовью. В конце концов Александр I дал стране прототип парламента, а Александр II, чей величественный памятник украшает Сенатскую площадь, ввел в обращение финскую марку, а финский язык сделал государственным наравне со шведским. Главная торговая улица Хельсинки — Александеринкату — названа именем российского императора, чей памятник стоит на Сенатской площади.

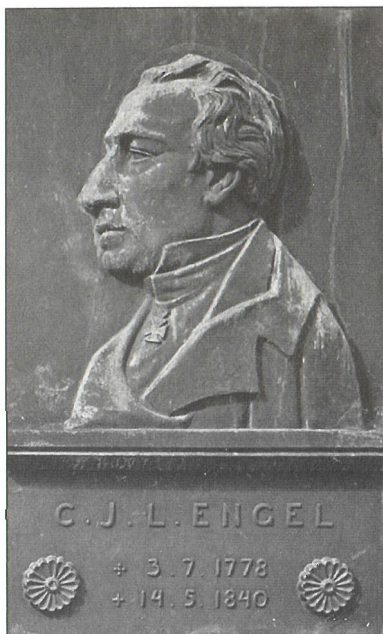
Заодно финны чтили и царских жен: в порту, на набережной, среди пестрых лавок рынка, возвышается монумент в честь посещения царской семьей Гельсингфорса, с выбитым на нем именем императрицы Александры Федоровны, жены Николая I.

Судьба этого обелиска весьма примечательна. В 1917 году революционные матросы сбили с монумента орла. Изувеченная птица хранилась на складе музейного ведомства. Лишь много лет спустя, по инициативе Валдемара Меланко, возглавлявшего много лет Институт России и Восточной Европы, потомка Выборгского предпринимателя Ф.И. Сергеева, памятник реставрировали. 17 декабря 1971 года, в 136-ю годовщину установки обелиска, двуглавый орел вновь занял свое место. Не сразу горожане заметили случившееся, так как работа велась в вечернее время и торжественным мероприятием это событие не сопровождалось. Появление двуглавого орла, правда, не осталось без внимания советского посольства, направившего ноту протеста в связи с восстановлением в



*Памятник Александру II на Сенатской площади в Хельсинки.
Из всех русских царей в Финляндии любили и ценили
больше всего Александра II*

Хельсинки «символа самодержавия». В советскую эпоху памятник был единственным символом Российской империи в мире.



Карл Энгель — создатель облика центра Хельсинки

Тут же, около порта, в самом начале района Катаянokka, застроенного импозантными домами в стиле «югенд», на скале возвышается Успенский собор. Завершенный в 1868 году, он строился одиннадцать лет по проекту архитектора-академика Алексея Горностаева. Приверженец «русского стиля», но прекрасно чувствующий суровый характер Севера, он украсил лучшими постройками Валаам, а здесь, в Хельсинки возвел свое самое монументальное творение, которое сегодня, как и кафедральный собор на Сенатской площади,

определяет панораму финской столицы. Иконы двухъярусного иконостаса собора выполнены русским художником академиком Павлом Шильцовым. Звонницу пришлось частично разобрать, потому что колокол, подаренный богатым московским купцом, оказался настолько большим, что не поместился там. На средства дарителя звонница была расширена...

Знаменитый русский критик и искусствовед Владимир Васильевич Стасов писал: «Это самое большое и многосложное сооружение Горностаева. Стиль совершенно своеобразный, но, по разным подробностям, он всего более приближается к стилю то новгородской, то суздальской полосы нашей».

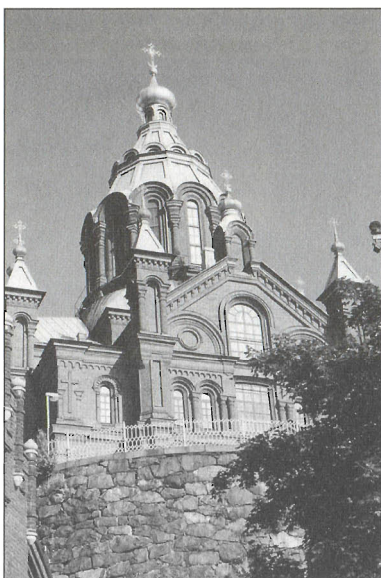
Помимо этих, видимых и бросающихся в глаза приезжему, в Хельсинки немало и других примет «русского флера».

Это слово, правда, едва ли подходит к событиям, разыгравшимся в начале века во Дворце правительства, прежнем сенате. В 1904 году финн Шауман застрелил там царского генерал-губернатора Бобрикова, противника финской автономии и убежденного панслависта. Как следствие покушения началась всеобщая забастовка 1905 года, приведшая к восстановлению автономии Финляндии. А в 1906 году был учрежден современный однопалатный парламент и введено избирательное право для женщин.

Если Бобриков всячески стремился придушить проявления национального самосознания финнов, то за сто лет до этого русские власти не очень-то жаловали проявления многовекового господства шведов, что, однако, не обходилось без курьезов.

Все на той же Сенатской площади расположено здание бывшей ратуши и временной резиденции генерал-губернатора. Адъютант, осматривавший помещения перед вселением туда полномочного наместника империи, увидел висящий в одном из залов портрет Карла XII. «Кто это?» — ревниво спросил он. Служащий, показывавший здание адъютанту, не растерялся: «Это Петр I. В молодости». Как известно, Карл XII, мягко говоря, «не вышел ростом». Потом, конечно, портрет шведского короля-карлика быстренько убрали...

Финские шведы в прошлом веке активно завязывали связи с Россией, служили империи, а обосновывающиеся в Фин-

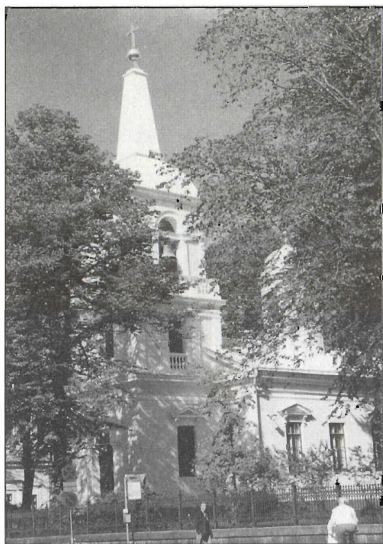


*Кафедральный Успенский собор,
творение русского зодчего
Алексея Горностаева*

ляндии русские смешивались со шведскими фамилиями и вообще «ошведчивались», ибо до середины позапрошлого века шведы все еще доминировали в населении Хельсинки, по крайней мере среди высших чиновников, предпринимателей и администрации.

На протяжении русского периода своей истории Хельсинки был достаточно интернациональным городом. Наряду с русскими здесь бывали и жили прибалты и поляки, прибывавшие вместе с войсками евреи, татары и цыгане. Преобладали, однако, русские. Русские стали переселяться в Хельсинки в первой половине 1800-х годов. Русских чиновников было мало, но военных наряду с собственно финскими войсками было более чем достаточно. На общем фоне города выделялись казармы и прочие гарнизонные сооружения. Парады, находящиеся в городе офицеры и солдаты — и прежде всего искусные верховые казаки — оживляли картину города...

Жители Хельсинки приняли русскую часть населения, но считалось, что она представляет свою отдельную



*Церковь Св.Троицы —
первая православная церковь
в Хельсинки*

область культуры и живет своей жизнью. У русских были свои школы, свои культурные учреждения, например, театр. Помимо языка, русских объединяла — и в то же время изолировала от финнов — православная вера. Все, связанное с русскими, наиболее заметно представляли в облике города наряду с военными именно православные храмы со священниками и красочными церемониями.

Первая волна русского люда перебралась в Финляндию после сдачи шве-

дами Свеаборга, и вслед за русскими войсками для обслуживания разместившегося там российского гарнизона сюда перебирались купцы. Многие из них преуспели в торговле.

Для занятий своей профессиональной деятельностью в Хельсинки купцы были вынуждены подавать прошения о причислении к бюргерскому, или мещанскому, сословию, так что они становились долговременными и постоянными жителями. Некоторые семьи, как, например, Синебрюховы и Киселевы, мало-помалу сливались с

коренным населением, усваивали шведский язык, а иногда даже и финский, а некоторые наиболее предприимчивые выбирались даже в городские органы власти.

«Ушаков и Кудряков, Баранов и Табунов, Дулдин! Дулдин! Ушаков и Яблоков, Королев и Дураков, Шарин! Шарин!» Это — скороговорка, которую придумали школьники Хельсинки в позапрошлом веке. Она целиком состояла из имен русских негоциантов и звучала наподобие колокольного звона, зовущего купцов на богослужение. Да стоит ли удивляться: в 1850-х годах русские купцы составляли 40 процентов негоциантов города.

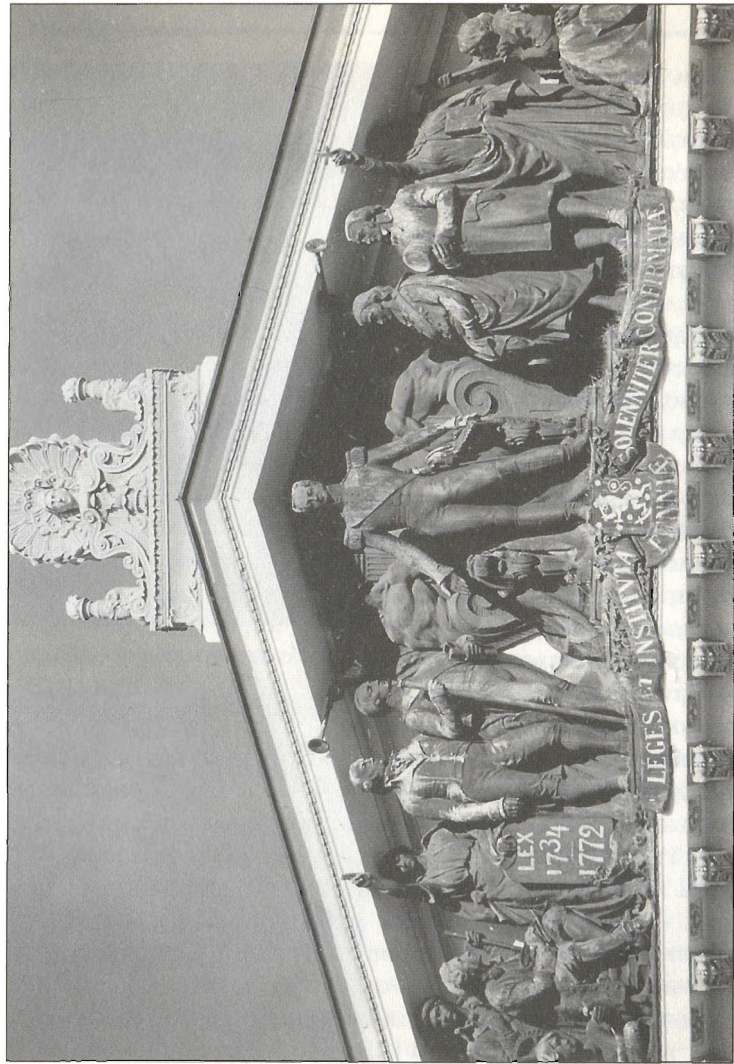
Имя одного из этих купцов навсегда оказалось связано с появлением школьного образования в Финляндии на русском языке и до сих пор хорошо известно благодаря основанной при его поддержке так называемой «школе Табунова».

В 60-х годах XIX века русское население в Гельсингфорсе было уже весьма значительным, однако ни одной



Монумент в честь посещения Гельсингфорса Николаем I и его женой Александрой Федоровной

Фигура
Александра I
на фронтоне
одного из зданий
в центре
Хельсинки



русской школы в городе все еще не существовало: детей приходилось отдавать в шведские и финские учебные заведения. В 1861 году была открыта домашняя школа, для которой дьякон Голубков предоставил безвозмездно свою небольшую квартиру в приходском доме. Средства на школу жертвовали прихожане. Купец Никифор Табунов внес тогда 3000 рублей. Учителям было назначено небольшое вознаграждение, а дьякон преподавал Закон Божий бесплатно.

Эта маленькая школа и натолкнула православный приход города на мысль учредить русскоязычную школу для начального обучения. Протоиерей Николай Васильевич Попов обратился за помощью вновь к Табунову.

В 1864 году Никифор Табунов и его супруга Татьяна составили дарственный акт в пользу русской школы, передав приходу под школу каменное здание, построенное им на пересечении нынешних улиц Маннергеймские и Калеванкату. А прихожане согласились делать добровольные взносы на школьное дело. 12 ноября 1864 года состоялось открытие первой русской школы в присутствии генерал-губернатора П.И. Рокасовского. В школу тогда записались 49 мальчиков и 24 девочки. Затем в здании школы Табунова помещалась и Александровская гимназия, основанная в Хельсинки в 1870 году по предложению Александра II и ставшая первой в Финляндии русской средней школой. В 1883 году на соседнем участке было возведено собственное здание средней школы, сохранившееся до наших дней, хотя и в надстроенном и частично измененном виде.

В 1913 году, когда по всей Российской империи отмечалась годовщина 300-летия Дома Романовых, русская мужская гимназия получила новое помещение. Архитекторами здания, выполненного в стиле нового барокко, были Л.П. Шишко и М.Г. Чайко. Здание было настолько представительным, что при необходимости могло использоваться в качестве Русского университета. В гимназии была собственная школьная церковь, напоминанием о которой является православный крест, виднеющийся над одним из окон на стене во дворе Зоологического



*Главная торговая улица
Хельсинки Алексантеринкату
названа в честь Александра I*

музея. С провозглашением независимости Финляндии здание гимназии было передано Кадетской школе, а в 1923 году — Зоологическому музею университета.

Наследницей «Табуновской школы» сегодня является русская школа, которая была создана в октябре 1955 года. С увеличением числа учеников она перебралась в новый район и стала называться Финско-русской школой. Более двадцати лет школа существовала за счет Общества поддержки, а с 1977 года перешла в ведение государства. В настоящее время ФРШ явля-

ется государственной школой и обучение в ней бесплатное. Это — единственная школой в стране с углубленным изучением русского языка и преподаванием на русском языке. Сейчас в школе 700 учеников, из которых 25 процентов — русскоязычные дети. Школа имеет подготовительный класс для шестилетних детей, девятилетнюю основную ступень и гимназию.

Так что семейство Табуновых оставило о себе самую добрую память...

Имя еще одного купца — Киселева — сохранилось в названии старинного дома на Сенатской площади — он сейчас так и зовется «Киселефф-тало». Но больше других повезло купцу Синебрюхову, чье имя теперь знакомо не только всей Финляндии, но и далеко за ее пределами, хотя и не все знают, что за названием популярнейшего финского пива «Кофф» скрывается окончание этой русской фамилии.

Николай, один из сыновей Петра Синебрюхова, который с котомкой за плечами пришел (да-да, именно пришел) со своим семейством (а было у него девять детей!) в Свеаборг из села Гаврилова под Москвой, решил начать варить пиво для русской армии. И в 1819 году на радость жителей Свеаборга получил на то разрешение: ведь тогда часть зарплаты офицерам выдавалась натурой. Так был создан старейший из ныне существующих в Северной Европе пивной завод. Слава пива Синебрюхова быстро распространилась за пределы острова-крепости: из Хельсинки приезжали и заказывали пиво, поэтому в скором времени Николай расширил производство и построил пивной завод непосредственно в Хельсинки. По статистике тех времен в городе употребляли 245 тысяч литров алкоголя, из которых 200 тысяч изготавливали у Синебрюхова. Как и многие другие купцы, он вел многообразную коммерческую деятельность, был строительным подрядчиком и владельцем доходной винокурной. Стоит ли говорить, что Синебрюховы разбогатели и, имея вкус не только к ячменному напитку, но и, как тогда это случалось нередко, к прекрасному, собрали богатую коллекцию живописи. Поэтому сегодня, на улице Булеварди рядом с постройкой из красного кирпича — пивоваренным заводом — расположен и основанный Синебрюховым Музей зарубежного искусства.

Неподалеку от дома Синебрюхова стоит зда-



На православном кладбище Хиетаниemi покоятся люди совсем разные — и по своему происхождению, и по достатку

ние, которое занимает регистр малых предприятий. На этом месте до войны было советское посольство. По иронии судьбы оно было уничтожено прямым попаданием при первой же бомбежке Хельсинки во время «зимней войны». Сегодня большинство зарубежных посольств в Хельсинки облюбовали другой квартал — его так и называют «посольским». На одной улице там, например, собрались высшие представительства США, Франции и Англии. Но мало кто знает, что на месте английского посольства некогда стоял особняк Юсуповых.

«Посольский» квартал занимает часть, пожалуй, самого живописного и уютного района Хельсинки — Кайвопуйсто. Некогда болото, трудами одного предприимчивого человека в первой половине позапрошлого века оно было превращено в престижный курорт. Задача была не из легких — даже землю приходилось привозить туда на тележках. Но успех затеи был предопределен, когда часть акций будущей зоны отдыха приобрел Николай I.

Так что не только по памятникам можно искать русские следы в Хельсинки, но и гуляя по паркам города...

Во времена Николая I русские наезжали в Хельсинки, так как по политическим соображениям выезд дворян за пределы империи был затруднен. (Примерно так же, еще недавно ездили в «советскую границу» — Прибалтику.) Для них это была Европа. И даже в начале уже прошлого века Александр Куприн замечал: «Так близко от С.-Петербурга, и вот — настоящий европейский город».

Они-то, эти в основном знатные и богатые русские, и останавливались в виллах и пансионах курорта Кайвопуйсто...

Неподалеку от Синибрюховского музея, на той же улице Булеварди, расположено здание и русского Александровского театра. Русский театр был учрежден по инициативе генерал-губернатора Николая Адлерберга в 1868 году, и он первоначально занимал помещение финноязычного театра «Аркадия». А в 1879 году было возведено и специальное здание Императорского Александринского театра. Строительные чертежи были выполнены в соответствии с должностными обязанностями

Фамильное
нагробие
Фаберже



военным архитектором офицером инженерных войск П.П. Бенардом. Проектирование внутренних помещений театра было начато петербургским архитектором И. Осуховским, а завершено финским архитектором Я. Аренбергом. Художник Северин Фалькман выполнил фресковые росписи потолка театрального зала, взяв за образец роспись Мариинского театра в Петербурге. До весны 1882 года в театре ставились лишь итальянские оперы, следуя увлечениям российских придворных кругов. Первая русская театральная труппа выступила только осенью 1882 года.

Примечательно, что Александринский театр стал трамплином для будущих русских театральных и оперных звезд: например, молодой Федор Шаляпин выступал здесь перед тем как стать мировой величиной. Звучал здесь голос и Леонида Собинова, на сцене театра выступали Анна Павлова и Ольга Преображенская. Первоначально предназначавшаяся для русского офицерства, «Александринка» быстро переросла эти рамки, превратившись в общенациональный театр оперы и балета. После длительного периода (1918—1990 гг.), когда здание занимала Национальная опера Финляндии, театр вновь обрел свое старое название Александринского, или Александровского театра.

Множество мест связано в Хельсинки и с пребыванием русского военного гарнизона, части которого размещались не только в Свеаборге, но и в самом городе.

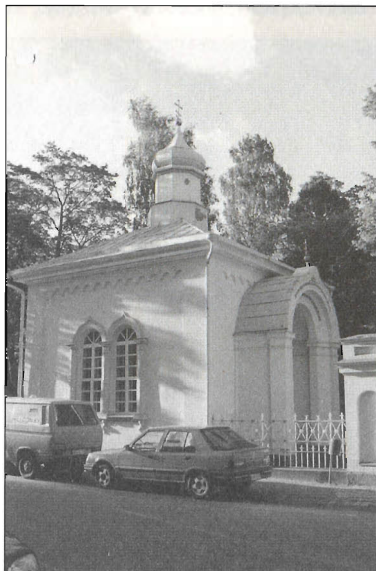
Из наиболее значительных казарм для русской армии первыми были выстроены в 1820 году на голых скалах мыса Катаянокка спроектированные Энгелем Морские казармы. В 1825 году неподалеку появился и офицерский флигель с колоннами в торцевой части. Русские войска перебрались в 1833 году в новую Туркускую казарму, а Морские казармы были переданы в пользование только что учрежденному Финляндскому морскому экипажу. На мыс Катаянокка русские вернулись после роспуска Финляндского морского экипажа в 1880 году, когда Морские казармы были переданы для военно-морской базы флота.

Во время революционных волнений начала 1900-х годов размещенные на мысе Катаянокка радикально настроенные матросы Балтийского флота играли видную роль во время Свеаборгского восстания 1906 года и революций в марте и октябре 1917 года.

С этим периодом смуты связано прежде всего, как это ни странно, переоборудованное в 1911 году в казино для морских офицеров Российского Императорского флота старое кирпичное здание склада в Катаянокка. Во время Февральской революции 1917 года восставшие матросы и солдаты казнили в банкетном зале казино русских морских офицеров. В революционные дни на крыше здания развевался черный анархистский флаг.

В качестве жилого здания для семей солдат Балтийского флота на территории гарнизона Катаянокка как раз перед Первой мировой войной было построено шестизэтажное жилое здание, известное как Лутиккалина («клоповник»). После Октябрьской революции весь состав Балтийского флота остался зимовать в Хельсинки. Проживавшие в здании солдаты и их семьи ушли из Хельсинки на кораблях — после того как сошел лед — в марте 1918 года перед самым вступлением в город частей финских «белых» и немецких частей...

С российским присутствием, с русскими людьми в Хельсинки связано действительно очень многое. И это особенно заметно, если зайти на православную часть кладбища ХиетаниEMI. Где что ни надгробие, то удиви-



На православную часть кладбища ХиетаниEMI на улице Мешленинкату указывает русская часовня

тельная судьба. Из 11 тысяч могил там 80 процентов принадлежит русским.

На кладбище — две церкви. Одна небольшая с голубой луковкой, у самого входа: на ней мемориальная доска в память о русских моряках. Другая, побольше, напомнила мне храм Нового Валаама в Хейнявеси. Оказалось, не случайно. Ее возводил тот же архитектор, Иван Кудрявцев. Так вот в Хельсинки сошлись творения зодчих, строивших Старый и Новый Валаам.

Захоронение Синебрюховых искать не приходится — большой памятник стоит едва ли не у самого входа. Нельзя пройти и мимо могилы Агафона Фаберже — памятник украшен знаменитым пасхальным яйцом. Об истории его побега из Советской России через Финский залив зимой 1927 года можно снимать приключенческие фильмы...

А вот могилу Анны Танеевой-Вырубовой, фрейлины императрицы и одного из самых близких и преданных царской семье людей, найти, если не знать, где она

находится, непросто. Ее надгробие мало выделяется среди остальных. Но могила ухожена, всегда, когда я бывал на кладбище, видел на ней цветы...

Рядом с православным кладбищем находится и мусульманское. Среди российских купцов, перебравшихся вслед за русским гарнизоном в Свеаборг, были казанские и нижегородские татары. Они-то и заложили основу исламской общины в Финляндии. Сегодня их осталось всего человек 800, но, говорят, торговля шелком, коврами и мехом до сих пор на-



*Одна из самых приметных
могил на кладбище — могила
Николая Синебрюхова*

ходится в их руках. Однако потомки этих старых переселенцев все больше растворяются среди совсем иных единоверцев.

Русское население Хельсинки значительно выросло после революции. Правда, для многих эмигрантов Финляндия была лишь промежуточным пунктом — они стремились попасть в Западную Европу, подальше от большевистской России. Среди них оказался и писатель Александр Куприн. Вместе с отступившей в 1919 году армией Юденича он выехал из родной Гатчины, через Таллин прибыл в Хельсинки и прожил здесь с ноября 1919-го по конец июня 1920 года, пока не отплыл пароходом во Францию.

В Хельсинки Куприн трудился в газете «Русская жизнь», затем работал в «Новой русской жизни». В письме Илье Репину Куприн, бывавший в городе одиннадцать раз, пишет: «Раньше я даже был влюблен немножко в Гельсингфорс, но никогда не думал, что мне придется в нем жить поневоле...»

Да, в XIX — самом начале XX века русские ехали в Финляндию на отдых, за красотами природы, покоем и уютом этой «российской Европы». Теперь эта страна стала для них спасением, вынужденным прибежищем. И воспринимали ее русские люди уже по-другому.

Но ценили то, что дала им эта страна, и отзывались о ней с любовью. «Это был самый правильный шаг в жизни моего отца, и за это я ему очень благодарен», — писал в своих мемуарах, вспоминая бегство в Финляндию, сын Агафона Фаберже Олег.

А Куприн, уже в 1933 году, когда отдалился от политической борьбы с большевизмом и почти прекратил публицистические выступления, опубликовал в парижской газете «Возрождение» статью «Суоми», в которой рассказал о своей неослабевающей любви к Финляндии, которая неоднократно давала ему прибежище.

ВЕК АВРОРЫ



Признаюсь, только впервые побывав в Хельсинки, я услышал историю Авроры Карамзиной. Да, немногим у нас в стране это имя что-то говорит, хотя про красавицу Аврору сегодня в женских журналах писано немало. Хотя те, кто читает душещипательные истории про несчастную любовь, затем женитьбу на миллионере со свадебным подарком в виде алмаза «Санси», едва ли соотносят все это с реальностью...

В книге невозможно не рассказать об этой удивительной женщине. По происхождению — как и вся финляндская знать — она была шведкой. Значительную часть своей жизни была связана с Россией. Причем не только с Петербургом, но и с Нижним Тагилом. Оба ее мужа были русскими — да еще с какими именами! О ней русские поэты слагали стихи, ее портреты писали русские живописцы! Она была придворной дамой в Петербурге, и была близко знакома с несколькими поколениями российской царской семьи.

Но в Финляндии, где она родилась, провела детство и всю вторую половину часть жизни, ее помнят и ценят не за это — за ее скромную, не очень афишируемую, но очень нужную благотворительную и общественную деятельность. Она — одна из самых известных и почитаемых женщин Финляндии XIX века.

Она прожила долгую — непростую и даже трагическую — жизнь, вобравшую в себя почти весь позапрошлый век, и воплотила в себе целую эпоху, соединив собой и своими делами Россию и Финляндию. И еще — множество людей, о которых пойдет речь в этой книге.

«Ева Аврора Шарлотта Карамзина, урожденная Шернваль (1 августа 1808—13 мая 1902 гг.) была финским филантропом, основала и поддерживала благотворительные

учреждения. Она была больше известна как княгиня Аврора Демидова и Аврора Карамзина — под именами и титулом, которые она получила в своих первом и втором браках», — так говорится о ней в одном из финских справочных изданий.

Аврора родилась в городе Пори. Ее отцом был Карл Юхан Шернваль, занимавший высокое положение в администрации Великого Княжества Финляндского, а матерью — баронесса Ева Густава фон Виллебранд (дальняя родственница шведского короля Густава I), которая рано овдовела. У Авроры были старший брат



*Аврора Карамзина.
Портрет работы
Владимира Гау*

Эмилий (1806—1890 гг.) и двое сестер — Эмилия (1811—1846 гг.), и Александра, или Алина (1812—1850 гг.). При этом ее брат, Эмилий Шернваль-Валлен, закончивший университет в Турку, начавший военную службу в Вильманstrandском пехотном полку в Финляндии и за причастность к декабристскому движению направленный на Кавказ прапорщиком, дослужился до самых высоких чинов у себя на родине и стал весьма заметной политической фигурой в Финляндии. Сестра Алина вышла замуж за Жозе Маурисиу Коррейя Энрикиша, португальского дипломата знатных кровей. А о сестре Эмилии и ее семье речь ниже пойдет еще не раз.

Когда Выборгская губерния в 1812 году была вновь присоединена к Финляндии, Карл Юхан Шернваль был назначен ее первым губернатором. Семья Шернваль переехала в Выборг, но лето Ева проводила у матери в Таммеле, в имении Йокиойнен в юго-западной Финляндии. Там двоюродные братья и сестры из родов Виллебранд и Маннергейм завязывали близкие отношения друг с другом.

Карл Юхан Шернваль умер в 1815 году. Его преемник, губернатор, член Комиссии финляндских дел, статский советник Карл Юхан Валлен в следующем году стал супругом Евы Шернваль и хорошим отчимом для ее детей. Во втором браке родилось еще шестеро детей, из которых до взрослого возраста дожили три мальчика. После свадьбы тетя восьмилетней Авроры на несколько лет взяла девочку в свой дом в Петербург, где ее муж работал в Комиссии финляндских дел. Так Аврора смогла в раннем возрасте познакомиться с великолепной столицей государства и одновременно приобрести необходимые для молодой девушки из аристократического общества знания. Самым важным был французский, который стал для нее вторым родным языком наряду со шведским. Насколько известно, она говорила также на русском и немецком.

В 1820 году Карл Юхан Валлен стал членом Финляндского сената, а через год был назначен прокурором. Семья переехала в Хельсинки, и двенадцатилетняя Аврора Шернваль вернулась на родину. Для дочерей была нанята гувернантка — способный педагог, немка по происхождению, чья сестра была домашней учительницей в семье К.Э. Маннергейма, отца будущего маршала и президента независимой Финляндии. Настоящим домом для семьи Шернваль-Валлен стала усадьба Тресканда в Эспо, которую Валлен приобрел на деньги своей жены. Он вложил много средств в облагораживание и обустройство поместья, прежде всего в планировку и разбивку парка. Это стало его любимым, хотя и дорогим увлечением.

Тогда сестры Шернваль и начали выезжать в свет. А Аврора, говорят, была чудо как хороша — тонкие черты лица, бледная матовая кожа, огромные карие глаза, опущенные длинными ресницами, однако молчалива и нерасторопна. Как-то на одном из гарнизонных балов юная Аврора увидела двух русских офицеров — корнета Александра Муханова, адъютанта генерал-губернатора, и будущего замечательного поэта Евгения Баратынского. Баратынский пленился юной финкой, и эта встреча навсегда была запечатлена в стихах. Позднее их положил

на музыку великий Глинка — так родился романс «Не кушай меня без нужды». Девушка же без памяти влюбилась в красавца-корнета.

Мать и сестра Авроры были резко против этого увлечения, но так как адъютант генерал-губернатора неожиданно исчез, то о нем как-то и позабыли, а слухи в обществе о возможной свадьбе падчерицы Валлена утихли.

Среди красивых дочерей Шернваль Аврору считали самой очаровательной и изысканной по своим манерам. У нее было много поклонников как среди молодых дворян на родине, так и среди русских офицеров. Семья пророчила ей блестящее будущее. Родители мечтали выдать ее замуж, но первой обрела семейное счастье ее сестра, Эмилия.

Традиционная жизнь в усадьбе Тресконда с ее походами за ягодами, кофе на природе, зимними катаниями на санях, импровизированными танцами и выступлениями домашнего театра, стала привычной для многочисленного молодого поколения семьи. Вполне обычными для того времени были также контакты с местным приходом и благотворительность, оказываемая семьям безземельных крестьян. Сестра Эмилия, в 1828 году вышедшая замуж за сосланного в Финляндию декабриста графа Владимира Мусина-Пушкина (1798—1854 гг.), сына знаменитого собирателя автографов, открывшего «Слово о полку Игореве», распространила эти традиции вплоть до далеких деревень, расположенных за Ярославлем.

В 1831 году графу разрешили вернуться домой, и в Петербург он приехал вместе с женой и Авророй. Аврора и Эмилия были украшением своей эпохи, эпохи «пушкинских женщин». Их образы остались не только в письмах, записках, воспоминаниях, но и в творчестве Баратынского, Вяземского, Жуковского, Лермонтова, Тютчева, Брюллова, Гау.

В 1832 году Аврору представили императрице Александре Федоровне, жене Николая I. Вскоре ее принимают ко двору фрейлиной, что давало красавице определенный материальный и социальный статус.

Будучи в гостях у Мусиных-Пушкиных, ей представилась возможность познакомиться с салонами Петербурга, где члены высшего света и культурные круги встречались и общались в более свободной, чем при дворе, манере.

В Петербурге случай снова сводит Аврору с Мухановым, которому его соперник Баратынский писал:

...Что скажет другу своему
Любовник пламенный Авроры?
Сияли ль счастьем ему
Ее застенчивые взоры?

Обоюдная симпатия быстро привела к обручению. Невеста не скрывала своего счастья. На 22 августа 1834 года была назначена свадьба, в Тресканде готовили приданое, и весь Хельсинки ожидал прибытия жениха. День свадьбы уже прошел, когда была получена печальная весть. Муханов умер от старой болезни. Рассказывают, что однажды цыганка предсказала Муханову неизбежную смерть за три дня до свадьбы...

Возможно хоть каким-то утешением для невесты, во всяком случае, для честолюбия ее семьи на следующий год стало сообщение о том, что императрица приглашает Аврору Шернваль ко двору. Фрейлины имели в Зимнем дворце собственные апартаменты.

Между императрицей Александрой Федоровной и Авророй Шернваль, по всей видимости, завязались подлинные дружеские отношения. То же можно сказать и о дружбе со старшими детьми императорской пары, наследником престола Александром и великой княгиней Марией, позднее герцогиней Лейхтенбергской.

Аврора и Эмилия были украшением своей эпохи, эпохи «пушкинских женщин», они вращались в самых блестящих кругах Петербурга. Они скорее всего не раз общались и с Пушкиным.

Как известно, их брат Эмилий был хорошо знаком с поэтом. Дружбу с Александром Сергеевичем вел муж Эмилии граф Владимир Мусин-Пушкин: они часто делились в Петербурге, и художник Г.Г. Гагарин запе-

чатлел Пушкина и чету Мусиных-Пушкиных на одном из рисунков, хранящихся в собрании Государственного Русского музея. Об Эмилии писал Михаил Лермонтов:

Графиня Эмилия
Белее, чем лилия.

А портрет самой Авроры Шернваль в 1838 году создал знаменитый Карл Брюллов — уже в наши дни на аукционе «Сотби» его купила Галина Павловна Вишневская за 120 тысяч фунтов стерлингов, и ныне он находится в зарубежном собрании.



*Аврора Шернваль-Демидова.
Портрет работы
Карла Брюллова*

Но, казалось, в личной жизни Авроре не везло. Зато когда ее брак наконец состоялся, о нем говорили все. Ей шел уже двадцать седьмой год, когда в доме своей сестры она познакомилась с князем Павлом Николаевичем Демидовым, одним из самых завидных женихов России, уральским заводчиком-миллионером, промышленником, известным коллекционером, археологом, любителем антиквариата.

Павел Демидов славился в Петербурге страстью к коллекционированию. Его дом на Большой Морской больше напоминал восточный дворец, наполненный несметными сокровищами. Античные вазы, драгоценные полотна итальянских мастеров эпохи Возрождения, инкрустированная мебель красного дерева и столовое серебро, принадлежавшие когда-то Людовику XIV, — все эти редкости он выкупил у герцогини Беррийской, в том числе и знаменитый, седьмой по величине в мире алмаз «Санси». Практичная старушка, тайком продав Демидо-

ву уникальный бриллиант за пятьсот тысяч франков, втянула щедрого покупателя в многолетнюю судебную тяжбу с французским двором, считавшим камень достоянием короны.

Не исключено, что к этому союзу ее склонила сама императрица, пожелавшая устроить будущее своей камерфрейлины. Заключение брака с Демидовым особы, приближенной к императорскому двору, затрагивало и прямые государственные интересы. Аврора должна была стать той нежной цепью, которая удерживала бы одного из богатейших людей России и его сокровища на родине, а не за границей.

Свадьбу сыграли по православному и лютеранскому обрядам. В честь невесты дали фейерверк, палили пушки... Павлу Николаевичу Демидову — тридцать восемь лет, но он уже был человеком пресытившимся жизнью, с ослабленным здоровьем и выглядел неважно — венчался, сидя в коляске.

Свое бракосочетание Павел Демидов отметил щедрыми пожертвованиями хельсинкским воспитательно-просветительским учреждениям. А молодой жене-красавице он преподнес шкатулку с драгоценностями — ожерельем из жемчуга величиной с грецкий орех и тем самым сказочным бриллиантом «Санси».

Госпожа Демидова с прохладцей относилась к дорогим безделушкам, но, вставив «Санси», свадебный подарок мужа, в золотую оправу, уже не расставалась с ним, считая своим талисманом.

Выкупив усадьбу Тресканда у своего отчима, который начал строительство виллы Хакасальми («Вилла Хагасунд»), известной также как «Вилла Валлен» и расположенной на берегу залива Тёёлёнлахти, Аврора Демидова превратила ее в свой настоящий дом. Демидовский дворец был официальной резиденцией, прекрасным местом проведения празднеств и приемов. Теперь она могла самостоятельно участвовать в той жизни, в которой прежде, несмотря на всеобщее восхищение и поклонение перед ней, была зависима от расположения других, будь то родственники, или монархи. У нее был собственный

салон, и она сама могла выбирать как гостей, так и предлагаемую им программу, а также весь остальной антураж. В ее доме всегда был неиссякаемый поток родственников, знакомых. Парк подвергся полной перепланировке. Обширные цветники и теплицы она требовала содержать в порядке, даже когда сама отсутствовала. Находясь в имении, она до самой старости ухаживала за садом, хотя бы просто указывая своим помощникам палкой на остав-



*Павел Демидов.
Портрет неизвестного
художника*

ленные между цветами сорняки. В Хельсинки российская элита и деятели культуры, привлекаемые курортной жизнью в городе, часто гостили у Авроры Демидовой.

В октябре 1839 года Аврора родила сына, которого назвали именем отца. Но семейное счастье было недолгим. Через полгода после рождения сына Павел Демидов скончался от болезни легких.

После смерти мужа Аврора Демидова живет то в Хельсинки, то в Петербурге. Шесть лет она не снимает траурного платья. Аврора посвящает себя воспитанию маленького сына и заботам о большом хозяйстве покойного мужа. А это почти миллион десятин земли, уральские рудники, шахты, медные и железные заводы, пятнадцать тысяч крепостных душ...

Надо было вступать во владение делами покойного мужа. Его младший брат — Анатолий, князь Сан-Дonato (отец не пожалел средств, чтобы купить сыну звучный титул), проживал почти все время в Италии, помочь не мог. Так что совладельцем имущества и прибылей был он лишь формально, на бумаге. Вся тяжесть управления и

забот упала на хрупкие плечи Авроры Карловны — она приняла довольно смелое для женщины ее круга решение, взяв на себя управление уральскими заводами.

Светская красавица, желанная гостья в литературных салонах двух столиц, едет на Урал и становится прекрасным руководителем. Первой из рода Демидовых она обратила внимание на нужды заводских рабочих: построила богадельню, родильный дом, несколько школ и детский приют, создала специальный фонд, деньги из которого шли на материальную помощь пострадавшим от несчастных случаев.

Она ложилась спать за полночь, почти все время просиживала в кабинете над бумагами, в обществе многочисленных управляющих и приказчиков. Те сперва с большим сомнением глядели на хрупкую, черноглазую красавицу с необычным именем — Аврора Карловна. Но, как записал со слов старожилов в 1885 году писатель Д. Мамин-Сибиряк, «как никто из владельцев до нее, она умела обращаться с людьми. Она крестила детей, рабочих, бывала посаженной матерью на свадьбах, дарила бедным невестам приданое, по ее инициативе построены богадельня, родильный дом, несколько школ и детский приют, стали выделять пособия при несчастных случаях».

Здание Авроринского приюта сохранилось и сегодня на территории одной из воинских частей Нижнего Тагила. Он был основан в 1849 году и располагался на Выйском заводе. Его цель состояла в том, чтобы матери, уходя на работу, могли оставлять здесь своих детей. Принимали в приют детей от одного года до восьми лет. Им выдавали одежду, было организовано питание, старшие обучались грамоте. Круглые сироты жили тут постоянно, на полном содержании...

Авроре Карловне было около сорока, когда ей руку и сердце предложил полковник, адъютант графа А.Ф. Орлова, Андрей Николаевич Карамзин (1814—1854 гг.), сын знаменитого историографа Государства Российского, и сам человек незаурядный. Всю жизнь он следовал устному завету своего отца, утверждавшего, что «служить

Отечеству любезному — быть нежным сыном, супругом, отцом, хранить, приумножать стараниями и трудами наследие родительское есть священный долг моего сердца, есть слава моя и добродетель».

Большая разница в возрасте не смутила его. В июле 1846 года состоялась свадьба. Это был счастливый союз. В нем было все — преданность, любовь, покой. Наконец-то Аврора почувствовала, что может опереться на надежную руку друга.

После свадьбы супруги вместе с маленьким Павликом Демидовым едут в Париж, а вернувшись на родину, отправляются в Нижний Тагил, где Андрей Карамзин стал управляющим заводами Демидовых.

Стараниями Андрея Николаевича, продолжившего начинания своей жены, были открыты для рабочих столовые, школы, больницы и даже городской клуб-читальня. Именно А.Н. Карамзиным на заводах Демидова впервые был введен восьмичасовой рабочий день. Он пользовался большим уважением среди тагильчан, ибо был человеком изумительной, добрейшей души. Рабочие чрезвычайно ценили его отзывчивость и высочайшую порядочность.

В уральской летописи Мамина-Сибиряка читаем: «...из поколения в поколение переходят рассказы о необыкновенной доброте, доступности и простоте четы Карамзиных... выслушивали каждого и никому не отказывали в помощи...»

А сама Аврора писала в одном из писем: «Это мое пребывание на Урале дало жизни содержание и смысл, так как появилась возможность делать добро и утешать несчастных. Я почувствовала пользу от своего существования. Радостно, что я основала там три больницы и дом для престарелых».

Зимой Карамзины жили в Петербурге, где их салон был у всех на устах. Там часто устраивали веселые чаепития с чтением литературных новинок или концертные вечера с разгадыванием шарад — на это была мастерицей старшая сестра Андрея Николаевича, Софья. Если кто-то проигрывал в угадывании, то должен был испол-

нить определенный «фант» — маленький концертный номер.

Аврора чаще всего тогда играла на фортепьяно или пела, Андрей читал стихи или составлял шуточные бури-ме, над которыми все хохотали, а вот Петр Андреевич Вяземский однажды отличился тем, что прочел, проиграв, самый изысканный «фант»: мадригал хозяйке. Поблескивая стеклами пенсне и улыбаясь хитро, он с воодушевлением продекламировал:

Нам сияет Аврора,
В солнце нужды нам нет:
Для души и для взора
Есть и пламень, и свет.

Все восторженно аплодировали, Аврора, краснея, благодарила льстеца — поэта и шуточно грозилась пальцем: «Петр Андреевич, мне кажется, Вы нарочно проиграли, чтоб иметь случай прочесть сии вирши!» Тот отмахивался: «Что Вы, Аврора Карловна, сиюминутный экспромт, не более того!» — но лукавинки так и прыгали в глазах. Гости, слыша их веселую перепалку, хохотали пуще и упрашивали Петра Андреевича «проиграть» им еще фант, чтоб можно было послушать его стихи или стихи Пушкина, которые Вяземский читал в какой-то одному ему присущей манере: спокойно и торжественно. Вечеров, подобных описанному, было множество. Об одном из них вспоминал, например, А.В. Никитенко: «9 февраля 1853 года. Обед у А.Н. Карамзина. После обеда читаны были неизданные главы «Мертвых душ» Гоголя. Продолжалось ровно пять часов, от семи до двенадцати. Эти пять часов были истинным наслаждением».

Но часы «мирных наслаждений» скоро и внезапно закончились, а предчувствия Авроры, которая писала сестре Алине вскоре после второго замужества, горько и проницательно: «В Андрее снова проснулся военный с патриотическим пылом, что омрачает мои мысли о будущем. Если начнется настоящая война, он покинет свою службу в качестве адъютанта, чтобы снова поступить в конную артиллерию и не оставаться в гвардии, а коман-

довать батареей. Ты поймешь, как пугают меня эти планы. Но в то же время я понимаю, что источником этих чувств является благородное и мужественное сердце, и я доверяю свое будущее провидению...»

Восемь лет брака казалось потом Авроре счастливым сном, одним прекрасным мгновением. Однако в мирный дом Карамзиных простучала Крымская война. Вышедший к тому времени в отставку, Андрей Ни-



*Владимир Мусин-Пушкин.
Портрет работы
Карла Брюллова*

колаевич посчитал своим долгом вернуться в армию. Он получил назначение в Александрийский гусарский полк, дислоцировавшийся в Малой Валахии и входивший в состав тридцатитысячного корпуса под командой генерала П.П. Липранди.

«Случалось мне по целым ночам просиживать в его палатке, — вспоминает поручик Павел Федорович Вистенгоф встречи с Карамзиным, — и я со вниманием слушал интересные рассказы про заграничную жизнь и Кавказ, где он служил. Карамзин говорил иногда со вздохом, почему его нет там, где более опасности, но зато более и жизни! Тут он показал Вистенгофу золотой медальон с портретом жены-красавицы и сказал, что эту вещь у него могут отобрать лишь с жизнью!»

В связи с активизацией турецких отрядов в Дунайских княжествах решено было провести тщательную разведку в районе города Каракала, занятого противником. Осуществить это мероприятие, не исключаяющее участия в боевых действиях, поручили Карамзину. Рано утром 16 мая отряд вышел в поход, и в сражении с превосходящими турецкими силами он погиб...

Рассказывают, что во время боя лошадь командира опрокинулась назад, сбросила всадника и умчалась. Турки плотным кольцом окружили Карамзина. Стали снимать с него саблю, пистолет, кивер, кушак, взяли золотые часы и деньги, чтобы затем гнать в плен. Когда коснулись золотой цепочки с медальоном с памятным портретом Авроры, Карамзин в отчаянии выхватил у стоящего рядом турка саблю, нанес ему сокрушительный удар по голове, другому перешиб руку...

Андрея Николаевича нашли бездыханным с восемнадцатью колотыми и резаными ранами. Вначале он был похоронен там же, в Малой Валахии, вторым дивизионом, которым командовал. На сороковой день состоялась панихида во всех тагильских заводах. Известие о гибели Карамзина явилось тяжелым горестным ударом для всей его семьи и шокировало светский Петербург. Вот как об этом событии писал своей дочери Ф.И. Тютчев:

«Это одно из таких подавляющих несчастий, что по отношению к тем, на кого они обрушиваются, испытываешь, кроме душераздирающей жалости, еще какую то неловкость и смущение, словно сам чем-то виноват в случившейся катастрофе... Был понедельник, когда несчастная женщина узнала о смерти своего мужа, а на другой день, во вторник, она получает от него письмо — письмо на нескольких страницах, полное жизни, одушевления, веселости. Это письмо помечено 15 мая, а 16-го он был убит...»

А спустя несколько дней жене своей Ф.И. Тютчев сообщил: «Завтра, 18 июля, мы приглашены на печальную церемонию, похороны бедного Андрея Карамзина, тело которого, однажды уже погребенное и отрытое, только что прибыло в Петербург. А я вижу, словно это было вчера, как он — в военной шинели расстается с нами на вокзале и я говорю ему на прощание — воротитесь. И вот как он вернулся!»

После погребения в карамзинской церкви Божией Матери Всех Скорбящих Радости появилась запись: «Карамзин, Андрей Николаевич, полковник, р. 24 октября 1814, убит в брани за веру и отечество против турок 16 мая 1854. Блажени милостиви яко тии помиловани будут».

Для увековечения памяти А.Н. Карамзина, стараниями вдовы Авроры Карловны, ее деверя Анатолия Николаевича Демидова и рабочих тагильчан был сооружен памятник на одной из площадей Нижнего Тагила. Деньги собирали по подписке. За высокохудожественную и добросовестную работу, исполненную заводчанами, Анатолий Демидов подарил создателям памятника образ Святого Андрея Критского в драгоценном окладе, равный стоимости памятника — деньги рабочие брать отказались. К сожалению, этот памятник не сохранился...

В 46 лет Аврора Карамзина второй раз осталась вдовой. Казалось, женщина уже не выдержит второго такого удара судьбы, замкнется, полностью уйдет в себя...

Спасение от постигшего ее горя Аврора Карловна находила в воспитании сына — Павла Демидова, племянников и племянницы, а также в общественной деятельности.

Поэтому ей еще долгое время не удавалось устроить для себя спокойную жизнь в Тресканде, о чем она мечтала. Летом ее дом был полон гостей. Сестры и братья покойного супруга, дети Мусина-Пушкина с прислугой и гувернантками, даже сестры умершего Муханова регулярно бывали у нее. То же продолжалось и в Петербурге. Алина и Мария Мусина-Пушкина, София Маннергейм, Лили и Алинетте Коррейя — дочери сестры Алины, а также следующее поколение в лице Эмилии и Марии Линдер и многих других прошли в салоне Авроры Карамзиной своего рода строгую и разностороннюю школу фрейлин. Аврора, практически потерявшая собственную семью, смотрела на них как на своих дочерей, надеясь привить им собственные взгляды, интересы и манеры и следя за их судьбами на протяжении лет. Будучи опекуной Павла, Аврора Карамзина принимала участие в руководстве Демидовскими заводами и присутствовала в качестве хозяйки на становившихся все более пышными празднествах сына в Петербурге. Не следовало пропускать и визиты к членам императорской семьи. Императоры сменялись, Аврора оставалась неизменной. Когда старший сын Александра II Николай Александрович умер в Ницце, Аврора без промедления

отправилась из Парижа разделить скорбь родителей. Когда Павел достиг совершеннолетия, Аврора Карамзина переехала жить в Тресканду, но зимой проводила время на вилле своего отчима в Хакасалми, которую выкупила после его смерти. Когда Эмилий Шернваль-Валлен ушел на пенсию с должности статс-секретаря Великого Княжества Финляндского, сестра с братом жили вместе в доме, известном теперь как «Дача Карамзиной». Салон Авроры Карамзиной в Хельсинки отличался от петербургского, но был одинаково почитаем как дворец на Большой Морской.

Карл Юхан Валлен был основателем Финского художественного общества. Сакариас Топелиус, выдающийся финский писатель и поэт, в 1870-е годы ректор Хельсинкского университета, многие годы был для Авроры Карамзиной опорой и связующим звеном с общественными кругами Хельсинки, в том числе с Женским союзом. На вилле в Хакасалми устраивались концерты, выступления любительского театра и лотереи, там собирались швей-



*Имение Авроры Карамзиной в Хакасалми сегодня
филиал Музея города Хельсинки*

ные кружки, организовывались сборы благотворительных пожертвований.

Естественно, когда императорская семья прибыла с визитом в Хельсинки, они не могли не посетить Аврору Карамзину. Визит императора в 1863 года был знаменательным событием как для Хельсинки и всей Финляндии, так и для Авроры Карамзиной. Когда состоялся ожидавшийся десятилетиями созыв сейма, Эмиль Шернваль-Валлен написал своей сестре: «Начинай планировать программу на день для императора в Тресканде. Его Величество обещал осенью приехать к тебе». Аврора Карамзина энергично взялась за дело. В усадьбе был построен новый флигель с актовым залом, были сделаны новые насаждения в парке. Императорский стол был накрыт золотыми демидовскими тарелками, а залы украшены привезенными из Ниццы цветами. Император подстрелил оленя, и на этом месте в память о событии посадили дуб. На обеде и балу император милостиво общался со «сливками» общества Великого княжества, собравшимися в Хельсинки на сессию сейма. Вечер завершил праздничный фейерверк в парке и вдоль всей дороги от Эспо до Хельсинки. По выражению Топелиуса, «у жителей Хельсинки есть своя добрая фея».

Именно тогда, во время этого визита, император Александр II произнес программную речь на открытии сейма, в которой Финляндия окончательно провозглашалась конституционной страной, имеющей выборное правительство и все конституционные права и свободы. И говорят, в этом была и заслуга Авроры Карамзиной, которая убедила Александра дать Финляндии максимальную свободу, какую тогда только можно было представить.

Спустя несколько лет у «доброй феи Хельсинки» появились новые заботы, когда на страну обрушились невиданные доселе голодные годы и эпидемии. Значительное количество голодных и больных устремилось в Южную Финляндию. Часть из них пришла в Тресканду, где для них были устроены размещение и госпиталь для нуждающихся. Женский союз в Хельсинки на средства Авроры Карамзиной содержал так называемые «суповые кухни», рабочие мастерские, а также детские ясли и си-

ротские приюты со школами. Религиозные убеждения Авроры Карамзиной основывались на вере, укоренившейся с раннего детства, на том чувстве безопасности, которые не смогли в дальнейшем пошатнуть потери и разочарования. Способность к эмоциональному восприятию сочеталась в ней с сильной потребностью в конкретных действиях. Она прочно стояла на земле и воспринимала как личный вызов беды и лишения, которые она видела вокруг себя. В ее письмах встречаются свидетельства типичной для нее непосредственной реакции на происходящее вокруг. После разрушительного пожара в рабочих кварталах Петербурга она пишет: «Завтра пойду посмотреть, что можно сделать». По письмам можно судить, что ее совершенно очевидно интересовала конкретная помощь больным. На проявление таких качеств сильно повлияло то, что она увидела в петербургском Евангелическом госпитале, а также в первом Институте сестер милосердия, созданном пастором Теодором Флиднером в Рейнской области. Именно такую деятельность она считала необходимой для Финляндии. Она должна была дать молодым женщинам, а также всем образованным и сознательным людям возможность получить необходимое образование для практической работы с больными и обездоленными. Институт сестер милосердия в Хельсинки был открыт в декабре 1867 года, в самый разгар голодных лет. Его первым директором стала вдова Аманда Каяндер, которая ухаживала за Авророй Карамзиной, когда та заразилась оспой. Поначалу институт действовал на арендуемой площади в доме Линдеров, а в 1875 году Аврора купила для него специальное здание в квартале Катаянокка. Когда стало ясно, что помещений не хватает, на ссуды и пожертвования было начато строительство комплекса зданий, действующих и поныне, расположенных в районе зоопарка. Строительство закончилось в 1897 году. Аврору Карамзину особенно радовало то, что институт находится недалеко от виллы в Хакасалми.

Об этой красивой и богатой женщине современники отзывались только в восторженных тонах, отмечая ее простоту и скромность.

Что касается ее сына Павла, то Аврора стремилась пробудить в нем интерес к делам большого семейного предприятия. Его дядя Анатолий Демидов остался бездетным, и, усыновив Павла, он оставил тому княжеский титул и несметные богатства.

Но повзрослевший Павел приносил своей матери все больше хлопот. С детства донельзя избалованный, он смотрел на жизнь как на ящик со множеством дорогих и соблазнительных игрушек. Дела отцовской фирмы мало заботили его, как и все, связанное с трудом, долгом и ответственностью вообще. Деньгам счета он никогда не вел, да и не видел в этом необходимости. Познав все прелести парижской жизни, он не мог от них оторваться. Не помогали и «воспитательные» наезды в Париж матери, неоднократно пытавшейся унять сына и подыскать ему серьезное занятие. Короткие проблески благоразумия сменялись новыми периодами веселья и беспечности, чередой скандалов и бесконечными долгами.

Образ жизни Павла Демидова менялся от скандалов и дуэлей до религиозного фанатизма, и руководство Демидовскими заводами, а также сам император неоднократно взывали к здравому смыслу Авроры Карамзиной и тому влиянию, которое она еще имела на «блудного сына». Дела предприятия испытывали большие трудности. Существовали опасения, что рудники истощаются. При этом возросли расходы, так как после отмены крепостного права рабочим нужно было платить зарплату в денежной форме. По все видимости, на заводах имели место обман, хищения и злоупотребления. Павел Демидов вынужден был продать свой парижский дворец с коллекциями произведений искусства, а также роскошную виллу в Довиле. Петербургский дворец сначала был сдан в аренду, а затем продан итальянскому послу. Пришлось расстаться со свадебным подарком покойного Демидова — знаменитым «Санси»...

В конце жизни ее рента составляла «всего лишь» 50 000 рублей, из которых на содержание Тресканды ежегодно тратилось 12 800 рублей.

Аврора Карамзина сосредоточилась на благотворительности. Поначалу она лично, а позднее с помощью кого-нибудь из слушательниц Института сестер милосердия принимала в назначенные дни нуждающихся в помощи. Своих помощников она посылала познакомиться с условиями жизни просителей и подготовить предложения, чем им можно помочь. Рассказывают, что она помогала многим студентам. Ближе всего ее сердцу были женщины, стремившиеся получить образование. Для девочек из сельской местности, приезжавших в Хельсинки на работу, она организовала дом прислуги, а в своем имении построила конюшню и постоялый двор для сельских жителей, приезжавших на рынок. До самой старости она посещала по праздникам народную школу в Тресканде и раздавала лучшим ученикам стипендии и награды.

В 1885 году Аврору постигло новое горе: похоронила красавца-сына, в одночасье сгоревшего от лихорадки — последнего, четвертого, своего самого любимого мужчину. Думала, что не перенесет и не переживет этого, но уже через несколько недель после похорон с невидящими от слез глазами перебирала в кабинете бумаги и, как всегда, отдавала распоряжения по екатеринбургскому медеплавильному, нижнетагильскому чугунолитейному и продолжала свою благотворительную деятельность. Ее доброе и большое сердце не разорвалось от горя лишь потому, что она лечила его самым дорогим лекарством — любовью и милосердием к ближним. А ее благотворительность узнали не только на Урале и в Финляндии, но и в Петербурге, и даже во Флоренции, городе, с которым был связан брат ее первого мужа и ее единственный сын.

Кстати, ее внучка и полная тезка, княжна Аврора Демидова Сан-Донато, вышла замуж за югославского князя Арсена и стала матерью князя Павла Карагеоргиевича, принца-регента Югославского. Дочь «югославской» Авроры — известный сербский политик Елизавета Карагеоргиевич, а внучка — американская кинозвезда Кэтрин Оксенберг.

Многие, встречавшиеся с Авророй Карловной, отмечали, что даже в преклонном возрасте глаза ее сохраня-

ли, вместе с дымкой печали, какую-то детскую ясность выражения и чистоту. Если кто-то пытался выразить ей сочувствие в том, как тяжело сложилась ее женская судьба, то она в ответ лишь пожимала плечами и никогда не соглашалась признать, что ее судьба сложилась трагически. «Отчего же? —



*Финская почтовая марка
с изображением
Авроры Карамзиной*

говорила она, пожимая плечами. — Я была не так уж несчастна. Меня любили на этой земле четверо мужчин. Они простились с жизнью в уверенности, что и я любила их столь же сильно, как и они меня. Любить стольких и быть ими любимой — чем не дар Божий?»

Когда Аврора Карловна со временем отошла от дел, семья ее первого мужа Демидова стала выплачивать ей пожизненную пенсию. Большую ее часть Аврора по-прежнему расходовала на благотворительные цели. Себе она оставляла очень мало.

В 1890 году умер ее брат, Эмилий Шернваль-Валлен, и в последнее десятилетие жизни самыми близкими людьми Авроры Карамзиной были пожилые сестры милосердия, с которыми она еженедельно виделась, неизменно проходя путь вдоль залива Тёёлёнлахти. Главное здание в Тресканде сгорело в 1888 году. Аврора Карамзина не захотела строить новое, а продала усадьбу дочери племянницы Марии Линдер и ее супругу доктору Адольфу Тёрнгрёну. Тем самым она смогла оказать значительную помощь масштабной реконструкции Института сестер милосердия. Когда император Александр III и императрица Мария Федоровна посетили Финляндию в 1885 году, Аврора Карамзина имела удовольствие показать им свой институт. Рассказывают, что император весело играл с маленькими детьми из детского дома. Так встретились два основных течения в жизни Авроры Карамзиной. Атмосфера, изменившаяся в «годы лихолетья» доставляла

огорчения Авроре Карамзиной. В 1901 году, во времена генерал-губернатора Н.И. Бобрикова, она обратилась с письмом к вдовствующей императрице Марии Федоровне, ссылаясь на права Финляндии, всегда соблюдавшиеся российскими императорами. Императрица передала обращение сыну, однако положительной реакции не последовало. Отношения Авроры Карамзиной с Николаем II были совсем не те, что с другими императорами. И все же, когда ее провожали на кладбище Хельсинки, среди огромного количества цветов был и венок от Николая II.

Аврора Карловна Демидова-Карамзина скончалась 13 мая 1902 года в возрасте девяноста лет.

Гроб несли потомки старых ее друзей, в том числе будущий маршал Финляндии Карл Густав Маннергейм.

Аврора Карамзина похоронена в старой части кладбища ХиетаниEMI. Там похоронены многие выдающиеся деятели Финляндии. Здесь же покоятся Агафон Фаберже, Николай Синебрюхов и Анна Вырубова. На памятнике — горельефное изображение Авроры Карловны из белого мрамора, рядом две скорбящие фигуры, и руки одной из них обнимают это изображение, как бы олицетворяя любовь, которую Карамзина заслужила всей своей судьбой.

На памятнике есть и надпись-эпитафия из Нового Завета I: Кор. 13: I: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий».

Автор памятника Авроре Карамзиной — известный финский скульптор Вилле Валлгрeн (1855—1940 гг.), живший в Париже. Примечательно, что именно он создал и один из символов Хельсинки — «Хавис Аманда» — статую обнаженной девушки в центре фонтана на Торговой площади города, установленную в 1908 году.

В центре Хельсинки, на Линнунлаулунтиe, сохранились больница и капелла, основанные Авророй Карамзиной. Дача Хакасальми является филиалом Музея города Хельсинки, где находится ее архив. Ее именем названы детские приюты, библиотеки, школы в Финляндии, одна из улиц в центре Хельсинки. Так история стран-соседей

Финляндии и России отразилась в судьбе и имени нашей героини — финской красавицы Авроры Карловны Шернваль Валлен Демидовой-Карамзиной.

...Память об этой необыкновенной женщине живет в стихах Баратынского, музыке Глинки, красках Брюллова. Но и после ее смерти ее судьба волновала, интересовала и вдохновляла. Целую поэму о ней — «Аврора» — в 1919 году написал Георгий Маслов, замечательный белогвардейский поэт, горячо любящий Россию и умерший в возрасте всего 25 лет от сыпного тифа на больничной койке в Красноярске, когда в стране наступила уже совсем иная эра...

А о начале этой эры возвестил выстрел знаменитого крейсера «Аврора». Когда-то крейсер был назван в честь фрегата, героически защитившего рубежи России в Крымскую войну. По легенде, это имя было дано судну во время шуточного пари, проигранного командиром корабля его доброму знакомому, полковнику Андрею Николаевичу Карамзину. Переименованное судно погибло в бою с англичанами, но название осталось и, храня легенду о пари, само стало живой легендой.

Так, совершенно невероятным образом имя Авроры вошло и в советскую историю...

ШВЕДСКАЯ КРЕПОСТЬ, СТАВШАЯ ФИНСКОЙ

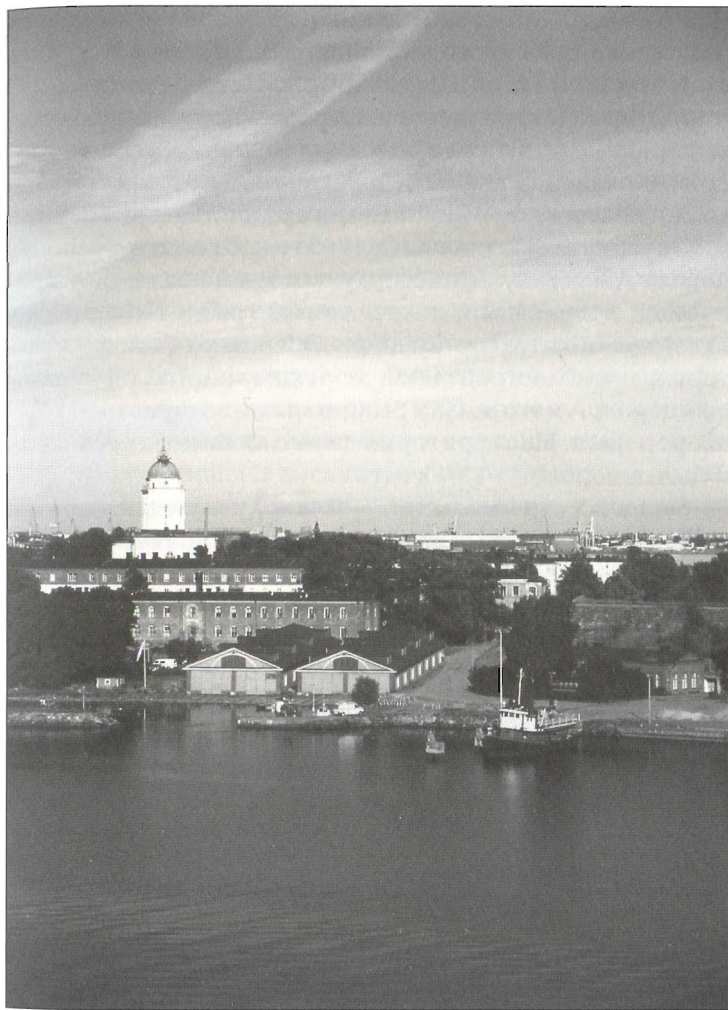


Имя Свеаборг для истории русского флота — это почти то же, что Севастополь и Кронштадт. Сегодня в Финляндии он известен как Виапори — так финны произносят «Свеаборг», но официально он именуется Суоменлинна — уже девяносто лет, как Шведскую крепость переименована в Финскую.

В Финляндии это один из самых значительных культурно-исторических памятников страны, и он даже включен наряду со всего несколькими другими объектами страны в престижный список всемирного наследия ЮНЕСКО.

До Свеаборга-Суоменлинны всего четверть часа хода на прогулочном катере, который регулярно отправляется от пристани у рыночной площади в самом центре Хельсинки. И слева, и справа от нее — терминалы, у которых швартуются огромные паромы компаний Viking Line и Silja Line. Кстати, входя в гавань финской столицы именно на этих судах, можно лучше всего понять стратегическое значение крепости для защиты Хельсинки. Пролив с судоходным фарватером так узок, что кажется, будто паром идет не по морю, а по реке со скалистыми берегами. Вражеские суда ни за что не могли попасть в гавань, не оказавшись под прямым, почти в упор, обстрелом береговых орудий крепости. Хельсинки был неприступен.

Суоменлинна не только крепость и исторический памятник. Это жилой, очень живописный и спокойный, а оттого весьма престижный район столицы с населением 900 человек. При этом, мало кто знает, что, помимо морских «трамвайчиков», он связан с Хельсинки и подводным туннелем. Он закрыт для обычного транспорта, но в случае необходимости по нему всегда в Суоменлинну



Вид на Свеаборг с моря

за несколько минут домчится, например, машина «скорой помощи».

Этапы в истории крепости самым тесным образом связаны с историей Финляндии и Балтики в целом. Рост и расцвет Хельсинки также являются заслугой Суоменлинны.

В начале XVIII века Швеция в двух войнах лишилась на востоке всех своих пограничных областей и крепостей. Чтобы не потерять всей Финляндии, Генеральные штаты приняли решение построить центральную крепость для защиты сразу всех восточных областей. Местом дислокации выбрали Хельсинки, на этом месте она должна была стать базой как для армии, так и для флота.

Осуществление планов в 1746 году было поручено генералу Августину Эренсверду, который позже был произведен в маршалы и получил титул графа. Помощь ему оказывал архитектор Тунберг. Эренсверд был архитектором, кораблестроителем, морским и артиллерийским офицером. А в его жизни были только две страсти — Свеаборг и флот. На территории своего любимого детища он и был похоронен в 1772 году.

Он начал строительство в 1748 году и руководил им с небольшими перерывами до самой смерти. Вместо намеченных 4-х лет оно длилось 40 и так и не было закончено в том виде, в каком задумал его создатель.

Таким образом, солдаты армии, набранной из рекрутов, построили на подступах к Хельсинки на семи ска-



Чтобы войти в гавань Хельсинки, корабли проходят узким проливом мимо Свеаборга

листых островах, составляющих группу Wargskären (дословно «Волчьи шхеры», в России их называли «Варгскими шхерами»), крепость, у которой общая протяженность крепостных стен составила восемь километров и на бастионах и укреплениях которой было место для 1300 пушек. Названа она была Свеаборгом — Шведской крепостью.

Безлюдные острова превратились в огромный гарнизон, где жителей было больше, нежели в самом Хельсинки: внутри стен вырос город, который после Турку был крупнейшим в Финляндии.

Во время русско-шведской войны 1808 года крепость была осаждена русскими и, несмотря на явное превосходство шведов в артиллерии (1000 орудий против русских 40), сдана после непродолжительной осады почти неповрежденной. Из восьмитысячного гарнизона погибло всего 5 человек. Русским досталось семь с половиной тысяч пленных, более двух тысяч орудий, огромные запасы всякого рода и 110 военных судов. Комендант крепости адмирал К.О. Кронштедт попал под трибунал по обвинению в измене, а его родственники в Швеции принуждены были менять свои фамилии.

В 1809 году Финляндия стала частью Российской империи, и Свеаборг стал русской крепостью на 110 лет, сохранив прежнее название.

Свеаборг превратился в важную базу российского военно-морского флота. Для гарнизона крепости были построены большие казармы. Господствующее над Пикку-Мустасаари (Малым Черным островом) здание, в котором сегодня расположена Военно-морская школа, было построено по проекту К.Л. Энгеля в 1821—1829 годах как больница, а в 1844 году рядом с ним был возведен второй больничный корпус. В 1854 году для нужд гарнизона по проекту архитектора Константина Тона (того самого, кто построил храм Христа Спасителя в Москве, здания вокзалов Николаевской дороги в Москве и Петербурге) была возведена церковь во имя Александра Невского.

Но Россия как великая держава не считала больше целесообразным укреплять саму крепость.

Свеаборг оказал большое влияние и на рост Хельсинки, так как через него велось снабжение гарнизона. Именно на поставках в Свеаборг разбогател знаменитый купец Синебрюхов, получивший монопольное право на производство алкоголя и его продажу. Немалое состояние, обслуживая Свеаборг, сколотил и купец Недоносков.

Едва ли кто знает, что именно в Свеаборге родился известный русский литературный критик Виссарион Белинский, чей отец служил гарнизонным врачом.

Но о Свеаборге русского периода можно услышать и совсем странные истории: похоже, крепость хранит немало тайн.

Я, например, в Свеаборге узнал об истории романа Зинаиды Юсуповой, прабабушки Феликса Юсупова, и ссыльного декабриста Исакова, которого держали в крепости. Она — за немалые деньги — сумела выволить его и вывезти в Петербург, где и скрывала в своем дворце до

самой смерти. Гроб Исакова нашли в 1925 году большевики, когда в поисках сокровищ обыскивали ее дворец и простукивали стены...

Самый же известный — трагический и героический — эпизод в истории Свеаборга — это оборона крепости во время Крымской войны. И именно тогда на его долю выпали самые тяжелые разрушения.

Англо-французская эскадра начала интенсивный орудийный обстрел крепости 28 июля (9 августа) 1855 года. Бомбардировка была жестокой. В течение сорока пяти часов англо-французский



*Княжна Зинаида Юсупова.
Портрет работы
Кристины Робертсон*

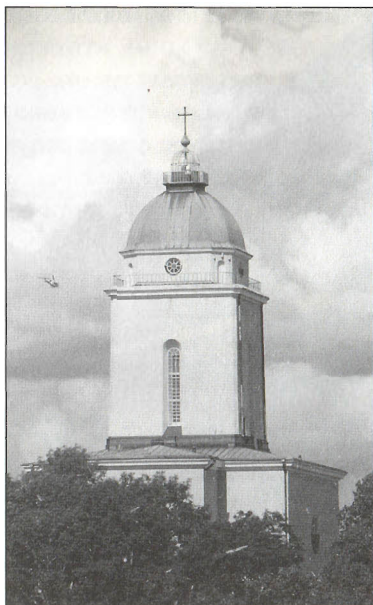
флот непрерывно обстреливал крепость: днем — тремя линиями военных кораблей, коих было 64, а ночью — с вооруженных ракетами шлюпок. К тому же обстрел Свеаборга велся мортирной батареей, устроенной французами на маленьком островке Абрахам, лежащем в двух километрах от русских фортов.

Устаревшие крепостные орудия не могли причинить союзному флоту ощутимого вреда.

После двухдневного артиллерийского боя эскадра ушла от Свеаборга, потеряв несколько мортирных кораблей.

Русские офицеры и солдаты крепостной артиллерии и моряки кораблей Балтийского флота до конца выполнили свой воинский долг. 63 из них погибли в сражении. Их имена были высечены на мраморных плитах, которые были установлены в соборе Александра Невского.

А на острове Сантихамина (Сандхамн), лежащем в Финском заливе к юго-востоку от русской островной крепости Свеаборг, по проекту барона Петра Клодта — того самого русского скульптора, чьи бронзовые кони стоят на Аничковом мосту в Санкт-Петербурге, в 1857 году был сооружен памятник — шестиметровая пирамида, увенчанная православным крестом. Надпись на нем гласила: «Убиенным 63-м матросам и солдатам, во время бомбардирования Свеаборга англо-французским флотом 28-го и 29-го июля 1855 г.». Украшала памятник икона Смоленской Богоматери, которая со временем, правда, исчезла. Но в 1996 году икона, писанная по



*Собор во имя
Александра Невского*



Улочка Свеаборга

благословению Русской православной церкви в мастерской московского Сретенского монастыря, ему была возвращена, и старый памятник как бы открылся заново.

После Крымской войны в крепости была проведена реконструкция, построены новые укрепления и артиллерийские позиции, установлены более современные орудия. Еще позже, в ходе Первой мировой войны, крепостная артиллерия была размещена и на внешних островах. Тогда Свеаборг входил в состав

флангово-шхерной позиции крепости Петра Великого и использовался как база минного флота.

В начале XX века в Свеаборге было около 1500 жителей, не считая гарнизона. Сообщение с Гельсингфорсом поддерживалось летом маленькими пароходами, в крепости располагались Станция русского военного флота, доки, арсеналы, матросская школа, казармы, цейхгаузы, пороховые погреба, резервуары пресной воды.

Еще одним, и тоже трагическим, эпизодом, благодаря которому крепость вошла в историю России, было восстание гарнизона Свеаборга в 1906 году.

Большевики возлагали большие надежды на гарнизон крепости в ходе первой русской революции, но восстание началось преждевременно, и к нему примкнула только часть гарнизона.

Поводом для восстания послужил арест комендантом крепости минной роты в полном составе. Дело в том, что в июле в части Балтийской эскадры, стоявшей в Ревеле, началось сильное брожение. В целях предупрежде-

ния десанта матросов на острова Свеаборгской крепости комендант отдал приказ поставить мины у входа в свеаборгский рейд. За неподчинение приказу минеры были окружены пехотой, обезоружены и посажены под арест. Артиллеристы одной из рот решили освободить товарищей. Последовавшая кровавая схватка артиллеристов с двумя ротами Свеаборгского крепостного батальона послужила началом этого знаменитого восстания. Восстание было подавлено силами Свеаборгского крепостного полка и кораблей Балтфлота, который остался верен царю.

Во время гражданской войны в Финляндии летом 1918 года здесь находился концлагерь для финских красногвардейцев, из которых много умерло от голода и болезней. В том же году крепость была переименована в Суоменлинна (Финская крепость) и долгие годы служила военно-морской базой финского государства. После 1918 года в течение более чем двадцати лет там был расположен финский гарнизон. После Второй мировой войны туда вернулась уже лишь незначительная часть военных частей, а начиная с 1973 года Свеаборг стал целиком гражданской территорией.

Ныне Свеаборг — культурный и музейный центр, там живет много артистов и художников, есть летний театр, Северный институт современного искусства. Суоменлинна — одна из основных достопримечательностей Хельсинки. Это обширный музей под открытым небом, который ежегодно посещают более 600 тысяч человек.



*Некогда грозные пушки
крепости сегодня выглядят
совсем мирно*

На укреплениях Суоменлинны — многочисленная артиллерия времен развития крепости, причем все пушки отлиты в России, в основном на Пермском оружейном заводе, и надписи на них только на русском языке. В музее сохранились 6-дюймовая осадная пушка образца 1904 года и другие орудия.

Для интересующихся архитектурой Суоменлинна представляет уникальный и подлинный в историческом плане объект для посещения. Ее стены протяженностью шесть километров являются шедевром фортификационной техники 1700-х годов. В Суоменлинне также сохранилось множество построек, свидетельствующих о более чем столетнем русском периоде.

Прибывающего в крепость туриста приветствует Ран-такасарми — Береговая казарма розового цвета, самое известное здание Суоменлинны русского периода. Она была сооружена в 1868—1870 годах.

Из-под сводов береговой казармы открывается вид на квартал с деревянной застройкой, часть купеческого квартала русского времени. Собор Александра Невского, сооруженный Тоном, в 1920-е годы был перестроен в кирху, купол которой сейчас хорошо виден из Хельсинки. А в ее башне расположен действующий маяк. Судьба плит, установленных в соборе в память о погибших моряках-защитниках Свеаборга, правда, неизвестна. Однако есть предположение, что они до сих пор находятся в подвалах кирхи.

А вот здешняя верфь почти не изменилась за многие годы, прошедшие со времени ее постройки, и, более того, по-прежнему используется по своему назначению. Эта верфь является самым старым в Европе действующим сухим доком. Она перешла к Попечительскому совету Суоменлинны в 1985 году. Совет сдает док в аренду зарегистрированному обществу «Виапорин телакка», которое использует бассейн в качестве действующего центра по ремонту традиционных судов.

В общем, посещение Свеаборга-Суоменлинны — это возможность прикоснуться к живой истории, 110 лет из которой принадлежат и России...

РОЧЕНСАЛЬМСКАЯ ТРОПА ЕКАТЕРИНЫ



Туристы, которые сегодня едут на машинах или автобусах в Финляндию из Петербурга, обычно останавливаются в Котке лишь на несколько минут. Сегодня этот город известен как крупный порт и промышленный центр.

А некогда, расположенная на его территории Роченсальмская крепость имела для России не меньшее значение, чем знаменитый Свеаборг, и служила одним из важнейших опорных центров Российской империи на территории так называемой Старой Финляндии.

Старой Финляндией называют территории Швеции, переданные России после Великой Северной войны в Ништадском договоре 1721 года, а также после русско-шведской войны 1741—1743 годов в результате Абосского мира. В Ништадском мирном договоре Швеция отдавала России Кексгольмский уезд, а также львиную долю Выборгского уезда. В 1743 году она уступила некоторые территории на юге Финляндии, в том числе современные города Савонлинна, Лаппезнранта и Хамина.

О двух первых мы еще подробно расскажем, а что касается Хамины, то для русского человека в этом старом портовом военном городке, сохранившем круговую застройку XVII века, наверное, будет наиболее интересна православная церковь Св. апостолов Петра и Павла — место встречи императрицы Екатерины II со шведским королем Густавом III. В храме, помимо прочего, сохранилось паникадило, подаренное русской императрицей.

А в Котке с Екатериной II и ее временем связано гораздо больше памятников и мест.

Дело в том, что, несмотря на то что Швеция уступила России юго-восточную часть Финляндии до запад-

ного ответвления реки Кюми-йоки, Густав III не оставлял попыток захватить эту потерянную территорию. Не удалась это ему и несмотря на победу шведов во втором морском бою в Роченсальми (по-фински точнее Руотсин-салми) 9 июля 1790 года. При заключении Верельского мирного трактата в августе 1790 года граница осталась неизменной.

Уже во время войны Екатерина Великая понимала стратегическое значение Роченсальми, и после заключения мирного трактата она дала генералу А.В. Суворову поручение построить новую крепость для защиты столицы страны Санкт-Петербурга. В результате этого образовалась трехступенчатая крепостная зона.

Строительные работы начались в 1790 году. На первой стадии этих работ (1790—1796 гг.) были построены большие форты: форт «Екатерина», форт «Елизавета» и форт «Слава». Крепость была пополнена редутами и батареями, находящимися на разных островах. На самом высоком месте острова Котка был построен высокий маяк. В западной стороне острова были построены морской госпиталь, а в северной стороне военный порт. В бухте Сапоканлахти был спроектирован док. В начале работы выполнялись под руководством адмирала русского флота, немецкого принца Нассау-Зигена Карла Хайнриха, а потом работу продолжил французский полковник Жан-Огюст Прево де Люмпен. Строителями служили русские солдаты, крепостные, арестанты и «волные люди». Кроме того, и финским крестьянам тоже пришлось трудиться в крепости на поденных работах.

При военном порте появился гарнизон со своими казармами и хозяйственными постройками. Вслед за гарнизоном стало расти и городское население. Правда, большинство городских домов были маленькими, деревянными и одноэтажными, и на улицу они выходили торцовыми стенами. Максимальная численность жителей Роченсальми достигала более 10 тысяч, из которых лишь около тысячи составляли гражданское население — семьи солдат, купцы, ремесленники, рабочие.

Так, на прежде необитаемом острове Котка за нескольких лет выросла крепость и небольшой город.

Но уже в 1809 году, после завоевания всей Финляндии, Роченсальмский порт и крепость потеряли свое стратегическое значение. Гарнизон и флот переместили в Свеаборг, жители разъехались, а многие из обветшалых зданий разрушились. Летом 1855 года, во время Крымской войны, англо-французский флот обстрелял форт «Слава», на острове Котка высадился десант, а город был сожжен. Только православная церковь Святого Николая осталась не уничтоженной.

А в 1878 году на месте Роченсальмской крепости был основан город Котка.

Сегодня в нем можно увидеть руины, которые находятся как в черте города, так и на островах перед ним: форт «Екатерина» на острове Котка, форт «Елизавета» на острове Вариссаари и форт «Слава» на острове Кукури, а также руины казарм, пороховых погребов и разных хозяйственных строений.

Зато полностью сохранилось старейшее здание в Котке — православная церковь Святого Николая, построенная в 1799 - 1801 годах. По своему архитектурному стилю церковь представляет неоклассический палладианизм XVIII века и является старейшим зданием в этом стиле в Финляндии. Согласно архиву Петербургского адмиралтейства, архитектором церкви считают Якова Перрини. После его смерти (1800 г.) строительство продолжил архитектор Миллер, по эскизам которого был создан оригинальный иконостас и другие элементы декора.

Иконы иконостаса были написаны профессором Петербургской академии художеств Иваном Тупылевым. В иконах церкви прослеживается влияние произведений художников эпохи Ренессанса: Рафаэля, Эстебана Мюрильо, Гвидо Рени и Тициана.

Из икон церкви стоит упомянуть, например, лик святого Николая, который был написан в конце XVIII — начале XIX веков в память о сражении в Роченсальми. Одна из значительных икон, изображающая Александра Невского, была преподнесена царю Александру II торго-

вым советником Иваном Синебрюховым после спасения царя от угрожающего его жизни несчастного случая.

Из многочисленной и ценной коллекции церковных текстилей можно упомянуть текстили конца XVIII века, некоторые из них были подарены храму царицей Екатериной II. Графом Суворовым были подарены облачение священника и дьяконский убор. Самые старые из са-
кральных предметов датируются XVII веком.

Сегодня в городе существует специальный туристический маршрут, который так и зовется «Тропа Екатерины». А на острове Куусинен стоит памятник русским морякам, погибшим во время морских сражений при Руотсинсалми, работы Михаила Аникушина, установленный 28 июля 1998 года. Заметим, что Аникушин создал для Финляндии еще один памятник — Ленину в Турку.

«ЦАРСКАЯ ИЗБА» В ЛАНГИНКОСКИ



В пяти километрах от центра города Котка находится живописный уголок природы Лангинкоски — несколько островов в низовьях реки Кюми-йоки, соединенных между собой деревянными мостами. Лангинкоски — настолько красивое место, что трудно не оказаться во власти его очарования: вполне понятно, почему Александр III и Мария Федоровна предпочитали отдых в скромной деревянной избе блеску дворцов...

Члены русской царской семьи очень любили проводить свой отдых на территории Великого Княжества. Видимо, лишь только Крым по популярности превосходил у них Финляндию.

Очень много любопытнейшей информации по этому поводу можно почерпнуть в изданной в 2002 году в Хельсинки книге Йормы и Пяйви Туоми-Никула «Императоры на отдыхе в Финляндии». В ней подробно рассказывается о 568 днях финского отдыха из 751, которые российские императоры провели в Финляндии.

А это весьма любопытные страницы истории. Ведь отдых государей в Финляндии с 1809 по 1917 годы не особо отмечены в российских газетах того времени. По мнению авторов книги, это может быть связано с нежеланием журналистов признавать, что императоры чувствовали себя в большей безопасности на территории Финляндии, чем у себя на родине. Кстати, и финские газеты не стремились давать подробных репортажей о пребывании высоких особ в стране. Версия Йормы и Пяйви — тогда трудно было бы обойти молчанием невероятную популярность российских правителей в Великом Княжестве.

Анализируя географию его путешествий по Финляндии, становится ясным, что его привлекало в первую очередь побережье Финского залива, а на нем, в свою очередь, два места — это окрестности городов Таммисаари и Турку с близлежащими Аландскими островами и окрестности города Котки с богатой форелью рекой Кюми-йоки, на одном из порогов которой — Лангинкоски — и была выстроена для императора летняя усадьба.

Первое посещение Александром III порога на реке Кюми произошло еще в бытность его наследником престола 15 июля 1880 году. Александру Александровичу было тогда 35 лет.

Вместе со своей молодой супругой, Марией Федоровной, урожденной датской принцессой Дагмарой, они прибыли на военном корабле из Санкт-Петербурга в Котку, где их встречал русский купец и, как бы сказали сейчас, «инспектор рыбнадзора» Сергей Дружинин. Он-то и отвез наследственную чету на лошадях к известному месту ловли форели — порогу Лангинкоски.

Александр III очень любил рыбалку. Рассказывают, что, когда император как-то ловил рыбу в Гатчине, адью-



«Царская изба» в Лангинкоски. Так она выглядит сегодня

тант принес ему какую-то важную телеграмму из Европы, на что Александр сказал: «Когда русский царь увидит рыбу, Европа может и подождать».

Александр с большим интересом наблюдал за рыбаками и весьма обрадовался, когда те, выловив пять больших рыб, подарили их ему. В благодарность будущий император одарил каждого из рыбаков пятью рублями. В свою очередь, на местных жителей визит также произвел впечатление — в память о нем они решили укрепить на краю порога медную табличку. Табличка эта, на которой было написано: «15 июля 1880 г. Наследник Короны государства с супругой провели здесь день», провисела до 1917 года, после чего таинственным образом исчезла.

В Лангинкоски, кроме богатой форелью реки, ко времени первого посещения Александром III этих мест существовала также православная часовня. Ее построили монахи Валаамского монастыря, получившие в дар от императора Павла I в 1790-х годах исключительное право на рыбную ловлю на двух порогах реки Кюми: Лангинкоски и Сиикакоски. На пороге Сиикакоски было построено небольшое подворье Валаамского монастыря, которое, к сожалению, не сохранилось, а часовня на пороге Лангинкоски существует до настоящего времени. Ловля форели приносила большой доход монастырю, поскольку в расположенной рядом Роченсальмской крепости находился русский гарнизон (граница между Швецией и Россией проходила в то время как раз по реке Кюми). После присоединения Финляндии к России в 1809 году граница со Швецией была отнесена далеко на запад, и надобность в гарнизоне и крепости отпала. За отсутствием сбыта в упадок пришел и монастырский промысел. В момент посещения Александром III Лангинкоски часовня стояла заброшенной посреди девственного леса. В то время, как и сейчас, ее украшали иконы святого благоверного князя Александра Невского и святителя Николая — святых покровителей императоров правящей российской династии Романовых. Это произвело впечатление на будущего императора, и он сказал, уезжая: «Я сюда обязательно вернусь».



скошный ларец, в котором был большой серебряный поднос и серебряный же сервиз. Более того, Дружинин стал настолько близок императору, что несколько лет спустя царствующая чета устроила для его старшего сына Сергея венчание в церкви Царского Села и роскошную свадьбу.

Видимо, тогда же было принято решение построить в окрестностях Лангинкоски коттедж для царского отдыха: Александр III высказал финнам пожелание, чтобы на берегу порожистой реки был выстроен для него рыболовный домик. Позднее, через третье лицо начали покупать землю и строить для императорской семьи рыбачью избу.

Намерение было осуществлено через четыре года — в 1888 году. В этом же году около Таммисаари был установлен памятный камень с выбитыми на нем датами всех посещений этих мест императорской четой. Камень этот, также как и рядом расположенный источник, носят имя Дагмары, что свидетельствует о том, что западная часть побережья больше нравилась императрице, в то время как восточная — императору Александру III (любопытно, что следующему императору, сыну Александра III — Николаю II, полюбилась еще более восточная часть Финского побережья — окрестности Виролахти).

Коттедж в Лангинкоски, или, как говорят в Финляндии, «царская изба» (keisarihuvihuone), был спроектирован финскими архитекторами Себастьяном Грипенбергом, Магнусом Шерфбеком и Жаком Аренбергом в соответствии с пожеланиями императора. Государь с детьми приезжал наблюдать за ходом строительства.

На первом этаже расположена большая общая зала, кухня, а также рабочие комнаты императора и императрицы, наверху — спальни. Все внутреннее убранство от столового серебра до занавесок на окнах было финского производства.

Интересно, что в спальнях, расположенных на втором этаже, были предусмотрены «пожарные лестницы» — судовые раскладывающиеся трапы, — по которым было бы легко в случае опасности спуститься через окно вниз.

К счастью, ими не пришлось пользоваться, жизнь в Лангинкоски была спокойной и размеренной.

Примечательно, что в финских поездках Александра III сопровождал и художник Альбер (Альберт) Бенуа, брат Александра Бенуа. Как пишет последний, «в 80-х и 90-х годах Альбер Бенуа стал одним из любимейших русских художников, его акварели раскупались нарасхват, он был награжден званием академика, ему был поручен акварельный класс в Академии, члены «Общества акварелистов» избрали его своим председателем и, наконец, акварель <...> открыла ему доступ ко двору, точнее, к особам государя и государыни».

Действительно, акварели Альберта Бенуа путем знакомств и родственных связей попали на глаза Александру III и его супруге Марии Федоровне. И так им понравились, что Альбер был приглашен принять участие в царской экскурсии по финляндским шхерам. Приглашен как художник, но, как выяснилось, пришелся ко двору и в качестве веселого товарища-собеседника, музыкального по нату-

ре, отзывчивого на чужой юмор, не лишенного собственного. По свидетельству брата Александра, императрица «очаровала Альбера ласковыми приемами, государь живо заинтересовался каждой подробностью в тех пейзажах, которые Альбер им повез показать». И с тех пор не обходилось «ни одной царской поездки без того, чтобы Альбер не сопровождал императорскую чету». А такие поездки проводились ежегодно.

Так как в те времена с Коткой не было железно-



Император Александр III

дорожного сообщения, государь с семьей добирался из Санкт-Петербурга до дачи на корабле.

В середине июля 1888 года, следуя привычному расписанию отдыха, после посещения западного побережья, в середине июля, царские яхты прибыли на рейд Котки. Императорская чета сошла на берег, чтобы посмотреть свою строящуюся дачу. Александр заметил строителям, что около дома необходимо установить флагшток, что немедленно было исполнено.

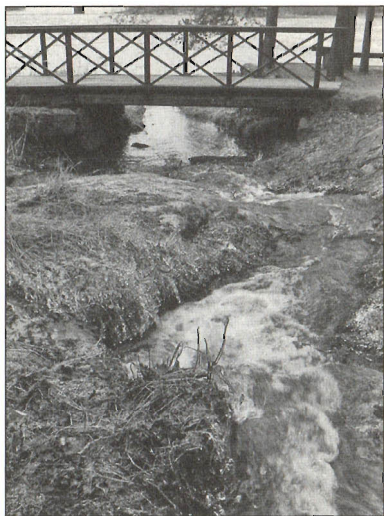
На следующий день царь принялся рубить дрова и носить с порога воду для приготовления ухи, которую, ловко повязавшись передником, взялась варить из форели царица. Пока она этим занималась, Александр попросил у строителей инструменты и собственными руками смастерил лесенку к большому камню на берегу водоема, где потом очень любил сидеть и смотреть на воду или удить рыбу.

Кстати, Александр III очень любил колоть дрова и сам носил воду, а императрица — готовила (правда, мытье посуды она с удовольствием доверяла другим). Так что лето в финской глуши вполне соответствовало активному дачному отдыху современной семьи.

Надо сказать, что Мария Федоровна в Финляндии пользовалась особой популярностью среди своих подданных. Внук Марии Федоровны Тихон Николаевич Куликовский-Романов рассказывал о таком эпизоде: «Однажды Императрицу Марию Федоровну по прибытии в Финляндию спросили, что Она хотела бы услышать



*Императрица
Мария Федоровна*



Лангинкоски — это кипящие пороги и водопады

в исполнении оркестра при встрече на вокзале. Она задорно ответила: "Старый финский марш" (бывший в то время под запретом из-за чрезмерного местного национализма). Поначалу оркестранты стояли официально, а тут после Ее слов ноты и шапки полетели в воздух, и музыканты заиграли на память любимую мелодию. Так Она умела завоевывать сердца Своих подданных».

...Вечером в Лангинкоски прибыли делегации из Хельсинки и из Котки

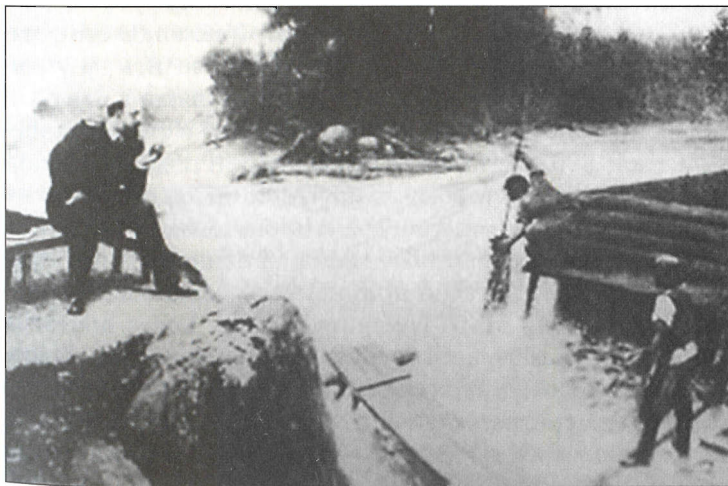
праздновать царское новоселье. Под звуки императорского гимна на флагштоке взвился императорский штандарт, а с кораблей, стоявших у устья реки, был дан праздничный залп. Александр предложил тост за Финляндию и попросил музыкантов сыграть его любимую финскую мелодию «Марш города Пори». После этого еще долго была слышна музыка, звучали многочисленные песни в исполнении хоров, прибывших из городов Котка и Хамина. Кроме царских особ, в празднике приняли участие и толпы народа из окрестных мест, расположившиеся на берегу водопада. И все же это событие не могло считаться настоящим новосельем — дом-то ведь не был еще достроен, поэтому официальное новоселье было перенесено на следующее лето. Однако, и это важно отметить, начиная с этого времени право на ловлю форели на порогах реки Кюми принадлежало исключительно государю-императору.

Торжественное новоселье состоялось летом 1889 года — кроме царской семьи, на нем присутствовали королева Греции и герцогиня Эдинбургская. 15 июля 1889 года

царская флотилия бросила якоря в устье реки Кюмийоки. На этот раз августейших родителей на собственной яхте «Тамара» сопровождал и наследник престола цесаревич Николай. Это было первое посещение Лангинкоски будущим императором Николаем II. Как и год назад, у речных порогов царило веселье: звучал «Марш города Пори», произносились тосты, принимались многочисленные депутации.

Утром следующего дня эскадра отправилась в Санкт-Петербург.

С пребыванием Александра III в Финляндии связано много легенд. Так, согласно одной из них, в один из своих приездов он, как обычно, уединился погулять, где-то в окрестностях Лангинкоски. Встретив там мужика, рыбакащего на реке Кюми, Александр спросил, чем тот занимается. «Ничем особенным, рыбаку вот», — ответил мужик. Когда же царь спросил, на что же тот живет, то узнал, что он — судебный заседатель, и, в свою очередь, был спрошен: «А Вы чем занимаетесь?». Государь ответил, что он — Император Всероссийский, и услышал ободряющее: «Ну что ж, тоже дело хорошее».



Александр III наблюдает за рыбной ловлей на порогах Лангинкоски (со старой фотографии)



*В Лангинкоски все осталось так, как раньше,
даже иконы на веранде*

Между тем отношения царя с финнами не всегда складывались так идиллически. Любые действия русских властей, направленные на интеграцию Финляндского Княжества в Российскую империю наталкивались на упорное сопротивление шведоязычной правящей элиты и обвинения в русификации. Переломным в этом отношении стал 1890 год. 12 июня Александр III подписал манифест, согласно которому на почте Финляндии, как и во всей Российской империи должны были иметь хождение общероссийские почтовые марки, а национальные марки отменялись. Легенда приписывает решающее значение в принятии этого решения случаю, когда почтовая барышня отказалась отправить письмо одного из высокопоставленных чинов царской свиты во время летнего отдыха без соответствующих финских почтовых марок. Возможно, это и так, вспомним вышеописанный случай с самим Александром в Турку, но, безусловно, главную роль в решении Александра сыграли не эмоции — император был очень рассудительный человек, — а усилива-

ющаяся военная угроза, исходящая от Германии. В очередной раз, опасаясь возможной войны, русское правительство было озабочено лояльностью Финляндии и предпринимало шаги, укрепляющие военную мощь и единство Российской империи. При императоре Николае II этот процесс был продолжен, и назван финнами даже «годами угнетения», но история подтвердила истинность российских подозрений. После революции именно призыв о военной помощи к Германии и высылка кайзером в Финляндию регулярных немецких войск позволили генералу Маннергейму одержать победу над красными, пророссийски настроенными финнами в гражданской войне.

Тогда же, в 1890 году, финны, как могли, выражали свое недовольство реформой почтового ведомства. В частности, газеты почти не освещали летнего отдыха императора, несмотря на то, что он пробыл этим летом в Финляндии дольше обычного — целых три недели.

Визит немецкого кайзера Вильгельма II в Россию состоялся сразу же после летнего отдыха Александра III в 1890 году. Император Германии посетил войсковые учение под Выборгом. По его поведению было видно, что он ищет возможной поддержки Финляндии в случае нападения на Россию. Сразу после этого Александр, отбыв с семьей в Данию, принялся налаживать военные контакты с Францией в противовес тревожившему его Австро-Германскому союзу. Для установления теплых отношений императору пришлось даже выслушать «Марсельезу» — гимн Французской республики, исполнение которого в России грозило тюремным заключением. Следующим летом было решено подписать с Францией договор о военной помощи.

В 1891 году, как и всегда, царская семья посещению городов предпочла отдых на безлюдных Аландских островах и в своей усадьбе в Лангинкоски. Интересна в этой связи заметка, опубликованная тем летом в газете «Хаминан саномат»: «... Его Императорское Величество были довольны своим отдыхом в этом году на островах финского архипелага. Весь финский народ приветствует

эти известия с удовлетворением и чувством защищенности. Верный, законопослушный народ не может не замечать, что чем ближе императорская чета знакомится с его характером, тем больше он находит понимания, и это — большое завоевание... В соседней стране, в России, существуют течения, которые за долгую зиму постараются приуменьшить влияние короткой летней поездки, но будем надеяться, что этого не произойдет».

Из вышеприведенного очевидно, что император выступал в сознании финнов гарантом их автономии, которую, однако в отличие от него они понимали почти как полную независимость. Именно поэтому они были заинтересованы в более тесных контактах царской семьи с Великим Княжеством, в продолжительных летних поездках царя сюда на отдых и в благоприятном впечатлении от них. Усадьба императора в Лангинкоски, в известном смысле, служила зримым воплощением этой идеи. В самом деле, этот скромный домик (как впоследствии и при императоре Николае II острова около Виролахти), выступал в роли гаранта августейшей любви к Финляндии, являл собой как



Обстановка в «царской избе» была более чем скромная

бы зримое присутствие императора в долгие месяцы его пребывания за пределами Княжества. Пока существовали Лангинкоски, Аланды, Виролахти, можно было надеяться на особый статус в рамках империи, на особую, так сказать, монаршую любовь к Финляндии.

В 1892 году из-за реальной угрозы войны с Германией привычный летний отдых в Финляндии пришлось отменить. Зато в 1893 году Александр III выбрался в свои любимые финские шхеры на целых три недели. Уединение на Аландских островах, как и прежде, сменила веселая, наполненная музыкой жизнь в Лангинкоски. Целых два духовых оркестра расположились во дворе царской избы. Впервые был исполнен только что написанный дирижером Алексеем Апостолом вальс «Встреча на Финском заливе». После исполнения своего произведения автор вручил царской чете ноты, оформленные в книжечку цветов финского флага. Его старания были тут же отмечены бриллиантовым перстнем, который он получил из рук самой императрицы.

Вечером этого дня прибыл специальным поездом из Санкт-Петербурга долгожданный гость — наследник престола цесаревич Николай. Он поспешил успокоить своих родителей, волнующихся о состоянии его здоровья после неприятного происшествия в Японии (будущий император Николай II был тяжело ранен там сабельным ударом по голове покушавшимся на его жизнь самураем).

Трогательны сохранившиеся подробности посещения близлежащего города Котки младшим сыном Александра III — Михаилом. Как можно прочесть в сохранившихся отчетах, Михаил приобрел множество рыболовных принадлежностей, в том числе несколько сетей; переведенную на русский язык книгу Топелиуса «Поездки по Финляндии»; картины с видами Аландских островов и отрезы хлопчатобумажной ткани сестрам. Поистине, здесь в Финляндии, царская семья стремилась хоть какое-то время пожить просто, без светских условностей и обязательных требований этикета.

В июле 1894 года император совершил последнее свое путешествие в Финляндию. А уже через три месяца — в

октябре этого же года, в Крыму в Ливадийском дворце в окружении своей любимой семьи и на руках знаменитого на всю Россию батюшки — Иоанна Кронштадтского Александр III скончался в результате прогрессирования тяжелой почечной недостаточности.

В своем последнем финском путешествии Александр, словно предчувствуя свою близкую кончину, объехал со своей дорогой супругой все столь близкие его сердцу места. Вот как описано последнее посещение Лангинкоски в книге Йормы и Пяйви Туоми-Никула «Императоры на отдыхе в Финляндии».

«В Лангинкоски гостей приветствовал тамошний полицейский пристав Эрнст Сальмен и его дочь Тира, которая вручила императрице цветы. После официальной части Дагмара и Ксения принялись готовить обед, а сам Александр отправился смотреть на ловлю форели. К общей радости, именно в этот день была добыта самая большая за весь год рыбина. Вес ее не сообщался. Зато известно, что седьмого сентября 1896 года в Лангинкоски поймали рыбину весом более 35 килограммов, которую, в честь Александра III, назвали императорской».



Спальня в Лангинкоски

Государь в хорошем расположении духа уселся за стол, накрытый Дагмарой, и произнес красивую речь в честь супруги. На флагштоке во дворе дома вместо Императорского флага был поднят личный вымпел Царицы. Тут же оркестр гвардии грянул "Марш города Пори", а стоявшие на рейде военные суда отсалютовали выстрелами из орудий. "Марш города Пори" исполнялся потом еще дважды. По просьбе Императора был исполнен и "Марш города Вааса".

Супруги посетили также своего старого знакомого, смотрителя усадьбы Форса, и оставили его семье денежный подарок в 600 марок. Двадцать третьего июля в восемь часов утра, отправляясь домой в Петербург, Александр III в последний раз смотрел с палубы своего корабля на милое его сердцу Лангинкоски».

Как только известие о безвременной кончине императора Александра III достигло Финляндии, было решено увековечить память о его пребывании здесь. Уже 1 ноября 1894 года по решению муниципалитета округа Кюми, в который входило местечко Лангинкоски, в присутствии губернатора и трех сенаторов и при большом скоплении народа на большом валуне вблизи причала, которым пользовался император, была прикреплена памятная табличка. В годы гражданской войны недоброжелатели России использовали ее как мишень; следы от пуль видны и сегодня. Но и сейчас можно разобрать надпись на этой памятной доске. Вот она: «Строитель мира Александр III в 1888—1894 гг. вкушал здесь покой и отдохновение, окруженный заботой верного ему народа».

Всего визитов Александра III в Лангинкоски было одиннадцать (по одному в 1880, 1884, 1888, 1889, 1893 гг. и по два в 1890 и 1891, и 1894 гг.). Дважды вместе с ним посещал это место и наследник цесаревич Николай (1889 и 1893 гг.). Став императором, Николай II побывал еще раз в Лангинкоски вместе со своей семьей 18 сентября 1906 года. Это было последнее посещение этого места правящим российским императором. В дневнике Николая II есть следующая запись об этом событии: «После завтрака съехали на берег у дома в Лангинкоски. Осмо-



Так выглядела «Царская изба» более 100 лет назад

трели его, обошли парк и видели тони. Воды в реке было мало. Вернулись на яхту в половине пятого». В заключение своего визита все члены царской семьи, за исключением двухлетнего Алексея, расписались в книге гостей усадьбы. Книга сохранилась до нашего времени, копия страницы с автографами царской семьи находится в организованном здесь музее.

Интересна и дальнейшая история усадьбы. Во время Первой мировой войны, по распоряжению царствующих особ, здесь, как и во многих принадлежащих им владениях, был развернут госпиталь для раненных солдат. После революции и объявления независимости Финляндии владельцем дома в Лангинкоски стала Финляндская республика. Но государство никак не поддерживало сохранность усадьбы, в результате чего она стала разрушаться, и была бы и вовсе разобрана, когда бы не группа частных лиц, объединившихся в «Музейное общество области Кюменлааксо». Стараниями этих энтузиастов в 1933 году в Лангинкоски был открыт музей. В настоящее время земля со всеми строениями является собственностью государства, но право на ведение всей музейной работы государство передало Обществу Лангинкоски, которое является

правопреемником «Музейного общества области Кюменлааксо». Ежегодно музей в Лангинкоски принимает около 30 000 гостей более чем из трех десятков стран мира. Много своего личного времени и сил на организацию работы музея вот уже на протяжении более 30 лет тратит бессменный его директор господин Рагнар Бакстрём.

Как пример трудного подчас взаимодействия с властями, господин Бакстрём описывает историю возвращения в музей царских кроватей. На момент организации «Музейного общества» их уже не было. После долгого, почти детективного, расследования они были найдены в летней резиденции президентов Финляндии Култаранта близ города Наантали.

Первая попытка вернуть царские кровати на свое историческое место была неудачной. Бывший тогда президентом Финляндии Паасикиви на предложение музейных работников только затопал ногами и сказал, что об этом не может быть и речи. Речь о возврате музейного имущества, однако, была сказана вновь следующему президенту Финляндии — Кекконену, который пообещал разобраться. И уже в самое ближайшее время — сразу после президентской инаугурации, в 1956 году царские кровати были возвращены в Лангинкоски, где их можно видеть и сейчас.

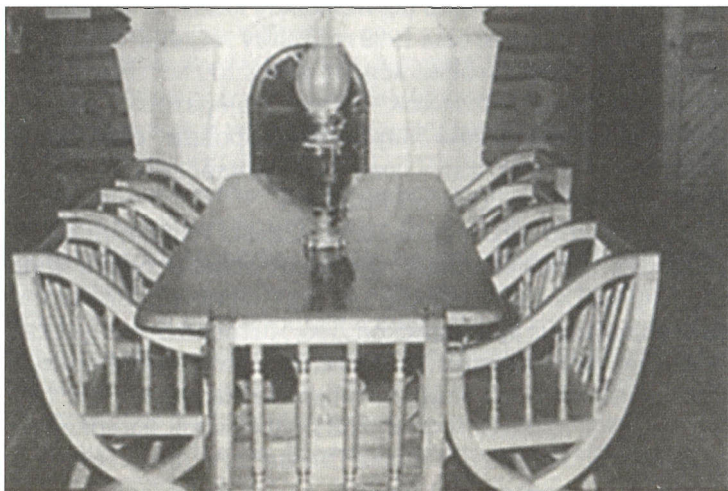
Знаменательным был 1989 год: дому императора Александра III в Лангинкоски исполнилось 100 лет. На торжествах был прямой потомок — внук императора Александра III и императрицы Марии Феодоровны, сын их дочери великой княгини Ольги Александровны — Тихон Николаевич Куликовский-Романов.

В часовне, построенной Валаамскими монахами в Лангинкоски, в разное время побывали такие иерархи Финской православной церкви как архиепископ Иоханнес, епископ, а ныне архиепископ Лео, митрополит Олуцкий Пантелеймон, епископ Арсений. На протяжении последних двадцати лет ежегодно водосвятный молебен служит здесь приходом Финской православной церкви города Котки. Не раз посещали это место и представители Русской православной церкви, в частности, прихожане Покровского храма города Хельсинки.

15 июля 2006 года в преддверии дня памяти Святых Царственных страстотерпцев делегация Покровского прихода, возглавляемая протоиереем Виктором Лютиком, вместе с отцом Владимиром Александровым — настоятелем храма Преподобного Сергия Радонежского в Стокгольме — в очередной раз посетила Лангинкоски. В часовне был впервые отслужен молебен с акафистом свв. Царственным страстотерпцам.

Сегодня дача Александра III, сохранившая свой прежний облик, стала музеем. В доме по-прежнему стоит выполненная на заказ мебель, лежат старинные ковры, сохранились и котлы для варки ухи из лосося. Дача открыта для посетителей в летнее время. В Лангинкоски по-прежнему водится много лосося. Может, и не 36-килограммовые, но рыбины весом до двадцати килограммов ловятся в порогах и сейчас.

«Император-миротворец», — говорили об Александре III подданные. «Забытый Государь», — считают историки. «Былинный русский богатырь», — скажет о нем каждый, рассматривая портреты или фотографии императора. Да, так уж сложилось, что в историю входят преимущественно завоеватели и реформаторы, зачастую



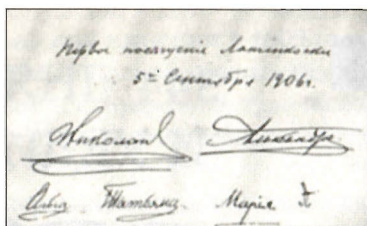
Стол в Лангинкоски (со старой фотографии)

погубившие тысячи безвинных душ. Времена спокойные, тихие, а по существу и являющиеся целью предшествующих войн и революций, не считаются достойными пристального внимания последующих поколений.

Время Александра III, не омраченное войнами и социальными потрясениями, было, вероятно, самым спокойным периодом в российской истории XIX века. Это было временем «настоящей жизни» для Российской империи, а недолгие периоды отдыха Александра в Финляндии или в Крыму — таким временем для него самого.

Конечно, охотничий домик-дворец в Массандре или дворец в Ливадии, как, впрочем, и природа Крымского полуострова, роскошнее, привлекательнее деревянной усадьбы в Лангинкоски и скромной природы, и сурового климата Финляндии. И тем не менее подсчитано, что за всю свою жизнь Александр III тридцать один раз посещал свое северное княжество и провел в общей сложности здесь 260 дней, что не так уж и мало, если учесть, что умер он в возрасте всего лишь сорока девяти лет.

Но, главное, дом в Лангинкоски — единственное вне России сохранившееся до наших дней в первоначальном виде личное недвижимое имущество императора.



*Последний русский император
оставил запись
о своем первом посещении
Лангинкоски*

344 ДНЯ ПОКОЯ И УЕДИНЕНИЯ



Император Николай II неоднократно приезжал в Финляндию, будучи еще наследником престола, поскольку его отец император Александр III любому другому отдыху предпочитал простой отдых именно на финской природе. Став царем, Николай, кроме любимого им Крыма, также отдавал предпочтение отдыху от государственных забот, революционных бурь и дворцовых интриг в такой близкой и такой спокойной Финляндии. Подсчитано, что из своих почти 23 лет управления империей он около года, а именно 344 дня провел на территории Финляндии.

Кроме прекрасной природы в отличие от России, Финляндия привлекала царскую семью, да и многих других, своей безопасностью. Узнав об убийстве в Петербурге народовольцами императора Александра II, вся финляндская общественность в один голос заявила о том, что находишься их любимый царь в это время на территории Великого Княжества, такое было бы невозможно. А в 1905 году Николай II во время своего отпуска в Финляндии в одном из писем своей матери писал, что в Петербурге он постоянно чувствует себя «добычей для террористов», в то время как в Финляндии он может «настоящему расслабиться». К слову сказать, эти самые террористы тоже чувствовали себя на территории Великого Княжества в полной безопасности. Местная полиция скорее защищала их, чем сотрудничала с российскими спецслужбами. Не случайно, что Ленин и другие большевики предпочитали скрываться от охраны именно в Финляндии — совсем близко от Петербурга, но они чувствовали себя там относительно спокойно.

С момента вхождения Финляндии в качестве Великого Княжества в состав Российской империи в 1809 году, одним из любимых мест отдыха царской семьи стал архипелаг Виролахти. А Николай II отправлялся туда на отдых регулярно начиная с 1906 года, порой проводя там до трех месяцев...

Архипелаг Виролахти теперь находится в составе самого юго-восточного муниципалитета Финляндии, непосредственно вблизи от российско-финляндской границы. Но до аннексии Карельского перешейка Советским Союзом граница княжества проходила значительно восточнее, по реке Сестре, приблизительно там, где скрывался в неизвестном нам «шалаше» будущий властитель уже большевистской империи. Таковы причуды истории.

В заливе Виролахти, среди островов одноименного архипелага, вставали на якорь императорские яхты «Штандарт» и «Полярная звезда». Царь и августейшая семья проводили время в близлежащих финских шхерах, на островах и на побережье. На острове Харппу для царского двора был создан парк отдыха с теннисными кортами, каруселями и качелями. Со столицей была обеспечена хорошая связь. На архипелаге были оборудованы взлетно-посадочные полосы для аэропланов. Связной корабль ежедневно отправлялся в Петербург, между материком и архипелагом ежедневно курсировал финский почтовый пароход. В прибрежной деревушке был устроен телеграф. Что бы ни случилось в империи, государь тотчас узнавал об этом.

Во время отдыха царь не любил заниматься делами, но государственные заботы не оставляли его и тут. В Виролахти Николай II встречался, например, с императором Германии Вильгельмом II и королем Швеции Густавом V. В своих воспоминаниях современники часто отмечают тот факт, что, получив почту из Санкт-Петербурга, царь надолго закрывался в своем кабинете, который находился на яхте «Штандарт», и по мере прочтения выкидывал открытые конверты в море из окна. По количеству конвертов можно было понять, насколько насыщенный делами выдался этот день для императора.

Во время пребывания царя в Виролахти безопасности тем не менее уделялось большое внимание. Ведь, с одной стороны, всего около двухсот километров было до Петербурга, с его многочисленными революционно-террористическими организациями. С другой — и в самом Княжестве было далеко не так спокойно, как в незабвенные времена отца и деда Николая II: из-за начавшейся и весьма грубовато проводимой политики русификации, в Финляндии поднялись националистические, сепаратистские настроения, был убит генерал-губернатор Н.И. Бобриков. Поэтому царская яхта охранялась несколькими постоянно курсировавшими вдоль островов военными кораблями, море непрерывно патрулировали две торпедные лодки. Корабли, подплывавшие слишком близко, прогонялись, а иногда подвергались даже обстрелу. На суше императора и членов семьи оберегала незаметная, но очень надежная охрана. Матросы располагались цепочками вдоль возможных маршрутов следования; зная это, Николай часто разбрасывал по дороге золотые монеты для них в знак благодарности.

Тех довольно близких и дружеских отношений, что складывались с местными жителями у Александра III, у его сына не было, да и быть не уже не могло. В основном царь только приветствовал их, говоря по-фински: «Бог в помощь!» Лишь торговец из Виролахти Отто Мантере был единственным, кто лично из простых финнов общался с царем. Император был частым его гостем, а пристань торговца использовалась во время посещений церкви в Виролахти. Пристань эта сохранилась и до сих пор носит название «Императорской». Дом Мантере также сохранился до наших дней. На месте, где когда-то размещались казаки из охраны царя, теперь располагается кемпинг.

Царь исправно рассчитывался с местными жителями по окончании отдыха за весь причиненный ущерб. Тот же Мантере и другие рыбаки и торговцы скрупулезно подсчитывали, сколько сожжено дров, вытоптано посевов и даже недополучено возможной прибыли вследствие неудобств, причиняемых царской охраной, и по-

давали все эти счета в Сенат, который незамедлительно выделял им средства в требуемом количестве.

«Здесь нам хорошо», — говорил Николай II, находясь в Виролахти. Он ловил рыбу, много купался, гулял по островам и побережью, вдыхал полной грудью запах моря, леса и свежескошенных трав. Здесь, среди почти девственной, чистой, нетронутой человеком природы, он поистине отдыхал от сплетен и дрызг петербургской жизни, да и вообще мира. Сохранилось множество фотографий, снятых в Виролахти, где царь и его семья выглядят счастливыми и радостными. Для Николая II и его семьи это действительно были дни покоя и уединения.

А вот, что писала в своих мемуарах Анна Танеева-Вырубова о посещениях Виролахти с царской семьей: «...Государь был здесь будто заново родившийся, Он дышал здоровьем и радостью жизни. Государыня же была здесь, действительно, "Солнышко", согласно своему ласковому имени. Она цвела и была в восторге от шхер и от того состояния покоя, которые они давали. Она говорила мне много раз, что провела там наисчастливейшие моменты своей жизни». Анна Александровна вспоминала, что, когда в 1914 году нос императорской яхты «Штандарт» повернулся в сторону Кронштадта, государыня буквально обливалась слезами, предчувствуя, что никогда более не вернется сюда.

Здесь многое изменилось с тех пор, но кое-что осталось таким же. Парк на острове Харппу не сохранился, но вблизи от теннисного корта все еще бьет родник, называемый «Императорским». Здесь отмечены места, где находился царский корт и причал, куда прибывали большие яхты, а также причал для катеров и лодок. Сохранились арендованный царем сенник, погреб, где хранилось любимое на отдыхе блюдо царской семьи — простокваша, цоколь здания медицинского пункта, личного телеграфа и почты. Множество скалистых островков на архипелаге также носят название «Императорских». А среди местных жителей до сих пор бытует масса легенд и рассказов о времени посещения последним русским царем этого уголка Финляндии.

В селе Виролахти до сих пор существует церковь XVIII века, в которой молились Николай и члены его семьи. В расположенной рядом каменной ризнице и колокольне устроен музей. А неподалеку отсюда находится гранитный карьер, где добывали камень для колонн Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге и где вырубили монолит для Александрийского столпа на Дворцовой площади.

Местность это вовсе не заброшенная и не оставленная вниманием финнов. У гранитного карьера открыт краеведческий музей, где, например, можно узнать, что ныне здешний камень экспортируется даже в Италию. Останавливаются здесь для отдыха на весеннем пролете тысячи водоплавающих птиц, и поэтому на территории Виролахти проводятся серьезные орнитологические исследования. Ежегодно здесь проводятся ярмарки с концертами и выборами самой красивой девушки и самой искусной хозяйки.

А совсем рядом проходит и автомобильная трасса из Петербурга в Хельсинки, и на пограничном пункте Ваалимаа останавливаются ежедневно сотни автомобилей и автобусов. И жаль, что мало кто из российских туристов даже знает, какое место находится совсем рядом. Если история этого места не вызывает больших эмоций у финнов, которые, однако, могут устраивать здесь посещение придорожного камня, на котором одна из проезжавших мимо шведских принцесс соизволила откусить крестьянский бутерброд, то для россиян она не как не может быть безразлична.

И пусть здесь сохранилось немного с начала XX века, главное, в Виролахти можно окунуться в ту же атмосферу покоя и уединения, которую так ценила семья последнего русского императора.

РУССКИЙ ГЕНЕРАЛ — ПРЕЗИДЕНТ ФИНЛЯНДИИ



Карл Густав Эмиль Маннергейм — одна из величайших и, вероятно, самая яркая из фигур в истории Финляндии XX века. По крови — швед (а если еще глубже, то голландец), патриот Финляндии, как мало кто другой сделавший для своей страны, причем в самые тяжелые для нее годы, и в то же время русский офицер, однажды присягнувший на верность империи и не нарушавший этой присяги всю оставшуюся жизнь.

Маннергейм был не только военным и политиком, он был чрезвычайно любопытной и разносторонней личностью, хотя его знатное происхождение и офицерская закалка всегда оставались определяющими во всех его пристрастиях и поступках.

Его биографию можно разделить на два периода — до русской революции 1917 года и после. Этот исторический рубеж едва ли сильно изменил самого Карла Густава Маннергейма как личность. Но, естественно, стал решающим в его судьбе. Возможно, не будь революции, его имя стояло бы в ряду тех выходцев из Финляндии, которые внесли свой вклад в историю России, ее культуру, экономику, и мы бы вспоминали его как «выдающегося российского военачальника», точно так же, как называем «русскими» уроженцев многих других стран, пришедших на службу Российской империи, — художников и архитекторов, политических деятелей и мореплавателей.

Но революция привела к провозглашению независимости Финляндии, и Маннергейм вошел в историю как политик и военачальник этой страны.

Долгие годы отношение у нас к Маннергейму было противоречивым. Его у нас называли и врагом револю-



*Карл Густав Маннергейм
в своем кабинете в Хельсинки*

ции (что было справедливо) и Страны Советов (что было справедливо лишь отчасти, так как он действительно не испытывал симпатий к большевистскому режиму, но никогда не боролся с Россией как с народом и страной), и союзником Гитлера (что тоже было верно лишь отчасти, так как это был чисто временный, политический союз, ставивший целью отстоять независимость своей страны, но никак не основанный на идейном родстве), и человеком, который сумел достойно вывести Фин-

ляндию из Второй мировой войны и положить начало отношениям с бывшим противником — СССР (что было вполне справедливо).

Для большинства людей имя Маннергейма ассоциируется в первую очередь со знаменитой «Линией Маннергейма», которая в советской историографии рисовалась как угроза безопасности СССР, хотя любому здравомыслящему человеку было понятно, что за строительством оборонительной линии не могут скрываться агрессивные намерения.

О личности же Маннергейма большинству людей в России мало что известно. При этом его очень многое связывало с Россией и даже тогда, когда он занимал высшие руководящие посты уже в независимой Финляндии, в его политике по отношению к нашей стране было, похоже, много личного.

Без рассказа о Карле Густаве Маннергейме картина «русской Финляндии» не может быть полной. Его имя не

раз будет встречаться в дальнейшем повествовании — Маннергейм был связан со многими людьми и местами, о которых ниже пойдет речь. Он поддерживал завязавшиеся еще до революции отношения со многими русскими людьми, помогал многим из них, кто после 1917 года оказался в Финляндии в тяжелом положении.

Маннергейм оставил после себя большое мемуарное наследие. О нем написано и издано множество научных исследований и популярных книг.

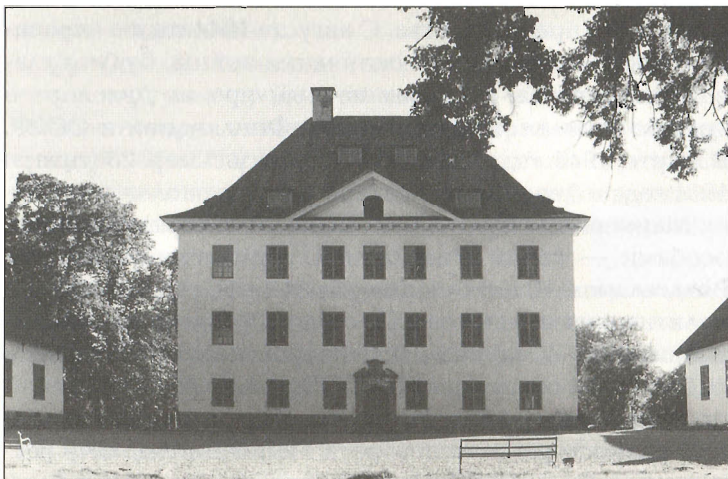
Основные этапы жизни Карла Густава Маннергейма хорошо известны. До 1917 он состоял на службе в русской армии, начав путь офицером лейб-гвардии императора России Николая II и закончив его на полях сражений Первой мировой войны генерал-лейтенантом, командовавшим соединением. С 1918 года командовал финской армией. В декабре 1918 — июле 1919-го — регент Финляндии, с 1939 главнокомандующий финской армией, председатель Совета государственной обороны (с 1931 г.). В этом качестве он дважды возглавлял армию Финляндии в войне против СССР в годы Второй мировой войны, был союзником Германии. В сентябре 1944 года вынужден был принять решение о выходе из Берлинского пакта 1940 года и из войны под давлением советского правительства. С августа 1944 года — президент Финляндии. После окончания войны, будучи главой государства, составил первый проект Договора о дружбе и взаимопомощи между Финляндией и СССР. В марте 1946 года вышел в отставку. Умер 28 января 1951 года в Лозанне.

Маннергейм был лично знаком и с коронованными особами — царем Николаем II, германским кайзером Вильгельмом II, английским королем Эдуардом VIII и с политическими деятелями — премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, фюрером нацистского рейха А. Гитлером, секретарем ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым.

Я же, совершенно не претендуя на создание полного и разностороннего портрета Маннергейма, хочу рассказать лишь о наиболее любопытных — и мало известных — моментах его биографии и, конечно, тех, которые

касаются «российского» этапа его жизни и вообще его отношения к нашей стране.

Барон Карл Густав Эмиль Маннергейм родился 4 (16) июня 1867 года в имении Лоухисаари, на юго-западе Финляндии, недалеко от Турку. Маннергеймы были родом из Голландии, но уже в XVII веке переселились в Швецию и затем частично в ее провинцию Финляндию и в 1693 году были причислены к дворянскому сословию. Род Маннергеймов дал много полководцев, государственных деятелей и ученых Швеции и Финляндии. Прадедушка будущего маршала — Карл Эрик — возглавлял финляндскую делегацию, ведущую переговоры в Петербурге об условиях перехода Финляндии от Швеции к России; его заслуга в том, что Финляндия получила в империи автономию и имела сословный парламент. Это он купил имение Лоухисаари с трехэтажным жилым домом. Сейчас — это архитектурный памятник, после реставрации 1961—1967 годов там разместился музей Карла Густава Эмиля Маннергейма. Отец будущего маршала — барон Карл Роберт Маннергейм изменил семейным традициям и стал предпринимателем. Он женился на Элен фон Юлин — дочери промышленника, купившего себе дворянский титул.



Усадьба Лоухисаари, родовое имение Маннергеймов

Карл Густав Эмиль был третьим из семерых детей. Родной язык в семье был шведский, но французское воспитание матери и англофильство отца обеспечили детям разностороннее образование, отсюда совершенное владение тремя языками — шведским, французским и английским. В дальнейшем он выучил русский, финский и немецкий.

Но импульсивный Карл Роберт Маннергейм в 1879 году разорился, бросил семью и уехал в Париж. Имение пришлось продать. В довершение всех бед в январе 1881 года умерла мать.

Детство его счастливым не назовешь. Отец оставил семью, а мать умерла, не дожив до сорока, но успев воспитать сыновей в чисто английском духе: жесткая физическая и нравственная закалка, никаких эмоций напоказ.

Заботу о детях взяли на себя родственники. Карл Густав Эмиль большей частью был предоставлен сам себе и вместе со сверстниками развлекался тем, что бил камнями окна, за что его на год исключили из школы. Родственникам пришлось задуматься о его специальном образовании, которое не потребовало бы больших денег. Выбор пал на военное училище в Хамине, основанное Николаем I, хотя особой склонности к военной службе мальчик не испытывал. Тем не менее Карл Густав Эмиль учился с увлечением, но из-за своенравного характера его недолюбливало руководство училища. Ночной самовольный уход юного барона в город буквально накануне выпуска переполнил чашу терпения начальства, и незадачливый кадет был исключен из училища. Тщеславный и самоуверенный юноша, расставаясь со своими однокашниками, пообещал, что он закончит образование в привилегированном Николаевском кавалерийском училище и станет гвардейским офицером:

И он сдержал слово: в 20-летнем возрасте он поступил в училище в Петербурге, затратив при этом немало усилий на усовершенствование своего русского языка. Хотя Маннергейм окончил Николаевское кавалерийское училище в 1889 году среди лучших, попасть в гвардейский полк, а значит, служить при дворе и получать большое



*Фискарс. Некогда владения фон Юлин,
родителей матери Маннергейма*

жалованье, что было для бедного барона немаловажно, сразу не удалось. Сперва пришлось два года тянуть армейскую лямку в Польше.

Отличная служба, связи и покровители помогли Маннергейму в 1891 году вернуться в Петербург и попасть в лейб-гвардейский полк, шефом которого была царица Александра Федоровна. Офицеры этого полка несли службу в покоях императрицы. Финляндский барон с головой окунулся в светскую жизнь: новые знакомые среди политиков, дипломатов, военных. Однако, чтобы поддерживать связи в высшем обществе, нужны были большие деньги. Маннергейм наделал долгов.

Карл Густав Маннергейм благодаря высокому росту (197 см) и элегантной манере держаться в седле участвовал во многих дворцовых торжественных церемониях. Широко известна фотография коронации последнего русского царя: Николай II шествует под огромным балдахином в Успенский собор, а по бокам — два великана-кавалергарда, один из которых — будущий основатель независимой Финляндии.

Страсть к лошадям — барон несколько раз успешно выступал на скачках — помогла Маннергейму в сле-

дующем году стать высоким чиновником в Управлении царскими конюшнями и получить жалованье полковника: он отбирал для покупки породистых лошадей. Частые командировки за границу, новые знакомства расширили кругозор 30-летнего кавалериста, он стал проявлять интерес к политическим делам.

В 1903 году Маннергейм стал командиром образцового эскадрона в кавалерийском офицерском училище. Эту почетную должность он получил по рекомендации генерала А.А. Брусилова и великого князя Николая Николаевича.

Блестящий гвардейский офицер, он мог рассчитывать на выгодный брак. Он женился в 1892 году на Анастасии Александровне Араповой, богатой, но некрасивой и капризной дочери русского генерала, поправив при этом свое финансовое положение. Через год у молодоженов родилась дочь, которую в честь матери называли Анастасией (умерла в 1978 г.), а в 1895 году — Софи (умерла в 1963 г.).

Брак по расчету не был счастливым, а рождение мертвого сына еще больше осложнило отношения между супругами. Анастасия Александровна в 1901 году уехала в Хабаровск сестрой милосердия, оставив детей на отца. Когда через год она вернулась, семейная жизнь Маннергеймов не пошла на лад. Супруги решили расстаться. Анастасия Александровна, взяв с собой дочерей, уехала за границу.

Когда вспыхнула русско-японская война, Маннергейм вызвался отправиться добровольцем на фронт. Он хотел подкрепить свою дальнейшую карьеру опытом боевого офицера. Братья и сестры, а также вернувшийся к тому времени в Финляндию отец не одобрили его намерений. Если поступление молодого Маннергейма на службу в русскую армию не вызвало особого возражения у его родственников и знакомых — царю и раньше служили многие скандинавские дворяне, — то добровольное желание воевать за царскую Россию следовало расценивать как полную солидарность с политикой самодержавия в Финляндии. Карл Густав Эмиль понимал

и в какой-то степени разделял доводы родственников, но своему решению не изменил: совестно было вести светскую жизнь, когда коллеги-офицеры проливали кровь на войне.

На полях сражений Русско-японской войны ставший уже подполковником Маннергейм показал себя храбрым и грамотным офицером. В начале 1905 года он проводил разведывательные операции в окрестностях Мукдена, которые дали высшему командованию ценную информацию о планах японцев, а их исполнителю — чин полковника.

Не случайно, что в 1906 году Маннергейм был отправлен Генштабом в «инспекционную», а на деле чисто разведывательную двухлетнюю поездку в Китай. Маннергейм как подданный Великого княжества Финляндии как никто подходил для такой цели. К тому же формально он был в экспедиции французского сиолога, профессора Сорбонны П. Пэллио и для маскировки должен был заниматься этнографическими и другими научными исследованиями.

Полковник Маннергейм, по инструкции Генштаба, должен был уточнить, насколько можно рассчитывать на



Фискарс. Таким же мальчишкой здесь когда-то бегал Маннергейм

поддержку местного населения в случае вторжения русских войск во Внутреннюю Монголию. Он предпринял поездку к границам Индии, исследовал положение в соседних с Внутренней Монголией китайских провинциях Синьцзян и Шаньси, нанес визит жившему в изгнании на южной границе пустыни Гоби тибетскому далай-ламе, в котором царское правительство видело своего союзника в возможном будущем столкновении с Китаем. Маннергейм усердно вел дневник, записывая собираемые им этнографические, лингвистические и исторические сведения. Через два года он, побывав на обратном пути в Японии, вернулся через Пекин и Харбин в Петербург. По возвращении полковник написал секретный доклад для Генерального штаба и опубликовал этнографическую статью в научном журнале, долго редактировал свой дневник и письма. Они были опубликованы только в 1940 году и переведены на многие языки.

Маннергейм считал эти два года самыми интересными в своей жизни, любил рассказывать о приключениях в Китае. В его «Воспоминаниях» глава «Верхом через Азию» — одна из самых длинных и живо написанных.

Его приключения заинтересовали также Николая II. При докладе он так очаровал императора, что тот, никого не умевший слушать больше десяти минут, внимал Маннергейму почти полтора часа.

Во время этой аудиенции Маннергейм попросил царя дать под его команду полк. В 1909 году он уехал в Польшу командовать полком. А в 1912 году его назначали командиром элитарного лейб-гвардии Его Величества уланского полка, размещенного в Варшаве. Благодаря новому назначению Маннергейм получил очередное звание генерал-майора и свободный доступ к царю, так как эта должность делала его придворным. А непосредственно перед Первой мировой войной последовало новое повышение: генерал-майор Маннергейм был назначен командиром особой лейб-гвардии Его Величества Варшавской кавалерийской бригады

Уже 15—17 августа 1914 года бригада Маннергейма вела кровопролитные бои в окрестностях Ополе с глав-

ными силами наступавших австро-венгерских войск, Маннергейм применял тактику активной обороны, которая в дальнейшем была для него характерна и приносила успех: послал третью часть своих войск в тыл противника и тем самым заставил его остановить наступление и перейти к обороне. Это была одна из немногих успешных операций русской армии в начале войны. Маннергейм получил боевую награду — орден Святого Георгия на эфес шашки (кстати, из почти полутора сотен своих наград он особенно выделял именно георгиевскую ленту).

В марте 1915 г. командующий армией генерал Брусилов, бывший начальник Маннергейма с петербургских времен, передал в его подчинение 12-ю Кавалерийскую дивизию. В 1915—1916 годах он в качестве командира дивизии — а по сути дела корпуса, так как ему, как правило, были подчинены другие части численностью до 40 тыс. человек — участвовал с переменным успехом во многих операциях.

Его перебрасывают в Румынию, где вначале успех сопутствует ему, и он получает чин генерал-лейтенанта. Однако летнее наступление 1917 года, в котором участвовал и его корпус, было неудачным.

Одной из причин поражения была продолжавшаяся деморализация русской армии из-за усиления власти солдатских советов, а которых все большую роль играли большевики. Когда комиссар армии вопреки договоренности отказался санкционировать строгое наказание солдат, арестовавших офицера за промонархическое высказывание, Маннергейм понял, что продолжать командовать корпусом бессмысленно. В это время он как раз получил легкую травму ноги. Пользуясь случаем, он поехал лечиться в Одессу.

Примечательно, что именно тогда, в Одессе, гадалка почти точно предсказала дальнейшие его взлеты и падения.

После безуспешных попыток побудить находившихся в городе офицеров предпринять хоть что-нибудь против разложения армии, генерал фактически самоустранился от командования войсками. 9 сентября 1917 года Ман-

нергейм был официально освобожден от обязанностей командира корпуса и зачислен в резерв.

После того как большевики захватили власть, Маннергейм решил вернуться на родину. 6 декабря 1917 года Финляндия была провозглашена самостоятельным государством. Но вернуться туда даже с финским паспортом было трудно — пришедшие к власти большевики требовали брать разрешение на въезд в Смольном, но идти туда у генерала не было желания. Маннергейму тайно все же удалось прибыть в Финляндию 8 декабря. Он еще надеялся спасти царизм в России с помощью армии. Поэтому через неделю генерал вернулся в Петроград, но, убедившись, что сторонников свержения советской власти с помощью армии мало, он в конце декабря 1917 года окончательно уехал из России, в армии которой прослужил 30 лет.

«Я достиг вершины своей карьеры и теперь спокойно могу доживать свои дни здесь», — так охарактеризовал осенью 1917 года свое прибытие в Гельсингфорс 50-летний генерал российской армии Карл Густав Эмиль Маннергейм. Но вместо того чтобы отправиться на пенсию, он стал Верховным главнокомандующим вооруженных сил Финляндии, председателем Совета обороны, шестым по счету президентом страны и... одним из самых почитаемых политиков Финляндии в XX веке.

Так закончился «русский» этап биографии Карла Густава Маннергейма.



*Карл Густав Маннергейм —
молодой кавалергард*



*Маннергейм в своей ставке
в Миккели*

В своей книге «Воспоминания» Маннергейм изложил причины, почему, на его взгляд, русская армия потерпела поражение в Японской и Первой мировой войнах. Отметив многие объективные причины — прежде всего отсталость промышленности, особенно оборонной, — Маннергейм выдвинул и субъективные. По его мнению, в 1915 году Николай II совершил большую ошибку, когда снял с поста главнокомандующе-

го великого князя Николая Николаевича, умелого военачальника, имевшего большой авторитет в армии, и занял это место сам. У царя был мягкий характер, и он не имел полководческих способностей. Маннергейм встречался с ним несколько раз и делал выводы на основе собственных наблюдений. Кроме того, Николай II отдалился от народа, от политического руководства, и неудачи армии народ стал ассоциировать с царем и его режимом.

Молодое финляндское государство занималось формированием своих структур, нужно было подумать о его защите. И боевой фронтовой генерал Карл Маннергейм стал одним из лидеров движения за обретение Финляндией государственной независимости и вооруженной борьбы с левыми силами в стране.

По инициативе и самом действенном участии Маннергейма, уехавшего из Хельсинки на север и создавшего там штаб будущей армии, в начале 1918 года было интернировано примерно 5 тысяч военнослужащих большевизированных частей бывшей царской армии, захвачено большое количество военного снаряжения, в том числе 37 орудий. Одновременно с этим красная гвардия на

юге страны свергла правительство, и был образован Совет народных уполномоченных. В результате 4/5 территории Финляндии оставалось под властью прежнего правительства, а густонаселенные районы с наиболее крупными городами Хельсинки, Тампере, Турку, Выборгом контролировались красной гвардией. Обе стороны готовились к решительным сражениям. Велись бои местного характера. Страна была расколота.

В марте 1918 году между Германией и Россией был заключен Брест-Литовский мирный договор, содержавший пункт о выводе российских войск из Финляндии. Маннергейм был против того, чтобы правительство Финляндии просило Германию о военной помощи. Однако такая просьба состоялась.

Пресса разрекламировала совместные действия армий Маннергейма и возглавившего германские войска фон дер Гольца, назвав их «братьями по оружию». Но все было не так просто. С одной стороны, немцев не устраивало, что по договоренности дивизия фон дер Гольца была подчинена Маннергейму. С другой стороны, в самой Финляндии многим не нравилась либо блистательная карьера главнокомандующего в русской армии, либо его шведское происхождение и симпатии к Швеции; кое-кто подозревал Маннергейма в диктаторских замашках. Чтобы укрепить свое влияние и престиж армии, Маннергейм 16 мая — всего лишь месяц спустя после прихода немцев — парадным маршем ввел армию в столицу. Впереди войск верхом ехал генерал кавалерии Маннергейм — этот чин правительство присвоило ему в феврале. На приветствие председателя парламента генерал ответил на финском языке, которым владел еще недостаточно свободно и даже дал «наставления» нерешительному правительству.

Кстати, именно в те нелегкие годы в правительственную армию Финляндии добровольцем пришел выдающийся художник А. Галлен-Каллелу. Маннергейм приписал его к штабу, поручив ему разработать эскизы финляндских орденов. Приятельские отношения между ними сохранились до конца жизни художника, умершего в 1931 году.

Пусть и жесткой рукой, но Маннергейм не дал стране погрязнуть в пучине полномасштабной гражданской войны.

Что касается отношения Маннергейма к белому террору в Финляндии, то документы в основном свидетельствуют о том, что он требовал соблюдения международных норм обращения с военнопленными и индивидуального подхода, строгого наказания лишь тех, кто участвовал в уголовных преступлениях.

Маннергейм в то же время следил за событиями в Советской России и не терял надежды на восстановление там прежнего строя. Причем сам был готов способствовать этому. Когда выяснилось, что белые не в состоянии справиться с большевиками, Маннергейм обратился к плану похода против Петрограда одной финляндской армии под его командованием. Однако они не были реализованы по ряду причин. Главной же из них было нежелание руководителей Белого движения признать независимость Финляндии.

Оказывается, в октябрьские дни 1919 года финский барон направил своих людей в ставки к лидерам Белого движения в России. Возвратясь с задания, гонцы доложили своему шефу, что Колчаку и остальным генералам был задан один-единственный вопрос: «Если финская армия ворвется в Петроград, какова будет будущность Финляндии после уничтожения большевиков?» Маннергейм был крайне возмущен, когда ему доложили: все русские генералы отвечали так же, как и адмирал Колчак: «После победы Россия вернется к границам добольшевистского правления. Она едина и неделима».

Отметим, что белый генерал, занимавший высшие посты в политической и военной иерархии страны в первые годы существования независимой Финляндии, вплоть до 1931 года, не имел государственного поста. В дни особой натянутости отношений между президентом Стольбергом и Маннергеймом поклонники последнего даже предлагали ему устроить военный переворот, Маннергейм отказался. Он считал возможным отстаивать свои взгляды только конституционными методами.



Музей Ставки в Миккели

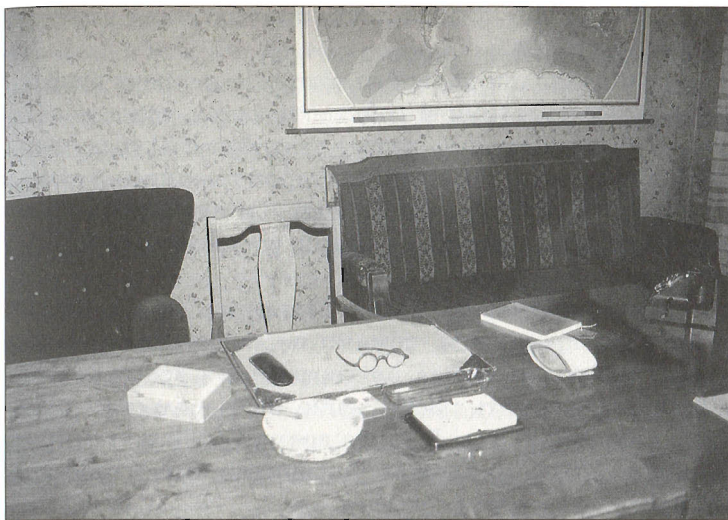
Примечательно, что стараниями старшей сестры генерала Софи (умерла в 1928 г.), имевшей медицинское образование и ставшей к этому времени заметной фигурой на поприще медицинской благотворительности, Ман-

нергейма в 1922 году избрали председателем Красного Креста. Красный Крест был преобразован под руководством брата и сестры Маннергейм в действенную организацию — строились больницы в отдаленных областях страны, создавался резерв медсестер на случай войны (к 1939 году их было около 4000). Генерал занимался также вопросами координации финского Красного Креста с международной организацией и пользовался там авторитетом: когда весной 1942 года он попросит у международного комитета Красного Креста помощи для содержания 70 000 советских военнопленных, которых Финляндия не в состоянии была прокормить, он получит эту помощь.

Стремление познакомиться с новинками военной техники побуждало Маннергейма предпринимать частые заграникомандировки во Францию, Англию, Швецию. В Германии, будучи гостем премьер-министра Пруссии и «главного лесничего рейха» Геринга, он вместе с ним охотился. Аристократические манеры Маннергейма как нельзя лучше подходили для официальных представительских миссий, тем более что на Западе он, бывший царский генерал, слыл почти легендарной личностью. Во время своих поездок Маннергейм предупреждал западных политиков об опасности коммунизма, призывал к созданию совместного фронта против СССР. Но в условиях обострения отношений между гитлеровской Германией и западными демократиями его призывы не имели успеха. По предложению Маннергейма, военные заказы Финляндии были размещены в основном в Англии и Швеции.

В 1931 году, когда маршалу Финляндии Карлу Маннергейму было уже за 60 лет, правительство назначило его председателем Совета обороны государства и в течение восьми лет он руководил строительством мощной фортификационной линии на Карельском перешейке, которая вошла в мировую военную историю под названием «Линии Маннергейма».

17 октября 1939 года Маннергейм стал командующим вооруженными силами Финляндии, а спустя еще полтора месяца президент Каллио делегировал ему пост Вер-



Рабочий стол Маннергейма в Музее Ставки

ховного главнокомандующего, по конституции принадлежащий президенту.

В начале декабря 1939 года Маннергейм уехал в заранее подготовленную штаб-квартиру в городе Миккели и оставался там в течение всей «Зимней войны». Командование войсками не мешало ему следить и за политическими событиями. Через своего представителя при правительстве, а также в ходе ежедневных телефонных разговоров Маннергейму удавалось влиять на политическое руководство страны. В трудные моменты политики приезжали к нему за советом. Маршал много общался с влиятельными иностранцами, использовал свои обширные личные связи. Иногда руководители западных стран обращались прямо к нему, минуя политическое руководство Финляндии.

...Прошло лишь полтора года, и Маннергейму со своим штабом пришлось снова отправиться в Миккели, который служил ставкой и в гражданскую войну 1918 года, и в «Зимнюю войну». После того как советская авиация 25 июня 1941 года совершила налет на те объекты в Финляндии, где располагались германские вооруженные

силы, Финляндия объявила, что она находится в состоянии войны с СССР.

Для Финляндии эта война, которую в стране считали продолжением «Зимней войны», началась успешно. Однако в конце августа — начале сентября 1941 года, когда финляндские войска достигли старой границы не только севернее Ладоги, но и на Карельском перешейке, овладев Выборгом, наступил первый военно-политический кризис.

Кейтель обратился тогда к Маннергейму с письмом, в котором предложил, помимо первоначального плана совместного окружения Ленинграда и встречи на реке Свирь, продолжить наступление на Карельском перешейке на Ленинград. В то же время СССР при посредничестве США предложил Финляндии мир в границах 1939 года. Было о чем подумать.

Маннергейм давно мечтал взять город на Неве. Но ситуация была неподходящей. Первые успехи в начале новой войны достались финляндской армии большой кровью, и можно было ожидать под Ленинградом особенно стойкого сопротивления, а овладение территорией Карело-Финской ССР могло задержаться. Маннергейм решил ограничиться лишь имитацией наступления на Ленинград, но выйти на реку Свирь с дальнейшим поворотом на север, в советскую Карелию.

Об отношении Маннергейма к городу на Неве, городу его молодости, ведутся споры. Имеется много свидетельств, что Маннергейм в 1941 году, как и в 1919-м, хотел участвовать во взятии этого города, считая это важным делом в освобождении России от большевизма. Но ввиду упорного сопротивления советских войск он предпочитал, чтобы основную тяжесть в операции по захвату Ленинграда взяли на себя гитлеровцы. Финляндские войска участвовали в блокаде Ленинграда, но по городу не стреляли.

В Петербурге, на левой стороне Невского проспекта со времен войны сохранилась известная табличка: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». На противоположную же сторону снаряды

практически не падали, и мало кто подозревал о причине. Дело в том, что другую сторону Невского проспекта должны были обстреливать союзники немцев — финны. А главнокомандующий финской армией издал приказ, запрещавший обстреливать историческую часть северной столицы.

4 июня 1942 года Маннергейму исполнилось 75 лет. Его юбилейные даты в Финляндии отмечались пышными торжествами. Но в военное время место празднования держали в секрете. Сенсацией стал приезд Гитлера со своей свитой.

Маннергейм тогда находился в Иматре. Гитлер выразил желание поздравить Маннергейма без приглашения. Встречать его поехал не маршал, а президент Рюти: Маннергейм, Гитлера не любил, считая выскочкой и парвеню. Маннергейм принимал фюрера в своем штабном вагоне — в подарок он получил портрет Гитлера с автографом и немецкий крест. Тогда же Гитлер в своем монологе принес извинения, что он не смог помочь Финляндии в «Зимней войне». Этот малоизвестный эпизод Второй мировой войны мог стать решающим: при посадке на аэродром, который располагался немного севернее, самолет



Миккели. Вагон Маннергейма



*В Музее восковых фигур в Висулахти воссоздана
Ставка Маннергейма. Фрагмент*

Гитлера чуть не врезался в трубу целлюлозно-бумажного завода в Энсо... Как бы в случае катастрофы развивались события, можно только гадать.

Отношения с Германией обострил в вопрос о заключении Финляндией сепаратного мира с СССР. Для этого нужно было сосредоточить политическую и военную власть в стране в одних руках. Считалось, что этим человеком мог быть только Маннергейм. Его кандидатуру поддерживала так называемая мирная оппозиция: представители разных партий, которые с 1943 года выступали за скорейший выход Финляндии из войны. Из Стокгольма поступили сообщения, что СССР требует замены президента и правительства, но не имеет ничего против маршала Финляндии: полагали, что лишь Маннергейм в состоянии вывести Финляндию из войны.

4 августа 1944 года парламент Финляндии специальным законом без голосования утвердил маршала Финляндии Маннергейма президентом страны. Даже главные противники Маннергейма оценивали его по достоинству. Сталин не раз говорил, что только огромная (во всех отношениях) фигура 77-летнего маршала Маннер-

гейма, в конце 1944 года ставшего президентом, спасла его родину от оккупации. Однако бывший кавалергард продолжал держать ухо востро: главные статьи мирного договора с Советским Союзом он написал по-русски самостоятельно.

Правда, из-за преклонного возраста и болезней он пробыл на этом посту всего около двух лет. 19 января 1951 года 83-летний маршал, находившийся в то время в Швейцарии и оттачивавший воспоминания, тяжело заболел. Обострилась язва желудка. Его срочно поместили в больницу в Лозанне. Слабо улыбаясь, он сказал врачу: «Во многих войнах я воевал... но теперь, думаю, я проиграю эту последнюю битву».

После очередной операции Маннергейму на несколько дней стало лучше, но затем последовало резкое ухудшение и 27 января он скончался. Его тело было доставлено на родину, и его похоронили в Хельсинки в военной части кладбища ХиетаниEMI. Он хотел лежать после смерти рядом с солдатами, павшими в войнах, в то время как другие президенты страны похоронены в иной части кладбища.

Сегодня в Хельсинки можно побывать в Музее Маннергейма, который размещается в доме маршала и президента. Здесь очень многое может поведать о его жизни и напомнить о нем не только, как о военном и политическом деятеле, но и как о человеке.

Кстати, сам этот дом он снимал у другого знаменитого уроженца Финляндии — советника по делам торговли Карла Фацера, да-да, того самого, кто открыл в Хельсинки первую «русско-французскую» кондитерскую и основал шоколадную империю.

Арендованный в 1924 году двухэтажный особняк на скалистом берегу залива был перестроен таким образом, чтобы в нем было удобно не только жить и работать, но и принимать гостей. В столовой под люстрами розового венецианского стекла, сделанными в Мурано по специальному заказу, за двумя большими столами помещалось 40 человек. В длинном темноватом кабинете — тибетские храмовые ткани и картины художников XVIII века, здесь

же письменный стол, приобретенный на блошином рынке Парижа, секретер, уставленный сувенирами из поездок по Дальнему Востоку, Индии, Тибету, Китаю, а также медные жбаны для дров из Тироля.

Мебель разностильная, купленная по случаю, но подобранная с отменным вкусом, на стеллажах книги на четырнадцати языках — в основном по истории и географии. Художественной литературе он предпочитал мемуары. В семье было заведено каждый день недели говорить на каком-то одном языке, например, для финского была отведена среда. Некоторые комнаты похожи на зоологический музей: на стенах — черепа и рога редких животных. Заядлый охотник и меткий стрелок, он охотиться предпочитал за границей: в 1920—1930-е годы арендовал уголья и домик в австрийском Тироле и проводил там довольно много времени. Пол гостиной украшают две тигровые шкуры. Тигров он убил в Непале в 1937 году, когда гостил у непальского магараджи. Это были тигры-людоеды, на которых раз в год устраивали охоту. Один из них был особо опасен. Он был самым большим из когда-либо убитых тигров — 3 метра 74 см от носа до хвоста. При этом семидесятилетний Маннергейм охотился на слоне.

Привыкший к жизни в полевых условиях, Маннергейм всюду возил с собой походную кровать, даже брал ее в шикарные гостиничные номера, где останавливался, уже будучи известным политиком.

Обстановка спальни напоминает военную палатку: раскладная походная кровать, которая всегда путешествовала с ним, столик с телефоном и лампой у кровати и пара стульев. Гурман и сибарит был в то же время аскетом.

Здесь стоит сказать, что младшая сестра Маннергейма, Ева, будучи его постоянным корреспондентом, записывала рецепты различных экзотических блюд, которые генерал, маршал и президент присылал ей отовсюду, куда заносила его судьба и жажда путешествий — оба были гурманами и знатоками поварского искусства. Говорят, что-то по части кулинарии Маннергейм присылал ей даже с Русско-японской войны. В 1935 году, уже будучи фельдмаршалом, Густав помогал сестре советами в из-

дании кулинарной книги и писал со свойственной ему иронией: «Кто знает — может быть, эта книга станет первой связкой, которая объединит скандинавские страны в крепкий нейтральный союз?»

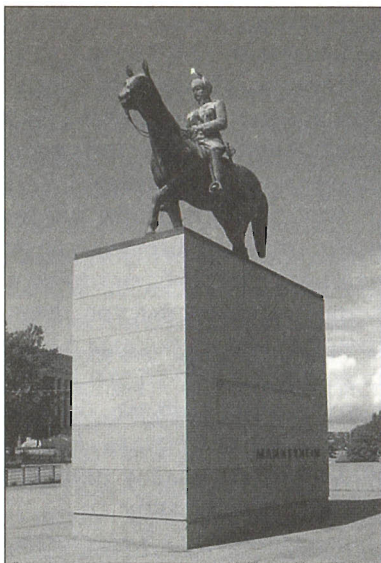
Помимо того, что Карл Густав Маннергейм был гурманом, он придерживался и жестко соблюдавшихся правил приема спиртных напитков.

Так, во время «Зимней войны», когда главная ставка Маннергейма располагалась в Миккели, он разработал рецепт водки, подававшейся к его

столу — теперь она известна в Финляндии как «маршалка». То ли тогда, то ли еще раньше, в сложные послереволюционные годы, Маннергейм был недоволен скверным качеством продававшейся водки, и, чтобы отбить дурной вкус, на литр «сорокоградусной» добавлял 20 граммов сухого вермута и десять граммов джина. Тогда же, в ставке в Миккели он постановил, что стопка должна наливаться до краев, причем во время употребления нельзя пролить ни капли.

Эту традицию, по словам Маннергейма, он принес еще из российской армии, из кавалерийского училища и лейб-гвардии, в которой служил. Тогда, в конце XIX столетия в Петербурге, в офицерское жалованье включалась и выпивка: одна стопка на завтрак и две на обед. За счет государства, естественно, каждый хотел получить максимально полную стопку.

Кстати, эта традиция пить водку, причем именно «по маршальскому» рецепту, сохранилась и сегодня в том са-



*Памятник Маннергейму
в центре Хельсинки*

мом городе Миккели, где по-прежнему существует так называемый «Миккели Клуб», в котором во время войны со своими офицерами обедал и Маннергейм. Там до сих пор помнят, как маршал Финляндии требовал во время еды полнейшей тишины и как давал уроки того, как надо правильно пить коньяк.

Когда Маннергейм пил коньяк, который подавали к кофе, он задерживал его во рту на восемь секунд, прежде чем проглотить. Если кто-то из компании запивал коньяк кофе слишком быстро, Маннергейм приказывал официанту забрать бокалы и принести новую бутылку. Если потом опять кто-то выпивал свой кофе слишком быстро после глотка коньяка, бокалы снова убирались и приносилась новая бутылка. Наконец маршал говорил: «К сожалению, господа, у меня нет коньяка лучше, чем был в последней бутылке»...

Но вернемся в Хельсинки, в его дом-музей.

В десяти комнатах двухэтажного особняка находятся вещи, которые маршал приобрел или получил в подарок: от обанкротившегося отца ему не досталось ничего. Все экспонаты тесно связаны с жизнью Маннергейма. Самым ценным является подарок от русских военнопленных 1942 года. Это очень интересный экспонат — грамота, где военнопленные офицеры лагеря № 1 благодарили господина маршала за подарки Красного Креста, полученные по его инициативе: «Мы глубоко тронуты тем, что в условиях борьбы за независимость своей страны вы нашли время подумать и о нас. По поручению военнопленных старшины барачков...» Грамота хранится на втором этаже рядом с наградами маршала. Среди них — американский орден «Чемпионам свободы» и Георгиевский крест 4-й степени. Есть здесь и орден, врученный Гитлером во время Второй мировой войны. Но сам Маннергейм возражал против слишком тесных связей Финляндии с Германией и на всю жизнь сохранил привязанность к стране, где начал военную карьеру.

О российском периоде жизни маршала напоминают картина Репина, подстаканники работы Фаберже, а так-

же дарственные фотографии от императрицы Марии Федоровны и императора Николая II.

Мария Федоровна шефствовала над кавалергардским полком, где служил Маннергейм 13 лет, а Николай II был почетным командиром лейб-гвардии Уланского полка, которым маршал командовал. Кроме того, он был членом свиты с 1912 года. Маннергейм всегда отличал Россию и СССР, даже в письмах подчеркивал, что не воюет против русских, а именно против красного СССР, а Финляндия воюет за свою независимость. Он считал, что принес присягу царю и России и присяга все еще была в силе.

Как писал один журналист, «жизнь Маннергейма мог бы символизировать некий геральдический гибрид финского и российского гербов — двуглавый лев, одна из голов которого смотрит на Финляндию, другая — на Россию. Этот двуглавый лев по праву занимает весьма почетное место в галерее великих политиков XX века как творец и руководитель великой страны. Великой — не в смысле обширности территории, а в смысле гордости, чести, достоинства, а главное — отношения к каждому из отдельных людей, эту страну населяющих».

У ВОДОПАДА



На протяжении многих лет самой известной достопримечательностью Финляндии слыл водопад Иматра на реке Вуоксе, недалеко от того места, где она вытекает из озера Сайма.

В строгом смысле, это даже не водопад, а водоскат, но за счет мощи реки, зажатой в скалистых берегах, он производит впечатляющее и красивейшее зрелище.

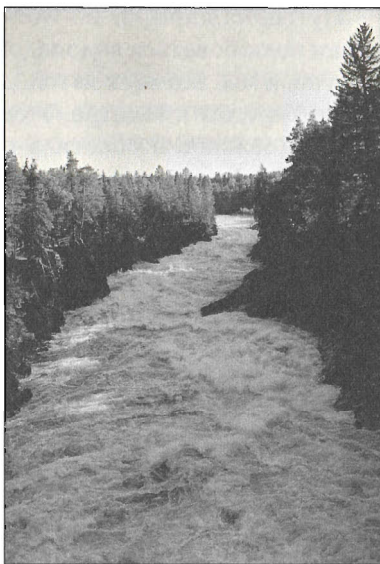
Правда, после строительства на порогах гидроэлектростанции в 1929 году его «включают и выключают», как фонтаны, строго по расписанию. С 8 июня по 25 августа шоу с низвержением потока в гранитный каньон устраивают ежедневно. Во время дневных пусков рокот воды сопровождается музыка Сибелиуса, а вечером и ночью к знаменитому композитору присоединяется еще и Пелтомяки со своими потрясающими световыми эффектами. Кстати, раньше, до сооружения плотины, в радиусе двух километров из-за шума воды ничего не было слышно.

Первым в официальные документы Иматру занес шведский король Густав Ваза: «Ловля лосося возле водопада в Иматре» записана как облагающаяся налогом в королевских книгах с 1557 года. Водопадом любовался в 1638 году генерал-губернатор Финляндии граф Пэр Брахе, а уже в 1787 году Иматра была увековечена в красках. На рубеже XIX и XX столетий финский живописец Аксель Галлен-Каллела, близкий товарищ Рериха, создал впечатляющий образ водопада в своей картине и чудесном рекламном плакате.

Первой из знатных персон России на Иматре побывала в 1772 году Екатерина Великая, которая со свитой приехала полюбоваться красотами водопада, а к началу следующего века окрестности Иматры сделались популярным местом экскурсий состоятельных петербуржцев.

Поездку на Иматру описывает в своих мемуарах Анна Керн, побывавшая там летом 1829 года с компанией своих друзей — Орестом Сомовым, бароном Дельвигом и будущим великим композитором Глинкой, которого Сомов в своих воспоминаниях о поездке, опубликованных год спустя в «Литературной газете», называет тогда прежде всего лишь «известным любителем музыки», а уже затем — автором прекрасных музыкальных произведений.

«Пред нами открылся вид ни с чем не сравненный; описать этого поэтически, как бы должно, я не могу, но попробую рассказать просто, как он мне тогда представился, без украшений, тем более что этого ни украсить, ни улучшить невозможно. Представьте себе широкую, очень широкую реку, то быстро, то тихо текущую, и вдруг эта река суживается на третью часть своей ширины серыми, седыми утесами, торчащими с боков ее, и, стесненная ими, низвергается по скалистому крутому скату на пространстве 70 сажен в длину. Тут, встречая препятствия от различной формы камней, она бьется о них, бешено клубится, кидается в стороны и, пенясь и дробясь о боковые утесы, обдает их брызгами мельчайшей водяной пыли, которыми покрывает, как легчайшим туманом, ее берега. Но с окончанием склона оканчиваются ее неистовства: она опять разливается в огромное круглое озеро, окаймленное живописным лесом, течет тихо, лениво, как бы усталая; на ней не видно ни волнения, ни малейшей зыби», — так описывает Керн открывшееся ей зрелище.



Иматра — одна из важнейших достопримечательностей Финляндии

Путешественники не могли отказать себе в удовольствии полюбоваться водопадом и при свете луны: «...взошла луна, и мы, запив свой голод чаем, наняли тележки и поехали берегом к Иматре. У самого водопада луна выбралась из облаков и осветила прямо кипящие, бушующие волны! Эффект был неописанный! Иматра, осеребренная ее лучами, казалась чем-то фантастическим; невозможно было оторвать от нее глаз!

Долго ходили мы по тропинке, усыпанной песком и грациозно извивающейся между деревьев, над kloкочущей пучиной: заманчивость и обаяние такой бездны были невыразимы...»

Водопадом Керн восхищалась, а о жителях окружающих мест пишет с явным превосходством — мол, питаются одной рыбой, ни молока, ни кур нет, «ветхая станция чухонской постройки», и так далее... Из доступной еды были только, как не раз замечает Анна Петровна, — «плоховина» (или «лоховина», от финского lohí — лосось) и «свадрик». Этимология второго слова не совсем понятна, но можно предположить, что это искаженное шведское svartdric̄ka (дословно «черный напиток»), и, вероятно, так называли финский квас, или домашнее пиво, «калья».

Дельвиг даже сочинил четверостишие:

Увижу ль вас когда-нибудь,
С моею нежной половиной,
Увижу ль вас когда-нибудь,
О милый свадрик с плоховиной!

Но даже уже во времена Керн места вокруг Иматры не были достаточно обжитыми. Анна Петровна упоминает о «знаменитой» гостинице неподалеку от водопада и о «прехорошеньком домике» по соседству с ней. Правда, Керн замечает, что «если проявлялись кое-где некоторые удобства, то они были так маловажны, что можно было подумать, будто сама природа устроила их».

Да и до Керн с ее спутниками на водопаде уже бывали многие петербуржцы. Она пишет, что среди автографов, оставленных на скалах ниже водопада, она обнару-

жила и «милое и нам всем знакомое» имя Евгения Баратынского...

Рассказывая об Иматре, Анна Петровна замечает, что Глинка, вероятно, заимствовал «множество оригинальных мотивов у гармонических, упоительных звуков водопада...»

И действительно это путешествие не прошло мимо творчества композитора. Глинка во время поездки на Иматру запомнил своеобразный мотив, который напевал извозчик-финн, и эта тема впоследствии послужила ему основой для баллады Финна в опере «Руслан и Людмила».

Керн об этом рассказывает так: «На одной станции, покуда перепрягали лошадей, мы заметили, что Михаил Иванович с карандашом в руке и листком бумаги, стоя за полуразрушенным сараем, что-то пишет, а его возница перед ним поет какую-то заунывную песню. Передав бумаге, что ему нужно было, он подвел чухонца к нам и заставил его пропеть еще раз свою песню. Из этого мурлыканья чухонца Глинка выработал тот самый мотив, кото-



*Иматра зимой.
Впечатляющее полотно Акселя Галлен-Каллелы*

рый так ласково и грустно звучит в арии Финна, в опере «Руслан и Людмила». Надобно было слышать потом, как Глинка играл этот мотив с вариациями и что он сделал из этих нескольких полудиких и меланхолических тонов! Когда Глинка однажды спел арию Финна в присутствии Сергея Львовича Пушкина, то старик при стихе:

По бороде моей седой
Слеза тяжелая скатилась, —

расплакался и бросился обнимать Глинку, и у всех присутствующих навернулись на глазах слезы... я не помню наслаждения выше того, какое испытала я в этот вечер!»

Как бы то ни было, Керн со своим спутниками «открыли моду на Иматру» в Петербурге, и поездки на финский водопад стали еще более популярны.

«Я слышала, — писала она, — что потом, с нашей легкой руки, вошло в моду ездить любоваться великолепным водопадом, что около него настроили гостиницы, кофейни, разные павильоны и тем отняли всю поэзию у чудной Иматры, так что никто, никто (мне отрадно это думать) не мог уже восхищаться ее дикими, нетронутыми красотоми, как восхищалось наше общество».

И действительно на протяжении всего XIX столетия заметки с типичным заголовком «Поездка на Иматру» мелькали по многим русским газетам и журналам. А в 1842 году по инициативе Николая I на Вуоксе у Иматры был основан первый в Финляндии национальный заповедник Круунунпуйсто — «Коронный Парк». В Русском музее можно видеть картину Дузи Косрое 1844 года «Водопад Иматра».

Кстати, Керн и ее друзья были не единственными представителями «пушкинского круга», кто побывал на Иматре. Упоминание финского водопада мы находим у Пушкина — где вы думали? — в первой главе «Путешествия в Арзрум». Александр Сергеевич описывает там свою поездку по Военно-Грузинской дороге из Владикавказа в Тифлис с Эмилием Карловичем Шернвалем — да, братом Авроры Карамзиной, — который за причастность к декабристскому движению был направлен на Кавказ.

Шернваль, смотря на Терек, «вспоминал Иматру и отдавал преимущество реке на Севере гремющей».

Особенно зачастили на водопад после постройки туда железной дороги из Выборга. С 1892 года из Петербурга в Иматру ходило 12 поездов в день!

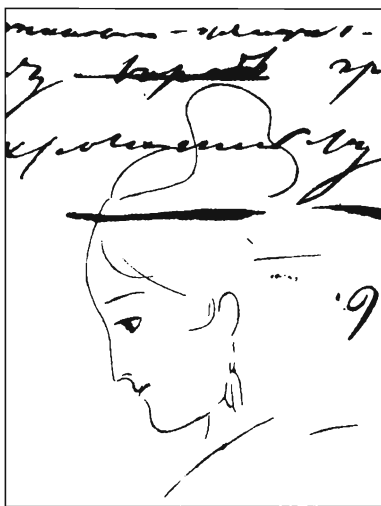
Возникла даже своеобразная мода — в случае несчастной любви кончать жизнь самоубийством, бросившись в водопад. А, судя по запискам Керн, Иматра обладала та-

кой тайной притягательной силой: «В некоторых из нас не шутя на миг мелькало желание броситься в нее».

Количество «паломников», приезжавших до революции специально для прыжка в поток, было просто поразительным. Пришлось даже дать специальное распоряжение — отказывать на Финляндском вокзале молодым людям, которые просили билет до Иматры в один конец.

А в Иматре местные власти выделяли крестьянам, жившим ниже по течению реки, определенную сумму на захоронение утопленников. Память несчастных решили увековечить в наши дни — в парке у ревущих порогов установлен единственный в мире памятник самоубийце. Это скульптура девушки, ударившейся о каменное дно, помещенная в центре небольшого фонтана...

Спустя столетие после «гения чистой красоты» на Иматре побывал Куприн. В своем очерке «Немножко Финляндии» он пишет о финнах уже с нескрываемым восхищением, и их страну в отличие от России называет «Европой». Как видно, со времен Керн на Иматре произошли разительные перемены, но все же имя дамы, во-



Анна Керн. Такой ее изобразил Пушкин в 1829 году

шедшей в историю благодаря бессмертным строкам гениального поэта, присутствует в городе в названии отеля «Анна Керн».

Самая же знаменитая гостиница города — «Валтионхотелли», где, среди прочих посетителей, говорят, останавливались и члены царской семьи. Отель был создан по указу Сената, и о его открытии осенью 1903 года первыми сообщили газеты Петербурга. Это первая в городе каменная гостиница, построенная на месте двух деревянных отелей, сгоревших в конце XIX века. Замок в стиле «югенд» — блестящее воплощение идеи архитектора Уско Нюрстрёма, считавшего, что «здание должно состояться с природой, однако полностью сочетаться с ней».

Похожее на замок здание, построенное в стиле «югенд», северной разновидности модерна, стоит над Вуоксой у самого водопада. Обитает в этом старом отеле-замке, построенном в стиле «югенд», и свое приведение.

Рассказывают, что до революции здесь в одном из самых дешевых номеров неприлично долго жила инкогнито «Дама в сером». Отсюда она, когда закончились деньги,



*Отель «Валтионхотелли» над Вуоксой в Иматре
помнит визит к водопаду Николая II,
а также множество именитых постояльцев*

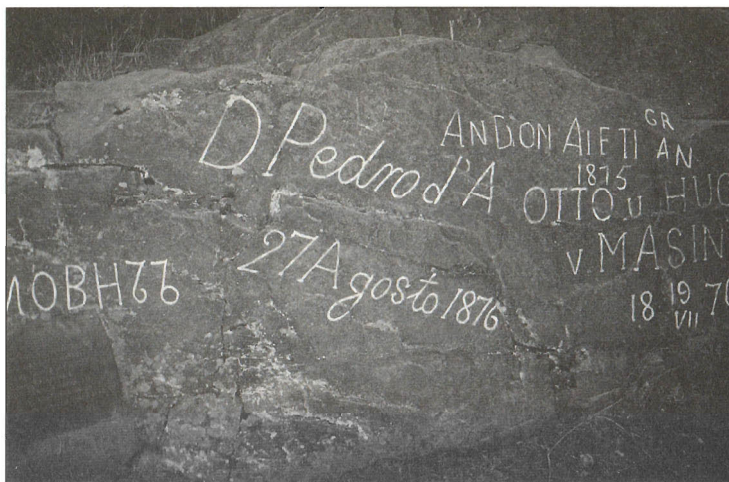
и отправилась на свою последнюю прогулку к водопаду. Прекрасная незнакомка нашла забвение в бурных водах, а в отеле с той поры стали видеть призрачную женскую фигуру. Кто сейчас может знать наверняка, что заставило даму лишиться себя жизни? По легенде, была она женой русского офицера, полюбившей простого финского солдата. Развод по тем временам был богопротивен, жить в позоре дама то ли не захотела, то ли не смогла. Такая вот любовная трагедия, но стоит ли печалиться? Говорят, что дни, проведенные «Дамой в сером» в замке, были самыми счастливыми днями ее короткой жизни. Именно поэтому она до сих пор живет здесь.

Желание броситься в водопад вызывала Иматра и у Саши Черного. Чуковский вспоминал, что однажды зимой к нему заехал Саша Черный, который недавно побывал в Финляндии, на водопаде Иматра, «...и бывали минуты, когда ему страшно хотелось броситься вниз головой». Вскоре, в конце января 1909 года, в «Сатириконе» появилось стихотворение об этой поездке. Сопоставляя стихотворение и настроение поэта в тот памятный визит, Чуковский приходит к выводу, что в стихах Александр Михайлович говорит о себе.

Водопад привлекал и весьма экзотических гостей. В 1876 году на Иматру в сопровождении свиты прибыл глава бразильской императорской фамилии Педро II. Известный как заядлый путешественник, он был наслышан о знаменитом водопаде от своего друга, императора России Александра II, с которым король Бразилии вел чрезвычайно успешные торгово-политические переговоры: кофе для петербургского двора — медь для покорения тропических лесов.

Педро II был восхищен дикой красотой Иматры. А когда ему случайно удалось стать свидетелем спуска бревен в кипящих водоворотах, сердце короля было завоевано окончательно.

Годы спустя, до глухих задворок Скандинавии дошел странный слух. Рассказывали, будто на далекой Амазонке занимаются странным сплавом кедра: бревна, крутя, скатывают в воду, а мужчины запрыгивают на них...



Самым экзотическим из гостей, кто оставил свой автограф у водопада в Иматре, был император Бразилии Педро II, побывавший там в 1876 году по приглашению Александра II

Сохранилось меню торжественного ужина, устроенного у водопада для бразильского императора: жаренная утка, особо, по-местному приготовленная баранина, отварной лосось. А от самого императора Педро на камне, который можно видеть чуть ниже водопада, по правому берегу реки, где со времен Баратынского образовалась целая «галерея» наскальных изображений — надписей, оставленных знатными и не очень визитерами. Неподалеку — такой же «автограф» короля Швеции Карла XVI, который со своей супругой Сильвией тоже побывал на Иматре.

Не удивительно, что на Сайме, в районе водопада появилось множество усадеб. Причем два десятка из них принадлежало выходцам из России.

Разговор про историю местных поместий у меня как-то зашел с хозяевами загородной гостиницы «Рантахови». Она сама расположена на территории старинной усадьбы, которая проследживает свою историю с середины XVII века, когда она принадлежала баронскому роду Унгерн-Штернберг, в последствии хорошо известному в

России. Другие поместья, может, и не имеют такую древнюю родословную, но принадлежали не менее интересным людям.

Говорят, одна из усадеб принадлежала семейству Бенуа, что вполне вероятно, с учетом того, что Александр и его брат Альбер были тесно связаны с Финляндией и отразили ее в своем творчестве. Князю Алексею Оболенскому, например, принадлежала усадьба Саймаанхови, а владельцем поместья Хараканхови был некий Осташев, золотодобытчик с Урала.

Какие-то из этих усадеб сохранились, какие-то — нет, некоторые являются частными владениями и закрыты для посетителей. Главное предприятие Иматры и всего района — огромный целлюлозно-бумажный комбинат Stora Enso. Как бы у нас сказали — «градообразующее предприятие». Кстати, выросло оно (что и видно из названия) из старого завода в городке Энсо, нынешнем Светлогорске, хоть и расположенном совсем рядом с Иматрой, но отрезанном от нее границей. Так вот, и Саймаанхови, и Хараканхови — теперь собственность Stora Enso, а одна вообще расположена на территории комбината.

Говорят, Саймаанхови чем-то похожа на Павловск. Но главное другое — ее хозяева Оболенские и посоветовали другому знатному петербургскому семейству приобрести в окрестностях Иматры поместье, ныне самое известное из всех.

Это Ранталинна, прекрасный замок в стиле «югенд», который расположился на живописном возвышенном берегу Саймы близ Руоколаhti, в пятнадцати километрах от Иматры.

Замок был построен в 1911—1913 годах по заказу местного судьи Фрица Вика. А в 1915 году его купили представители одного из самых знатных родов России — принц Александр Ольденбургский и его супруга принцесса Евгения Максимилиановна Романовская, принцесса Лейхтенбергская.

Входя сегодня в замок, в холе сразу видишь портреты Николая I и Наполеона — принц Ольденбургский и его

жена состояли в родстве как с семейством Романовых, так и с французским императором.

И не рассказать здесь о родословной принца и принцессы просто невозможно.

Семья Ольденбургских давно связана с королевскими фамилиями многих стран. В родственниках у нее была и царица Екатерина II. Но с Россией этот род оказался окончательно связан, когда великая княжна Екатерина Павловна, сестра Николая I, отдала свою руку принцу Георгию Ольденбургскому. Их внуком и был принц Александр.

Второй сын Петра и Терезии Ольденбургских родился 21 мая 1844 года. Получил прекрасное домашнее образование, прослушал полный курс в Училище правоведения.



С 1916 года замок Ранталинна служил летней резиденцией семье принца Александра Ольденбургского.

Ныне фешенебельная гостиница Ранталинна хранит обстановку начала XX века

Зачисленный с момента рождения в лейб-гвардейский Преображенский полк, выбрал военную и придворную карьеру. Его девизом было: The right man on the right place — «Нужный человек в нужном месте». Боевой командир, возглавлявший знаменитый гвардейский Преображенский полк, он принимал участие в боях на Русско-турецкой войне 1877—1878 годов за освобождение Болгарии, за что получил золотое оружие и орден Святого Георгия 4-й степени.

С 1896 года Александр Петрович состоял членом Государственного совета, и его можем видеть на замечательном полотне Ильи Репина «Торже-

ственное заседание Государственного Совета в день его столетнего юбилея», что висит в Русском музее.

Принц и его отец были известны своей благотворительностью. После смерти отца, принца Петра Георгиевича (1812—1881 гг.), он унаследовал обязанности попечителя Императорского училища правоведения (в нем Петр Ильич Чайковский получил ученую степень в области юриспруденции), Приюта призрения принца Петра Георгиевича Ольденбургского, Дома призрения душевнобольных, Свято-Троицкой общины сестер милосердия. А еще Александру обязан своим обликом абхазский курорт Гагра. Но главное дело его жизни — Императорский институт экспериментальной медицины, первый научный институт в России, создателем и попечителем которого он был.

Александр Петрович пользовался репутацией одного из самых образованных членов императорской династии. Он был знаком с Луи Пастером и другими выдающимися европейскими и российскими учеными. Выступив в декабре 1890 года с инициативой создания в Петербурге Института экспериментальной медицины, Александр Петрович сначала обратился к И.И. Мечникову, а затем к И.П. Павлову, который и возглавил физиологическую лабораторию. Тандем Павлов — Ольденбургский был в высшей степени продуктивен для русской науки. Александр Петрович полностью доверял великому ученому и всегда выполнял все его просьбы. Благодаря постоянной поддержке Иван Петрович получил возможность целиком отдаться научной работе, давшей выдающиеся результаты. И хотя ныне Институт экспериментальной медицины по праву носит имя Ивана Петровича Павлова, мы не должны забывать и об основателе этого учреждения — А.П. Ольденбургском.

Так как принц был патроном множества госпиталей, которым покровительствовала семья Романовых, то по просьбе тещи его сына Марии Федоровны, жены Александра III, принц привез в Россию множество вакцин, разработанных в Пастеровском институте в Париже. В 1897 году он стал председателем Противочумной



*Принц Александр
Ольденбургский*

комиссии. Во время же Первой мировой войны Александр Петрович руководил всей санитарной и эвакуационной службой армии.

Жена принца, Евгения (1845—1925 гг.), ведет свою родословную от Эжена де Богарнэ (Боарнэ). Сын жены Наполеона Жозефины от первого брака, Эжен был одним из его генералов, и командировал войсками, в том числе в сражениях при Маренго и Лютцене. В знак своей благодар-

ности генералу Наполеон усыновил его и дал ему титул принца Франции, вице-короля Италии, короля Венеции, герцога Франкфуртского и Лейхтенбергского.

С 1835 года герцогом Лейхтенбергским стал младший сын Эжена Богарнэ — Максимилиан. В 1837 году он приехал в Россию, женился на дочери Николая I Марии Николаевне и поступил на русскую службу, связав с Россией всю свою жизнь.

Николай даровал потомкам Максимилиана и Марии Николаевны титул и фамилию князей Романовских. Позже Александр II включил их в состав Российской Императорской фамилии. Таким образом, эта ветвь Императорского Дома носила два титула — герцогов Лейхтенбергских и князей Романовских.

Дочерью Максимилиана Лейхтенбергского и Марии Николаевны Романовой и была принцесса Евгения Ольденбургская, хозяйка замка Ранталинна.

Таким образом, бабушка принца — Екатерина Павловна Романова и дед принцессы — Николай I были братом и сестрой. Стоит также добавить, что из четы Ольденбургских Петр Александрович в первом браке состоял с

сестрой Николая II — великой княгиней Ольгой Александровной. А к тому же прадедом принцессы был не кто иной, как Наполеон Бонапарт, что позволило им быть принятыми при всех европейских царствующих домах.

Вот такая семья и обосновалась неподалеку от Иматры на берегах озера Сайма в замке Ранталинна.

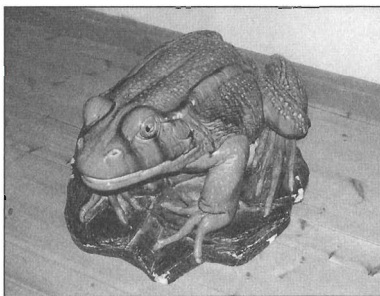
Вначале они проводили там лишь летние месяцы, но с 1918 года, когда их возвращение в Санкт-Петербург стало невозможным, поселились постоянно. Но, кажется, несмотря на то, что они оказались отрезанными от своей родины, Ольденбургские были счастливы в Ранталинне. Вместе с собой они привезли в замок 36 человек прислуги, два «роллс-ройса» и корабль.

Говорят, обстановка замка, превращенного ныне в фешенебельную гостиницу, мало изменилась с тех пор, когда им владела чета принца, а их личные покои вообще полностью остались в прежнем виде. Так, в спальне принца за шкафом есть выход на потайную лестницу — а какой же настоящий замок без таких секретов!? Ресторанный зал на нижнем этаже украшают полотна придворных живописцев, холлы обставлены антикварной мебелью, принадлежавшей бывшим владельцам.

Одно из сокровищ усадьбы — подаренный царем каминный экран для защиты от искр. А своеобразным символом Ранталинны служат две большие вырезанные из камня бирюзовые лягушки — свадебный подарок египетского принца Ольденбургским...

...Однако идиллия в Ранталинне длилась недолго. Гражданская война, всколыхнувшая и Финляндию, заставила Ольденбургских перебраться еще дальше от России, во Францию.

Они поселились в Биаррице, где в 1929 году принца Александра Пе-



*Зеленая лягушка —
дар чете Ольденбургских
от принца Египта*

тровича навестил И.П.Павлов. Во Франции чета Ольденбургских нуждалась, — чтобы сводить концы с концами, они продавали драгоценные камни из тиары Жозефины, доставшейся по наследству принцессе Евгении. После кончины в 1924 году их единственного сына Петра вскоре ушла из жизни Евгения Максимилиановна, а Александр Петрович скончался в 1932 году. Род российских принцев Ольденбургских закончился.

А замок Ранталинна менял хозяев. Во время войны между Финляндией и Россией в нем были расположены полевой госпиталь и главная ставка 18-го дивизиона.

Но сегодня, приехав в замок Ранталинна, можно благодаря стараниям превративших его в фешенебельный отель владельцев — снова вернуться в ту далекую эпоху, когда в нем недолго, но счастливо жила чета Ольденбургских.

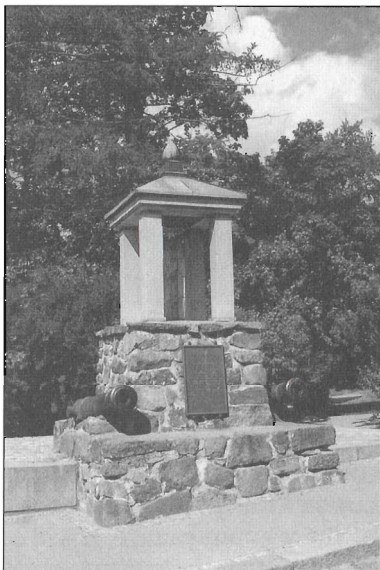
ВИЛЬМАНСТРАНДСКИЕ ДРАГУНЫ



В Лаппеэнранте можно услышать легенду о белом коне, который бесшумно бежит по ночным улочкам, — видят его лишь влюбленные пары. Когда-то, сто и более лет назад, в казармах городской крепости размещался полк драгун, лихих красавцев-кавалеристов. Естественно, эти всадники в нарядных костюмах были не только украшением небольшого города, но и предметом восхищения и обожания местных девушек. И, конечно же, много лет назад первыми увидели этого волшебного коня загулявшие допоздна девушка с драгуном...

Сегодня Лаппеэнранта — курорт и круизный порт на Сайме. Однако еще сто лет назад она в первую очередь играла роль военного центра. А еще раньше была стратегически важной крепостью, находившейся в зоне постоянных войн между Россией и Швецией.

Поселение на месте нынешнего города ведет свою историю с середины XVII века. А в 1722 году, после заключе-



Лаппеэнранта. На этом месте в 1741 году шла жестокая битва между шведами и русскими



Обелиск-памятник «Доблестным вильманстрандцам» можно видеть в Старой Руссе, где полк дислоцировался с 1864 года

ния Ништадтского мира, на полуострове Сайма, на месте ярмарочной площади Лапвеси была построена крепость: для шведов это было важное пограничное укрепление.

Фигурировавшая до 1918 года больше под шведским именем Вильманстранд (дословно «Берег дикого человека» — так шведы перевели финское название, означающее «Лопарский берег»), Лаппезнанта в дореволюционной России была известна именно как гарнизонный го-

род, а впервые прославилась из-за произошедшего в ней большого сражения.

Во время войны 1741 года, в августе, шведы были здесь разбиты русскими войсками. Битва длилась пять часов и была очень кровопролитной, особенно для оборонявшихся шведов и финнов. Памятью об этом сражении служит старый верстовой столб.

По заключенному в 1743 году Абосскому мирному договору город Лаппеэнранта отошел к России, а позже, под началом полководца Александра Суворова, крепость была отремонтирована, и в ней расположился русский гарнизон.

Именно с этими событиями и связано имя знаменитого Вильманстрандского полка, сформированного в Твери в 1806 году и с доблестью участвовавшего во многих войнах, что вела затем Российская империя. Поэтому обелиск-памятник «Доблестным вильманстрандцам», погибшим в Русско-японскую войну 1904—1905 годов, можно видеть в Старой Руссе, где полк дислоцировался с 1864 года по момент его расформирования в 1918-м.

Но с берегов реки Полисть вернемся на берег Саймы.

В крепости, с которой уже при русских и начала расти Лаппеэнранта, естественно, расположены и самые старинные здания города, а также несколько музеев. Например, в здании бывшего караульного помещения находится Конногвардейский музей, в котором можно ознакомиться с военной историей Лаппеэнранты. Здесь же находится и самая старая на территории Финляндии православная церковь — Покрова Богородицы, возведенная в 1785 году. У входа в нее лежит колокол — дар графа Орлова.

Первоначально русское население города состояло в основном из военных и их семей. Но постепенно число выходцев из России, в том числе и купцов, в Лаппеэнранте росло, и, как отмечалось в одном издании конца XIX века, в городе «все лавки принадлежат русским».

С историей русского купечества в Лаппеэнранте можно познакомиться в расположенном на территории крепости Доме-музее семьи купцов Волковых, ведущих свою историю в Финляндии с 1820-х годов.



Самая старая православная церковь Финляндии — храм Покрова Богородицы в Лаппеэнранте — была построена в 1785 году

В те же 1820-е годы была сооружена и старая городская ратуша. В ней до сих пор висят портреты бывавших в ней Александра III и Николая II.

Ну, а в крепостных казармах размещался полк драгун, которые настолько прочно вошли в местный фольклор, что стали одним из символов Лаппеэнранты. Их яркие мундиры можно увидеть в городе и сегодня во время праздников и театрализованных представлений, а в теплое время года, то есть в туристский сезон, драгуны патрулируют улицы. Даже местный футбольный клуб носит имя «Ракуунат» («Драгуны»).

О тех же старых временах напоминает и расположенное на территории крепости кафе «Майорша» — входя в него, переносишься на 150 лет назад. Когда-то этот дом был построен для проживания русских офицеров, и одну его часть некогда занимала семья майора. А нынешняя его хозяйка, воссоздав дух старых кофеен и украсив уютное помещение вышивками, скатертями и салфетками, изготовленными руками многих поколений ее семьи, потчует гостей чаем и кофе с прекрасными пирогами и пирожными домашней выпечки.

Очередной толчок к росту города дало строительство Сайменского канала, начинающегося именно от Лаппеэнранты.

Еще на рубеже XV и XVI веков делались первые попытки открыть водный путь от крупнейшего озера Финляндии до Выборгского залива.

...На дорожных указателях у южного побережья Саймы можно увидеть явно нефинское имя «Понтус». Оказывается, оно принадлежит первому автору идеи создания Сайменского канала. Оставшаяся траншея, которая так и зовется «Траншея Понтуса», — памятник неудачной попытке прорыть канал от озера Сайма до Выборга, предпринятой в XVI веке. К счастью, этого не случилось. Иначе, при тогдашнем уровне техники, Сайма просто бы вытекла в море. В общем, Понтуса помнят не за то, что он сделал, а за то, что он, слава Богу, создать не сумел.

Но в правление Николая I задача была воплощена в жизнь. Открытие Сайменского канала состоялось 7 сентября 1856 года, в день коронации его сына, императора Александра II.

О строительстве канала в Лаппеэнранте косвенно напоминают два желтых здания, в которых в XIX веке размещалась женская тюрьма. Большое количество съехавшихся сюда на стройку рабочих, в основном одиноких мужчин, вызвало резкий рост числа нежелательных беременностей. И едва ли не главным «контингентом»



У входа в Покровскую церковь лежит колокол — дар графа Орлова

местной тюрьмы на протяжении пары десятков лет были женщины, делавшие аборт...

Канал дал толчок и превращению Лаппеэнранты в круизный порт и вообще центр туризма. По нему в Озерный край из Петербурга пошли пассажирские суда, и состоятельные дачники из российской столицы начали осваивать живописные берега канала и озера Сайма.

Нынешний Сайменский канал, пересекающий границу Финляндии и России, построен в 1968 году, а его длина — 57 километров. Перепад уровня воды в Саймаа и Финском заливе составляет 76 метров, поэтому канал имеет восемь шлюзов. Наиболее интересен шлюз Мялкя, где суда поднимаются или опускаются на 12 метров. Сайменский канал — важная транспортная артерия Восточной Финляндии, в частности, городов Йоенсуу, Варкаус и Куопио.

Во многом именно благодаря каналу Лаппеэнранта и сегодня сохранила статус важного курорта. Это — столица южной части озерно-

го края и самый большой круизный порт на Сайме — летом прогулочные теплоходы и пароходы отправляются от него не только на север, но и на юг, по Сайменскому каналу — в Выборг.

Когда-то ближайшим к России крупным финским городом был Выборг. Теперь таковым стала Лаппеэнранта, переняв у первого и роль «столицы» Южной Карелии, и некоторые его старые традиции. Кстати, именно в Лаппеэнранте, в Музее Южной Карелии, разместившемся в



*Старая городская ратуша.
В ней до сих пор висят
портреты бывавших в ней
Александра III и Николая II*

двух бывших пакгаузах на территории крепости, только и можно увидеть уникальный макет города Выборга в 1939 году, выполненный в масштабе 1: 500.

Если в соседней Иматре обосновался ресторан издавна занимавшегося в Выборге виноторговлей семейства Буттенхоф (оно было даже поставщиком вина Российскому царскому двору), то в Лаппеэнранте получил «новую прописку» выборгский крендель.

Крендель, который выпекался особенным способом на соломе с применением многочисленных специй, был одной из достопримечательностей Выборга, и его даже называли «Крендельным городом». Еще в Средневековье монахи-францисканцы привезли туда с собой рецепт и приправы, и крендель стал предметом торговли и монополий монастыря.

С XVIII века выборгский крендель пользовался спросом петербургской знати, его вкушали и при царском дворе. Особенной любовью он пользовался у императора Александра III. Без сомнения, любили свой крендель и местные жители: им потчевали заезжих гостей, сельские жители везли его из города домой в качестве гостинца. Вкус выборгского кренделя знал декабрист И.А. Анненков, А.П. Керн вспоминала, что кренделями угощала их дочь трактирщика Мотти. В XIX веке в Выборге крендели выпекали семьи Вайттинен и Леппинен, которые даже вели «крендельную войну» за «приоритет» тайного монастырского рецепта.



Драгуны Лаппеэнранты не только были украшением этого города, но и стали излюбленными персонажами местного фольклора



*Старые постройки
на территории крепости
Лаппеэнранты*

Не могу сказать, по рецепту какой из двух семей, но выборгский крендель теперь пекут в Лаппеэнранте. И он стал таким же символом города, как и драгуны.

Ну, а для приезжих с Запада, особенно во времена «железного занавеса», Лаппеэнранта долгие годы была своеобразными воротами в Россию. В конце концов, от этого финского города до границы каких-то полчаса езды. Но даже если они и не ехали дальше на Восток, то первое

знакомство с Россией, ее историей и культурой для них уже состоялось.

НА САЙМЕ



Если Финляндия — Страна озер, то район Саймы — самый озерный край Финляндии. Сайма — одно из крупнейших озер Европы и самое большое в Финляндии, где их, вопреки избитому стереотипу, не тысяча, а 187 888. Причем Сайма — это не замкнутое водное пространство, а целая система озер, протянувшаяся с севера на юг не на одну сотню километров.

Сайма — это не просто живописные пейзажи, которые соединили в себе и водную гладь, и могучие хвойные леса, и хмурые суровые скалы. Это воистину часть жизни населения финской Карелии: по Сайме сплавляли лес, она в изобилии давала рыбу. И не случайно озеро вошло в местный фольклор и предания, всегда влекло поэтов и художников.

Помню свой первый приезд на Сайму. Вниз по косогорам, под которыми блестела вода, сбегали золотистые стволы сосновых лесов — суровых, но светлых и приветливых. Дорога петляла, повторяя порой видимые, а чаще невидимые очертания береговой линии и причуды изгибов моренных гряд и изредка ныряя в прорывы между скалами. Березы еще только-только зеленели совсем юной листвой, а огромные, словно от возраста седые валуны, кое-где подбитые мхами и лишайниками, почему-то казались теплыми... В общем, совсем как у Валерия Брюсова в его цикле «На Сайме»:

Мох да вереск, да граниты
Чуть шумит сосновый бор,
С поворота вдруг открыты
Дали синие озер.

Так он сто лет назад описывал сайменские пейзажи, совершив поездку на озеро летом 1905 года.

Сайма у Брюсова — тихое, нежное, ласкающее берег:

Лодка порывистым берегом качаема,
Килем валы опенённые режет.
Снова прибоями сизая Сайма
Старые камни побережия нежит.

Здесь, в районе Саймы, долгое время сходились Запад и Восток, Россия и Европа, отношения между которыми не всегда складывались безмятежно.

По пути из Лаппеэнранты в Миккели у шоссе можно увидеть каменный монумент, которым отмечена российско-шведская граница 1789 года.

В конце XVIII века по мере потери Швецией положения европейской великой державы, шведы были вынуждены уступить России большие территории на востоке Финляндии. По Абоскому миру 1743 года граница с Россией передвинулась далеко на запад и практически вся акватория большого Саймаа оказалась по ее восточную сторону. Однако шведы продолжали удерживать пролив Пуумала и перекрывали стратегически важную для русских водную артерию между Вильманстрандом (Лаппе-



*Крепость Олавинлинна на картине Исаака Левитана
«Крепость в Финляндии»*

энранта) и Нейшлотом (Савонлинна). Помимо всего прочего, русским приходилось платить шведам дань за проход по проливу Пуумала.

В середине XVIII века Россия стала формировать сайменскую Шхерную флотилию, главной базой которой были избраны Вильманstrand и Нейшлот. Эта флотилия состояла из 125 кораблей различного размера, имевших на бортах 850 орудий разного калибра. Из военных кораблей озерной флотилии 50 дислоцировались в акватории озера Саймаа и 38 из них имели базу на мысе Тююстерниemi в Вильманстранде. Остальные 12 кораблей базировались в Нейшлоте — любимой крепости командующего военными силами России в Финляндии генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. «Знатная крепость, помилуй бог хороша: рвы глубоки, валы высоки...», — любил говорить полководец. Императрица Екатерина II направила Суворова в Финляндию для создания генеральной военной стратегии на северо-западном направлении России. К тому моменту Суворов уже успел прославиться тем, что он не проиграл ни одного сражения.

В целях обеспечения свободного маневрирования своей флотилии во всей акватории Сайма, Суворов в августе 1791 года обратился к императрице Екатерина II с письмом, в котором он предупреждал, что в случае возможной войны водное сообщение между Вильманстрандом и Нейшлотом будет прервано или, что русскому флоту придется прорываться через пролив Пуумала под огнем шведских орудий. Поэтому он предложил создать совершенно новый водный путь между этими двумя крепостями. По мнению Суворова, новый маршрут быстро окупил бы себя, ибо русским удалось бы таким образом избежать шведских таможенных пошлин в проливе Пуумала. Царица Екатерина II приняла аргументы полководца и выделила ему 17 августа 1791 года 6 тысяч рублей на прокладку 4-х каналов: Кутвеле (в Тайпалсаари), Кяхюкья (в Руоколахти), Куонхарью (на границе коммун Руоколахти и Пуумала) и Телатайпале (в Сулкава). Каналы должны были обеспечивать бесперебойные переходы кораблей сайменской военной флотилии из Вильманстранда

в Савонлинну, облегчать надзор за российско-шведской границей и гарантировать снабжение баз. Одновременно каналы должны были дополнить созданную Суворовым систему оборонительных сооружений в Финляндии и защитить Санкт-Петербург от шведов.



Каменный монумент у шоссе из Лаппеэнранты в Миккели отмечает российско-шведскую границу 1789 года

Работы по прокладке каналов начались осенью 1791 года под руководством придворного советника Ивана Лаубе. Земляные работы выполнялись в основном русскими флотскими матросами. Проектировкой каналов занимался сам генерал Суворов, хотя инженерное дело он и не любил и постоянно повторял: «Я полевой солдат, я не инженер. Баталия мне лучше, чем лопата извести и пирамида кирпича». В качестве консультанта он использовал голландца Яна Дитера ван Сухтелена.

Многие из чертежей каналов сохранились и по сей день и хранятся в Архиве истории строительства Музейного ведомства Финляндии. Кроме того, в Национальном архиве Финляндии имеется микропленка, полученная из СССР и содержащая документы и переписку Суворова, связанные непосредственно со строительством каналов. Прокладка каналов внутри акватории Сайма, начатая по инициативе Суворова, вспорола пять перешейков в Руоколахти, Пуумала и Сулкава, образовав совершенно новые водные пути.

Изначально каналов должно было быть только три, однако для осуществления поставленной задачи пришлось построить еще и четвертый. Еще в июне 1792 года Суворов верил в завершение работ к исходу лета того же года. Но его оптимизм не оправдался. Так, например, на самом конечном этапе строительства канала Куконхарью, временная дамба не выдержала напора воды и стройка «утонула». Суворов писал в своих дневниках, что «Лаубе со своими тремя каналами причинил ему больше хлопот, чем три баталии».

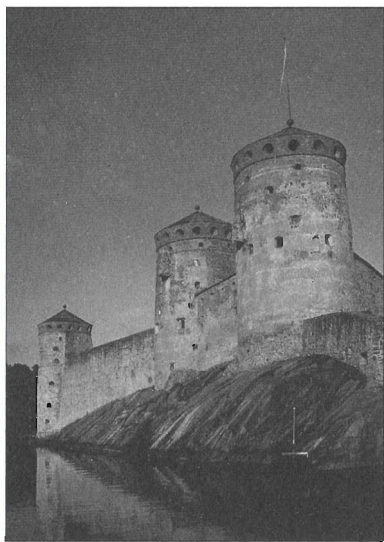
Технически каналы были хорошо продуманы. Конструкция стен состояла из естественного камня, гранита, который местами укладывался друг на друга, а местами кладка опиралась на бревенчатые сваи. Каналы могли перекрываться металлическими якорными цепями, спрятанными под водой, или специальными деревянными конструкциями — воротами. Для защиты входных фарватеров каналов у входов в каналы были построены особые волнорезы и затоплены каменные преграды-ловушки. При этом навигацию в каналах могли осуществ-

влять только хорошо их знающие моряки. У входов в каналы были построены также бревенчатые, начиненные камнями бастионы, которые защищали каналы и служили одновременно волнорезами. В 1803 году новый российский император Александр I совершил в инспекционных целях плавание на корабле по Сайменской акватории и новым каналам.

Вскоре после войны 1808—1809 годов значение суворовских военных каналов стало быстро уменьшаться, ибо Финляндия полностью вошла в состав России. Российской Шхерной флотилии больше вовсе не были нужны искусственные каналы на пути из Савонлинны в Лаппеэнранта. Однако еще в 1811 году Россия решила провести ремонт каналов, в ходе которого были восстановлены обвалившиеся берега, исправлены их конструкции и углублены фарватеры. Вскоре после этого в России был издан указ о роспуске Шхерной флотилии, что

решающим образом повлияло на судьбу каналов и сменило контингент их пользователей. Вдоль каналов по-прежнему существовали небольшие сторожевые посты, однако пользовались каналами в основном местные крестьяне и купцы.

Подытоживая можно сказать, что суворовские военные каналы так никогда и не обрели задуманного военного значения, может, лишь только слегка припугнули шведов. Позднее в годы мирной эксплуатации каналы претерпели множество изменений и бед: стенки, возведенные из кру-



Крепость Олавинлинна служила в свое время и шведам, и русским. Теперь она — место проведения знаменитого оперного фестиваля

глых булыжников, стали от весенних половодий распадаться, а камни скатываться на дно каналов. На протяжении многих лет местные жители пытались отремонтировать их плетнями, чтобы хоть как-то сохранить каналы от меления.

Самый длинный из всех суворовских каналов канал Куконхарью, построенный в 1796 году, имеет длину в 800 метров, из которых 150 метров прорублено через скалу. В свое время вдоль канала образовалось поселение русских офицеров, солдат, купцов и граж-

данского населения, которое в лучшие годы превышало одну тысячу человек. У канала были расположены также военные форпосты, в задачу которых входила охрана района от набегов противника и контроль за навигацией. Территория была ухоженной, парковой. Вдоль канала были построены казармы, оружейные склады, склады провианта, сауны и другие хозяйственные постройки. Великолепные березовые рощи и отвесные каменные берега канала Куконхарью, вместе с открывающимся видом на акваторию большого Сайма, дают представление о том, как выглядел этот район два столетия тому назад. Суворовские военные каналы, кроме канала Кутвеле, были преданы полному забвению до 2002 года: тогда в Музейном ведомстве Финляндии зародился проект их восстановления. В настоящее время ведется сбор документации и проводится рубка лесов, разрушающих берега каналов. Основная задача реставрации — превратить каналы в заманчивые культурно-исторические объекты,



Скромная с виду, но престижная гостиница на Пункахарью связана с именами русских монархов

памятники старой Финляндии. Каналы планируется использовать и как достопримечательности, и как маршруты туристических плаваний. Задача проекта — довести также информацию об этих исторических ценностях до большой публики.

Но, пожалуй, самый известный памятник тех времен, когда район Саймы был пограничем, можно увидеть в Савонлинне.

Этот уютный и тихий городок разместился у узкого пролива между плесами озера. До того, как стать центром вполне демократичного отдыха «для всех», он уже был весьма популярным курортом среди петербургской знати. Некоторые «присайменские» отели и пансионы до сих пор носят характерные для рубежа столетий звучные названия «Казино» или «Спа». А в кафе при небольшой гостинице в Савонлинне вас встречает настоящий баташевский самовар на старинном комоде.



Только в гостинице на Пункахарью можно попробовать водку «Александр I», которую специально изготовили в ознаменование 200-летия визита сюда русского царя

В Савонлинне, бывшем Нейшлоте (или, как иногда писали, Нислоте), посреди пролива, на небольшом скалистом острове, омываемом мощным и быстрым потоком, вздымаются вверх башни крепости Олавинлинна, известной раньше в России под шведским именем Олафсборг.

Замок, названный по имени норвежского святого — короля Олава, который жил в X веке, — был построен в узловой точке Сайменской системы в 1475 году шведским губернатором Выборга. Несмотря на то, что в течение столетий

замок разрушался, переходил из рук в руки и перестраивался и русскими, и шведскими войсками, это — лучше всего сохранившаяся в северных странах средневековая крепость. Ее южные бастионы заканчиваются «суворовской» частью — работы там велись под началом великого русского полководца.

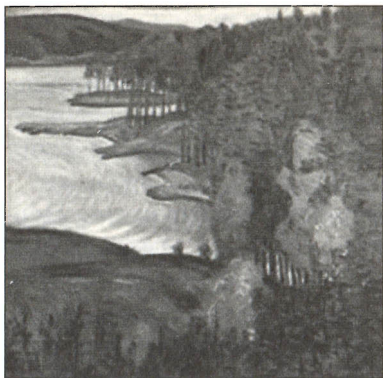
Одна из трех башен крепости носит название Церковной — на самом ее верху помещалась замковая церковь, служившая гарнизону во все времена. Причем разным направлениям христианства, не только лютеранству и православию: во время реставрационных работ на ее стенах были открыты росписи еще с католическими крестами.

Служба в церкви прекратилась, когда она стала слишком мала, чтобы вмещать русский гарнизон. Но и сегодня любители экзотики могут заказать в ней венчание. И тогда брак будет заключен если и не совсем уж на небесах, то по крайней мере на высоте птичьего полета — с живописным видом на родной город. Если, конечно, молодожены готовы преодолеть бесконечный подъем по темным каменным лестницам. В крепости можно арендовать и целый рыцарский зал для проведения встреч и приемов, а можно и устроить банкет с подлинным меню 1641 года!

Но Олавинлинна знаменита сегодня не этим. Еще с 1912 года в ней в июле-августе проходит знаменитый оперный фестиваль, который с конца 1960-х приобрел признание на самом высоком международном уровне. И, по-моему, древние каменные стены и башни на скале среди суровых вод — не худший антураж для «Макбета».

Николай Рерих, покоренный мрачной красотой замка, в 1907 году написал «Нислот. Олафсборг». Но больше известна другая его работа, созданная во время той же поездки по Финляндии.

К юго-востоку от Савонлинны тянется семикилометровая моренная гряда Пунка-Харью. Она узкой полосой поднялась прямо среди озера, и со старой дороги, идущей по ее гребню, водная гладь видна с обеих сторон. Если Иматра считается самым известным по крайней



Пунка-Харью. Худ. Н. Рерих

мере за пределами страны, местом в Финляндии, то одним из самых живописных является Пунка-Харью.

Лучший вид на Пунка-Харью, говорят, открывается с самолета. Но и за сто лет до изобретения первых аэропланов здешние пейзажи не оставляли посетителей равнодушными. Побывав в 1803 году в этих кра-

ях, царь Александр I, путешествовавший на лодке и в поезде, был так очарован ими, что распорядился об охране природных сокровищ Пунка-Харью. Спустя 40 лет, по личному указанию Николая I, на гребне Пункахарью был построен дом лесника на холме, в том числе и с комнатами для гостей. Домик несколько раз расширился и в итоге, в 1879 году стал первой государственной гостиницей Финляндии. Залы ее ресторанов сохраняют обстановку XIX века, а в 2003 году, в ознаменование 200-летия посещения этих мест императором Александром I, посетителям стали предлагать «царское меню». К трапезе идут и специально изготовленные для этой гостиницы водка «Александр I» и пиво «Александр I».

Именно в этих местах, среди нетронутых сосновых и березовых лесов, создающих разными оттенками зелени живописные цветовые волны среди кристально чистых вод, Николай Рерих в 1907 году создал одну из своих самых известных «северных» картин — «Пунка-Харью».

В этом этюде Рерих подчеркивает загадочность северной природы, ее таинственность. Он достигает этого впечатления благодаря тонкой передаче борьбы динамики и неподвижности. Сплошным массивом опоясывает хвойный лес залив озера Сайма. Лес замер, а волны на заливе предвещают бурю, тревожное ощущение

рождает резко изрезанная береговая линия. Монолитная скала, изображенная на переднем плане, покрыта рыжим мхом. Небо почти отсутствует. Взгляд художника приземлен. Рерих хочет увидеть земную природу как бы изнутри. Это отношение чувствуется в его словах: «...в горах бесконечных, в озерах неожиданных, в валунах мохнатых, в порогах каменистых живет прекрасная северная сказка».

В этюде «Пунка-Харью» преобладает свойственная и другим северным работам художника голубая, зеленоватая, прозрачно-серебристая цветовая гамма. Еще одна характерная особенность этих этюдов — законченность композиции и тщательная проработка деталей.

А год спустя пейзаж с таким же названием здесь рисовала Анна Остроумова-Лебедева...

С возвышенностей этого «острова» среди озерных гладей открываются особенно живописные виды «многоводной, скалистой и лесной страны». Художница, дважды посетив эти места в первом десятилетии XX века, увлекательно рассказала о них в своей книге воспоминаний: «Через несколько часов пути мы доехали до славящейся красотой Пунка-Харью («Свиной хребет»). Это узкая, гористая полоса земли. Она иногда шириной только в дорогу. Ее склоны с обеих сторон круто обрываются вниз, к воде. Виды, открывающиеся с ее вышины, такой необыкновенной красоты и пленительности и так своеобразны, что сравнивать их ни с какими в мире нельзя. Пунка-Харью прихотливо вьется по глубоким, прозрачным озерам. На них рассыпаны бесчисленные острова и островки. Сосны с рыжими стволами, печальные ели, раскидистые голубоватые можжевельники заполняют пейзаж до безграничных далей. Все это отражается в тихой, зеркальной воде. Построек почти нет, или они прячутся в чаще лесов. Весь пейзаж вызывает в душе чувство какой-то ясной и прозрачной тишины Елисейских полей».

А уже в наше время, в самые последние годы, в Пунка-Харью побывали и... Илья Репин, и Иван Айвазовский...



Пунка-Харью. Худ. А. Остроумова-Лебедева

К северу от гряды находится один из крупнейших в Финляндии художественных центров — «Ретретти», разместившийся большей частью на глубине 25 метров под моренными песками в освещенных пещерах. Здесь каждое лето проводятся большие выставки всемирно признанных мастеров.

В ХЕЙНЯВЕСИ, К ПРАВОСЛАВНЫМ СВЯТЫНЯМ



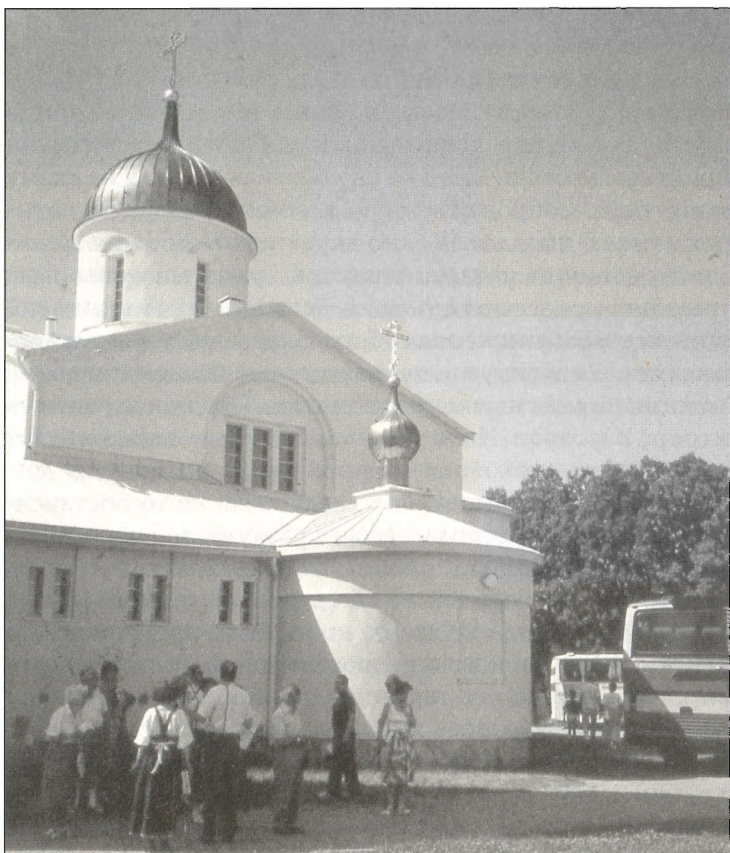
Впервые здесь, в Новом Валааме, я побывал почти двадцать лет назад.

...Я приехал туда поздним летним вечером, и хотя солнце уже скрылось за лесом, было, как это водится в конце июня на Севере, абсолютно светло. Перед сном я решил пройтись по отошедшей ко сну обители и, глядя на схему монастыря, сопровождаемую комментариями на четырех языках, пытался за одно-двухэтажными фермерскими строениями увидеть живущие здесь многовековые традиции монастыря с Ладogi. Если бы не поблескивающий за деревьями купол собора, опустевшие к ночи дворы, лужайки и окружавшие их домики казались мало похожими на действующий монастырь. Под конец я вышел к озеру Юуоярви. И вот тут не то пейзаж — открывшаяся мне картина спокойной озерной глади, подернутая легким туманом, и темнеющие вдали леса, не то обстановка одиночества, располагавшая к раздумьям и передававшая ощущение вечного покоя, будто перенесли меня на Старый Валаам, причем не сегодняшний, а тот, бывший, который я никогда не видел, но пытался представить по книгам, фотографиям и воспоминаниям... Какое-то удивительное ощущение гармонии с природой всегда поражало меня во всех православных обителях...

От стоящей на берегу крошечной часовни Николая Угодника, служащей здесь как бы перевоплощением Никольского скита, что на Старом Валааме, дорожка вывела к дому для паломников. До 1969 года в этом двухэтажном деревянном строении располагались монашеские кельи.

Но и теперь в нем я окунулся в монастырскую обстановку: скромность убранства, во всем — простота, не исключаяющая, правда, всех необходимых удобств, запах сухого дерева, иконы и портреты бородатых старцев...

Утром меня разбудил колокольный звон. Настоящий звон церковных колоколов. Если путешествуешь, переезжая с места на место, то, просыпаясь, не всегда сразу и сообразишь, где находишься. Так было и со мной: лишь только когда увидел перед собой стол с лежащей на ней Библией и икону в «красном углу», все встало на свои места...



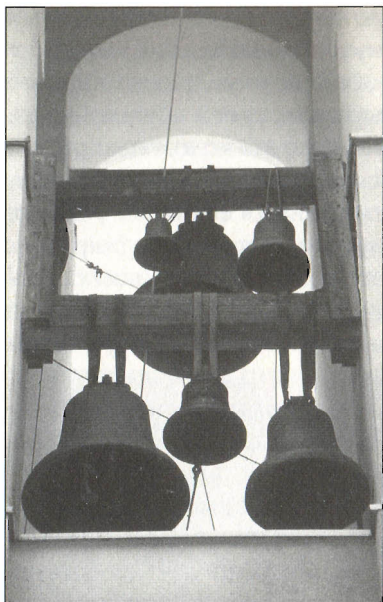
Ново-Валаамский монастырь в Хейнявеси. Общий вид

Я взглянул на часы. Было шесть утра. Колокольный бой вовсе не означал побудку для посетителей, как спротонок решил, было, я. Он вообще не имел к ним никакого отношения. Просто монастырь жил своей обычной жизнью. И звенели старинные валаамские колокола, продолжая, как говорят звонари, свое «богослужение в воздухе». То, ради чего когда-то паломники садились у петербургской набережной на паром, который маршрутом, описанным Николаем Лесковым в «Очарованном страннике», через день и две ночи доставлял их через Коневец и Корелу на ладожский монастырский остров, я услышал здесь, в Финляндии...

Не думал я, что окажусь здесь когда-то вновь. Но несколько лет назад, плывя на теплоходе из Савонлинны в Коупио по системе озер и каналов, вдруг узнал знакомые места. А спустя еще полгода, зимой, я снова побывал там, и не просто рядом, а еще раз в самом Новом Валааме. Видимо, действительно: Валаам — не важно, Старый или Новый — обладает удивительной притягательной силой...

Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, история которого уходит корнями в глубь веков и который был одной из крупнейших и известнейших православных обителей Российской империи, существует и сегодня на острове Валаам на Ладожском озере. Но его нынешняя история там насчитывает всего лишь два десятилетия.

Дело в том, что после революции 1917 года и провозглашения независимости Финляндии оказался он за границей. Это и спасло его от гонений и разорения. Хотя богатство его и влияние сократилось, оставался он на протяжении более двадцати лет очагом православия и русской духовности и в лютеранской Финляндии, а паром «Сергий», ходивший между Валаамом и Сортавалой по Ладоге, не испытывал недостатка в пассажирах, среди которых уже были не только паломники, но и обычные туристы. На Валааме, продолжая традиции острова как летнего класса живописцев, работали многие финские художники, побывали здесь и классик литературы



*На монастырской звоннице
все колокола — с ладожского
Валаама*

Финляндии Эйно Лейно, и фельдмаршал Карл Густав Маннергейм.

Неизвестно, как сложилась бы судьба обители дальше, если бы не «Зимняя война» 1939—1940 годов, когда Советская армия начала наступление через «Линию Маннергейма» под предлогом необходимости переноса границы подальше от Ленинграда. Война шла и на Ладоге. Валаам бомбили советские самолеты, сдача острова стала реальностью. Монахам пришлось выполнить приказ финских властей об эвакуации.

Сначала на кораблях, а затем на грузовиках по льду замерзшей Ладоги 205 монахов и трудников с обозом финского гарнизона, унося с собой все монастырские реликвии, ушли через Лахденпохья в центральную Финляндию, где ненадолго обосновались в Каннонкоски. Те, что уходили последними, рассказывали, как от очередной бомбежки раскололся Большой Андреевский колокол, были разрушены некоторые скиты...

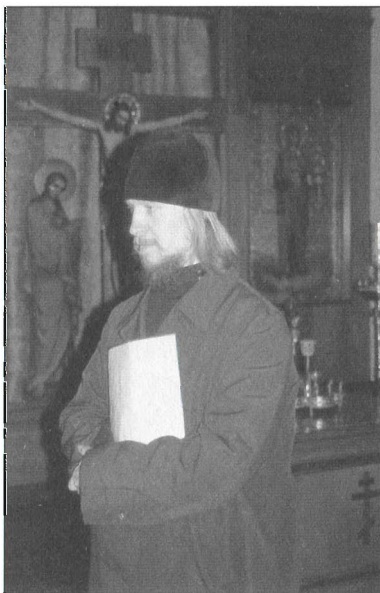
О том, с какими чувствами уходили с Валаама его обитатели, свидетельствует письмо, которое 28 декабря 1939 года писал бывший петербургский чиновник Николай Попов, несколько лет проживший в монастыре послушником, еще остававшимся тогда на острове отцу Филагрию: «Дай Бог, чтобы наступающий 1940 год принес освобождение от большевиков и чтоб обитель наша процветала... О нас власти заботятся... Твердо надеемся, что обитель валаамская сохранится...»

Последний настоятель Старого Валаама игумен Харитон вместе со старшей братией ездил по всей Финляндии и осматривал продававшиеся сельские угодья, чтобы найти подходящее место для монастыря. В июне 1940 года монастырь приобретает в окрестностях Хейнявеси принадлежавшую до этого министру иностранных дел Саастамойнену усадьбу Папиннием, где и создается новая обитель, названная Новым Валаамом, или по-фински Ууси-Валамо.

Монахам не только понравилась живописная местность с озерами, укромное расположение усадьбы. В ней, в одном из помещений они увидели икону преподобных Сергия и Германа Валаамских (как потом оказалось, эту икону подарил владельцу усадьбы побывавший на Валааме голландский принц Генрих). В этом монахи увидели особое предзнаменование, что окончательно и определило их выбор, и они купили поместье вместе с 300 гектарами земли.

Хотя монахов окружали старые, дорогие сердцу святыни — образ Валаамской Богородицы и другие ценнейшие иконы Старого Валаама, — они очень скучали по своему острову и не могли вынести разлуки: в первую зиму умерло около 40 человек.

Первая монастырская церковь была перестроена пришедшими сюда монахами из двух амбаров, и лишь крохотная луковка на крыше выдает подлинное назначение этого здания. Но именно с нее и начинался Новый Валаам.



Иеромонах Агрипан оказался единственным русским монахом в Новом Валааме

В монастырской общине было тогда 150 монахов и послушников Старого Валаама — почти все они пришли в монастырь еще до революции; они были пожилыми, поэтому Новый Валаам надолго стал не только монастырем, но и домом престарелых.

Конечно, Ууси-Валамо сильно изменился с той поры, когда сюда пришли первые монахи. К прежним усадебным постройкам добавились новые, да и старые здания были значительно перестроены. Летом 1977 года была освящена новая монастырская церковь — белокаменная, с золотыми куполами, сооруженная в псковско-новгородском стиле по проекту живущего в Финляндии русского архитектора Ивана Кудрявцева.

В 1979 году были открыты новые кельи для братии в двух домах на крутом берегу озера Юуоярви. У дороги, ведущей к монастырю, в начале 1970-х появилась новая гостиница, между двумя бывшими дворами поместья в красном здании — некогда сыроварне — открылось летнее кафе. Большое каменное строение, стоящее посреди монастырских владений, бывший коровник, в 1975 году



Фигуры лошади и собаки на монастырском дворе напоминают о том, что раньше тут была сельская усадьба

было переделано в современный ресторан «Трапеза». В нем весьма космополитичный шведский стол, но в монастырском духе: преобладают рыбные и овощные блюда, а местная специфика представлена в виде карельских пирожков — калиток. На стенах «Трапезы» висят портреты валаамских подвижников, а рядом с дверью — большое полотно с видом Монастырской бухты на Старом Валааме работы художника-любителя...

Каменная фигура медведя в натуральную величину на поляне между бывших фермерских построек напоминает о том, что на Валааме в начале прошлого века жил ручной мишка, любимец и друг монахов...

Но есть здесь и подлинные реликвии. Например, в Ууси-Валамо можно увидеть выполненный в 1878 году ректором Петербургской академии художеств Федором Иорданом портрет знаменитого валаамского игумена Дамаскина, при котором монастырь в середине XIX века достиг наивысшего расцвета. Портрет считается одной из лучших гравюр художника. «Просты и строги черты игумена, но насколько величия и сановитости умел придать им резец профессора», — писал в 1881 году журнал «Всемирная иллюстрация».

Работа Иордана висит в покоях архимандрита Сергия — настоятеля монастыря. «Его сейчас нет, а без его благословения мы туда зайти не можем», — объясняет нам иеромонах Адриан, который показывает мне обитель. Адриан говорит по-русски. Он карел, родом из Олонца, что в российской Карелии.

Но зато главное сокровище монастыря, как и всей православной церкви Финляндии, чудотворную Коневскую икону Божией Матери, увидеть удалось. Некогда она принадлежала еще одному «монашескому острову» на Ладоге — Коневцу. Пароходы с паломниками, шедшие из Петербурга на Валаам, останавливались на Коневце, и все пассажиры спешили в тамошний монастырь поклониться чудотворной иконе, которую согласно преданию в 1393 году принес преподобный Арсений с Афона. Николай Лесков писал о ней, сравнивая ее с «Мадонной с щегленком» Рафаэля. По мнению началь-

ника Отдела выставок Финской академии художеств доктора Ауне Яскинен, посвятившей исследованию чудотворной иконы свою диссертацию, написана она не ранее XV-XVI веков, но ее прообраз мог быть действительно принесен с Афона.

В Ууси-Валамо икона «Богородицы с птичкой», как ее еще иногда называют, попала вместе с последними монахами Коневецкого монастыря, перешедшими сюда из Кейтеле в центральной Финляндии, где они жили с 1940 по 1956 год. В честь чудотворной иконы освящена специальная часовня — один из пределов нового храма в Валамо — там она и висит.

Главный зал храма освящен в честь Преображения — важнейшего монастырского праздника, а малый — так называемая «зимняя церковь» — в честь Сергия и Германа, легендарных первооснователей обители...

Большинство икон в храме — старинные. Икона Спаса, справа от царских врат, относится к XVIII веку и была выполнена мастерами из Корелы, по левую руку от них — Тихвинская икона Божией Матери, написанная в то же время, что и Спас, в Выборге. Икона Валаамской богородицы, может, и не такая старая — она была выполнена



Спасо-Преображенский собор

в конце позапрошлого века монахом Алипием на Валааме, но представляет уникальный образец монастырской иконописной школы. Она тоже каноническая — начиная с 1988 года православная церковь Финляндии отмечает 7 июля праздник Валаамской иконы Божией Матери... В старой церкви висит икона Благовещения Богородицы, датируемая XVI веком — на Старом Валааме она находилась на почетном месте за мощами святых.

Но есть в монастыре и современные святые лики — молодых иконописцев Финской православной церкви и даже талантливого мастера родом из Японии Петроса Сасаки.

Входя в Преображенский собор, нельзя не обратить внимания на большую люстру, свисающую с главного купола. Она весит более 800 килограммов и была перевезена со Старого Валаама, где также висела в главном Спасо-Преображенском соборе. Здесь, в Валамо, к ней подвели электричество. Все двенадцать колоколов на звоннице собора тоже с Валаама на Ладогe.

Еще Адриан обратил мое внимание на крест работы Фаберже 1915 года, подарок членов царской семьи иеромонаху Георгию, их духовнику... И здесь таких сокровищ — немало.

Ведь братия в свое время вывезла в Финляндию более 60 процентов имущества Старого Валаама — в первом, деревянном храме до сих пор даже коврики и скамьи — с ладожского острова...

Вот только монахов из России в Новом Валааме уже не осталось.

Сегодня братия насчитывает всего 12 человек, из них постоянно в монастыре находится девять. И ни один из них — русский. Только вот Адриан, возможно, пополнит здешнюю братию.

Последний монах из России — Акакий — умер в 1984 году. Этот старец, в миру Андрей Кузнецов, прожил 110 лет: уроженец Вологодской губернии, он начинал послушником на Соловках, затем был монахом в Печенгском монастыре, а с 1943 года в Валамо... Он похоронен на местном кладбище, скрытом березовой рощицей от ведущей к Ууси-Валамо дороги.



Коневская икона Божией Матери в Спасо-Преображенском соборе Нового Валаама — ценнейшая реликвия православной церкви Финляндии

По тропинке среди глубокого снега мы идем по кладбищу. Сколько удивительных судеб за надписями на его крестах и могильных плитах! Жаль, не ко всем могилам можно подобраться из-за снега.

Кладбище было основано в 1940 году, когда братия переехала сюда из Старого Валаама и с годами там обрели покой как валаамские отцы и братья, так и сподвижники из всех некогда находившихся в Финляндии православных монастырей — Линтулы, Печенгского и Коневецкого... Среди них автор духовных книг игумен-схимник Харитон — один из трех наряду с Назарием и

Дамаскином наиболее почитаемых за всю многовековую историю монастыря его игуменов, духовный отец главнокомандующего царской армии, великого князя Николая Николаевича, иеромонах-схимник Ефрем (в миру Георгий Хробостов). Последний монах братии Старого Валаама, архимандрит Симфориан был похоронен здесь в 1981 году... С его смертью сам собой разрешился вопрос о языке богослужения, некогда остро стоявший в 1920—1930-х годах. Последняя служба на церковно-славянском языке состоялась в монастыре в 1977 году, теперь она ведется на финском. Тогда же в Ууси-Валамо перешли и на григорианский календарь.

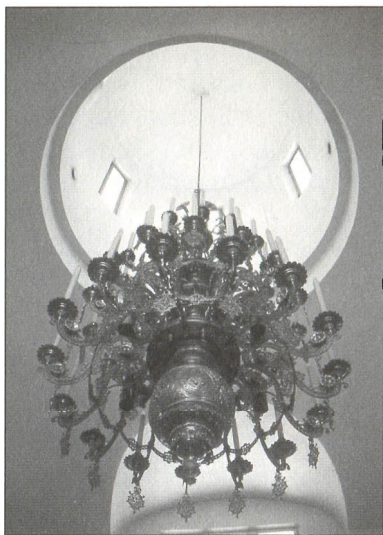
А в монастыре, в маленьком музее-келье до сих пор хранятся некоторые вещи пришедших сюда валаамских монахов: саквояж архимандрита Симфориана, который в 1970-х служил в полном одиночестве, потому что старой братии почти не осталось, тросточка старца Акакия, который, прожив до глубокой старости, часто повторял: «Бог забыл обо мне, и слава Богу».

...Мы подходим к небольшой деревянной часовне Св. Германа Аляскинского, освященной в честь валаамского монаха, одного из тех первых русских миссионеров, кто принес православие в Америку и кто крестил алеутов и индейцев на Аляске в конце XVIII — начале XIX века (в 1970 году он был причислен к лику святых). Часовня Св. Германа, как и резная крыша кладбищенского колодца, ворота и многочисленные кресты представляют собой еще и своеобразный маленький музей карельского деревянного зодчества...

У кладбища стоит стрелка с указателем: Tabor. От нее дорожка ведет в гору. Tabor — это по-фински «Фавор». Здесь тоже, как на Старом, ладожском Валааме, местная топонимика повторяет названия святых мест в Палестине.

Уже начинает темнеть. Присыпанные снегом ели кажутся совсем черными. И только вдали, в просвете между деревьями, в лучах садящегося солнца красным золотом вдруг вспыхивает купол монастырского собора.

Конечно, монастырская жизнь в Ууси-Валамо сильно изменилась с тех пор, как сюда перебрались первые мо-



*Эта люстра весом более 800 кг,
свисающая с главного купола
Спасо-Преображенского собора,
была перевезена со Старого
Валаама*

нахи из России. Это сейчас не только религиозный и духовный центр, но туристическая достопримечательность. Монастырь принимает до 150 тысяч человек в год.

Для приезжающих Новый Валаам начинается с посещения... reception, как в гостинице. Единственное отличие — здесь же предупреждают: на территории монастыря нельзя курить, и не принято, чтобы мужчины появлялись в шортах, а женщины — с оголенными плечами...

Летом церкви целыми днями открыты, вход в музей, где хранятся уни-

кальные сокровища Валаамской ризницы, бесплатные.

По окрестным озерам в летние месяцы, как когда-то на Старом Валааме, где приезжавшие когда-то паломники пересаживались на кораблики поменьше и те везли их в отдаленные скиты, можно совершить прогулки на монастырском теплоходе. Эту традицию продолжает в Ууси-Валамо теплоход «Сергей», получивший свое имя в честь парохода «Сергий», что когда-то ходил из Сортавалы на ладожский Валаам.

Храня старый валаамский дух, монастырь в Ууси-Валамо не отгородился от современного мира и приспосабливается к современной жизни XXI века.

Новый Валаам ведет большую научно-просветительскую деятельность, став местом проведения различных встреч, конференций и семинаров, причем не только по теологическим вопросам. С 1986 года при монастыре существует светская Православная академия. Набор изу-

чаемых в ней предметов говорит об открытости ее программ сегодняшним веяниям: наряду с курсами православной религии и церковной культуры в ней ведут занятия по экологическому воспитанию, обучают «чистому» земледелию — способу хозяйствования, которому финны все больше отдают предпочтение...

В 1986 году правительство Финляндии передало в дар монастырю компьютер, который в соответствии с канонами... был вначале благословлен. Действующая в Валамо мастерская по реставрации икон считается по своему оборудованию и используемым методам работы самой современной в мире. Она обслуживает не только Финляндию, но и православные приходы по всей Западной Европе. В здании мастерской имеется также конференц-зал на 300 мест: летом там проводятся разнообразные выставки.

Монастырь обладает великолепной библиотекой, разместившейся в специально выстроенном в 1984 году здании — в ней насчитывается 30 тысяч томов современных книг и почти столько же тысяч томов старинных изданий, спасенных со Старого Валаама.

Это русская дореволюционная литература о Валааме, рукописи и богословские книги, ноты и словари, книги по животноводству и медицине, церковная периодика, уникальные труды по метеорологии (увлечение последнего библиотекаря Старого Валаама о. Иувиана), путеводители для паломников и многое другое. Есть здесь, например, много материалов и о фрейлине императрицы Анне Вырубовой, судьба которой тесно связана с Валаамом (в 1920-х годах она жила в Финляндии и передала монахам свой архив).

В архиве хранятся монастырские рукописи начиная с XVI века. Раньше часть валаамских архивов размещалась в Миккели, теперь все собрано здесь. Лишь часть старинных фолиантов находится сегодня в Музее православия в Куопио.

В архив и библиотеку вход свободный. Но в мой первый приезд в Новый Валаам к посетителям из нашей страны отношение было настороженное. Потом я узнал: приезжал в Ууси-Валамо в начале 1980-х один писатель,

едва ли не первый гость из СССР, ему дали доступ ко всем архивным материалам, помогли, а он издал книгу, где о Валааме, кроме как о разложении и кризисе аскетизма, мало что написал.

Издается в монастыре и свой журнал — «Валамолайнен» — «Валаамец».

Сегодняшняя братия уже не в состоянии сама обеспечить функционирование всего монастырского хозяйства, и в каждодневной работе монахам помогает разновозрастная группа добровольных помощников — им предоставляются лишь хлеб да кров, а работают они бесплатно.

Я также узнал, что у монастыря, кроме гостиниц, ресторана, культурного центра, мастерских, есть сельскохозяйственные угодья, ведет он рыболовный промысел. Еще недавно братия занималась земледелием, но сегодня 50 гектаров его пахотной земли обрабатывает арендатор — сообразно тем принципам «чистого земледелия», которым обучают в светской Православной академии. Стадо коров заменено на более многочисленную, но требующую меньшего ухода отару овец. Братия ухаживает также за большим огородом и садом. 300 гектаров мона-



Монастырское кладбище

стырского леса тоже известная гарантия экономической независимости обители.

В Финляндии у Валаама есть немало друзей. В стране существует организация, которая так и называется «Друзья Валаама», есть Валаамское общество, собирающее материалы о ладожской обители — развернувшееся в 1970-х годах строительство в Ууси-Валамо шло при их непосредственной экономической поддержке. Валаамский литературный кружок помогает монастырю в выпуске православной литературы.

В 1988 году в ознаменование 1000-летия крещения Руси и 800-летия основания Валаамского монастыря был создан и Фонд Валаама. Объединяющий общественных, религиозных деятелей, представителей крупного бизнеса и частных лиц этот фонд ставит своей целью «способствовать сохранению культурных традиций православия в Финляндии, которые живут в Валаамском монастыре». В списке основателей фонда соседствуют, например, простой фермер Хейкки Кононен и крупная фирма «Амер-юхтюмя». А в совет фонда входит ряд влиятельных в стране лиц. Кроме экономической помощи валаамской монастырской общине, фонд помогает в научных исследованиях, в издательской и творческой деятельности, в обучении, соответствующем его целям, и поддерживает музейное дело.

Теперь компьютер в монастыре уже не один. Стоит компьютер, например, и за стойкой в сувенирной лавке в ресепшн. А в ней — Библии, брошюры о православии в Финляндии и Карелии, прекрасно изданные книги о Валааме — о Новом, о Старом, об отдельных постройках и эпизодах монастырской истории, фотоальбомы, архивные публикации.

На одной из полок с сувенирами замечаю темно-зеленые пачки. С одной стороны по-фински, с другой — по-русски на них написано: «Валаамский чай». Белые буквы какого-то старого, забытого шрифта по кругу, а в нем — церковные луковички с крестами. Снизу мелкими буквами, уже по-английски, еще надпись: «Сделано в Западной Германии»...



*Часовня Германа Аляскинского
на монастырском кладбище*

Целая полка отведена и монастырским винам.

Читаю этикетки: «Валаамское белое», «Валаамское красное полусухое», «Валаамский странник», «Валаамское красное сладкое», «Валаамское игристое». Да-да, когда в Финляндии было либерализовано законодательство в области производства и торговли спиртным, монастырь занялся виноделием. И для него это тоже немаловажный источник средств существования.

Конечно, ни туризм, ни виноделие — не самоцель. С их помощью монастырь не ходит с протянутой рукой и не только обеспечивает себя, но и реставрирует иконы, содержит храмы, богатейшую библиотеку и архив, вкладывает средства в содержание светской Православной академии (таких всего две в мире — здесь и в Греции) и помогает карельским храмам...

В 1990 году возродился монастырь на Ладогe, в России. «Поэтому теперь, наверное, правильнее говорить не "Новый Валаам", а "Финский Валаам", — считает Адриан.

И я с ним согласен. Ныне это два совсем разных монастыря. Только корни у них общие и вера. И, словно опережая мой вопрос — почему он здесь, а не в России, — Адриан объяснил: «Если ты служишь Богу, не важно где ты ему служишь».

Когда я покидал монастырь, было уже совсем темно. Ведь на Севере зимой дни совсем короткие...

Так Ново-Валаамский монастырь и запечатлелся в моей памяти: осколок старой России в современной Финляндии, удивительное сочетание двух культур, сплетение самых древних традиций с самым сегодняшним днем...

СУДЬБА ЛИНТУЛЫ



Совсем неподалеку от Нового Валаама расположился и женский православный монастырь. Это — Линтульская Свято-Троицкая обитель, которая шире известна просто как Линтула.

История его насчитывает лишь чуть более ста лет (совсем ничто по сравнению с валаамской), да и не знаменит он так, как Спасо-Преображенская обитель с ладожского острова, но судьба его не менее драматична, чем у других «монастырей-эмигрантов», оказавшихся на финской земле. Правда, будучи обителью женской, он в отличие от Коневецкого и Печенгского монастырей, чья братия волилась в состав нововалаамской, сохранился.

Свое название монастырь получил от местечка Линтула (ныне поселок Огоньки), что неподалеку от станции Рожино на Карельском перешейке под Петербургом. И место это было довольно известным еще и до начала создания обители в 1894 году.

Дело в том, что еще Петр I велел там заложить рощу корабельных лиственниц, древесину которой можно было использовать при постройке кораблей на Кронштадтской верфи. И в 1738 году роща была создана — посадкой сибирской лиственницы из Архангельской губернии. Стоят и сегодня на площади 25 гектаров великаны возрастом в двести пятьдесят лет.

От этой корабельной рощи и получил соседний поселок свое нынешнее имя дачный поселок Рожино (раньше, когда он находился на территории Финляндии, он назывался Райвола). А, в свою очередь, петровская роща и вся окружающая местность название получили от речки Линтулы.

Именно там тайный советник Федор Петрович Неронов со своей женой Ларисой Алексеевной купили обширную усадьбу с целью основать первый в Финляндии

женский монастырь, выбрав чудное по красоте пейзажа место на берегу быстрой речки в сосновом бору, в 50 верстах от тогдашней российской столицы.

Кстати, заметим, что в Линтуле в юные годы гостила художница Анна Остроумова-Лебедева, чей отец был другом Федора Неронова. В серии рисунков, сделанных здесь, Остроумова-Лебедева зарисовала красивые группы деревьев в липового парка, горную речку, разливающуюся внизу около парка в большую запруду, вросшую в землю водяную мельницу.

В 1894 году на средства Неронова началось строительство Троицкого храма, в нижнем этаже которого находилась трапезная. Церковь была маленькая, первый этаж сложен из гранитных камней, второй — деревянный. Рядом возвели деревянный дом с кельями для монахинь, ферму, конюшни и другие служебные постройки.

Причина щедрости Неронова осталась неизвестной, однако ходили слухи, что он, будучи руководителем питерских железных дорог, стал заниматься благотворительной деятельностью только после того, как поезд с царем попал в аварию и, хотя царь не пострадал, он поклялся, что, если его пощадят, будет щедро давать деньги на благотворительные цели.

Обитель начиналась как трудовая и благотворительная женская община и была открыта в 1895 году по решению Святейшего Синода. Первые восемь сестер приехали сюда из Казанского Мокшанского монастыря Пензенской губернии. Освящение храма архиепископом Финляндским и Выборгским Антонием (Вадковским) состоялось 4 июня 1895 года. В храме при этом находились, кроме многих особ из Петербурга и окрестностей, настоятель Валаамского монастыря игумен Гавриил.

Спустя год, 10 августа 1896 года, состоялось официальное открытие Свято-Троицкой Линтульской женской общины. Богослужение по этому случаю совершал архиепископ Антоний в сослужении св. прав. Иоанна Кронштадтского. В это время в общине жили уже 26 сестер.

В первые годы XX века был построен главный монастырский дом, на втором этаже которого разместились

покои настоятельницы, а на первый перевели из церкви трапезную. В отдельном небольшом здании во дворе находилась комната для священника, служившего в монастырском храме, и архиерейские покои, где останавливался во время приездов в обитель архиепископ. По определению Св. Синода от 19 августа 1905 года Линтуловской женской общине был присвоен статус монастыря.

Для ежедневных богослужений в монастыре постоянно жил монах из Коневецкого или Валаамского монастырей. Читали и пели сами сестры.

Монастырю принадлежало 148 гектаров полевой и лесной земли и дача «Мир» в семи километрах от Линтулы (в ней в 1905 году была устроена так называемая «Здравница» для лечения инвалидов русско-японской войны).

В 1905 году умирает Лариса Алексеевна Неронова, в 1906-м — ее супруг, строитель монастыря Федор Петрович Неронов. Похоронены они были возле алтарной стены Троицкой церкви.

В 1911 году при монастыре был открыт приют и школа для детей окрестных жителей. Двухэтажный сиротский дом, где призревались и учились более 30 детей, был построен на частные пожертвования возле входа в монастырь. Внутри освятили небольшую и уютную домовую церковь во имя Св. равноапостольного Князя Владимира и Св. Мученицы Софии, освящение которой состоялось 18 сентября 1911 года.

Но Линтула всегда была небольшим монастырем. В отчете за 1907 год содержатся сведения о небольшом хозяйстве Линтулы: «Особых промыслов на землях, озерах и реках, приносящих прибыль монастырю, нет, и земля в Линтуле обрабатывается хозяйственным способом исключительно для себя, а на продажу ничего не поступает. Для производства полевых и других хозяйственных работ содержатся конный двор с достаточным инвентарем, имеются некоторые сельскохозяйственные машины. Для содержания молочного скота устроена ферма — каменное здание, крытое железной крышей, на 100 коров. Заведена сапожная мастерская в малых размерах, где работы производятся сестрами для своего употребления».

Монастырь много внимания уделял воспитанию детей. В приюте русских и финских детей обучали русской грамоте, арифметике, географии, истории. В этом приюте воспитывался известный советский финский писатель Эльмар Грин, который родился в соседнем местечке Кивеннапа (ныне Первомайское). В автобиографической повести «Жил-был Матти» Э. Грин с благодарностью вспоминает годы, проведенные в приюте. Он оставил и описание Линтульского монастыря. Вот какой, например, помнится ему церковь: «...большая была церковь. Помимо главного притвора, то есть центрального зала, тут были два боковых. И два клироса для певчих монахинь помещались по обе стороны от входа в алтарь, заслоненный сверкающим иконостасом. Все голоса были представлены на этих клиросах, даже самые низкие, несмотря на женский состав хора. И когда священник или дьякон, обратясь лицом к алтарю, громогласно провозглашал с амвона что-то не совсем нам понятное, хор отвечал на это всеми каскадами затаенных в нем певучих звуков...»

В ночь на 9 апреля 1916 года неожиданный пожар целиком уничтожил Троицкую церковь. В огне погибли иконостас, ценные иконы, ризница, богатая библиотека и большая часть церковной утвари.

Однако особенно тяжелыми для обители оказались 1917—1918 годы. Граница закрылась, и монастырь оказался не просто отрезанным от России, но и в особой пограничной зоне со строгим контролем. Приезд паломников прекратился. Бушевала Гражданская война... В 1917 году сестрам пришлось уступить комиссарам свои жилища и переселиться в церковь, а в 1918 году в монастырь въехало 400 красноармейцев. В это время число монахинь уменьшилось с 70 до 40, оставшиеся голодали и мерзли.

Но жизнь в Линтульском монастыре продолжалась. В 1919 году епископ Выборгский Серафим (Лукиянов) освятил восстановленный после пожара Троицкий храм (правда, и он простоял всего около двадцати лет). Средства на постройку пожертвовал князь Иван Николаевич Салтыков. Архитектор Иван Бах использовал прежний

гранитный фундамент, однако изменил облик храма, придав ему черты модерна. Внутри храма, в его южной части, была устроена усыпальница благотворителя и его жены, княгини Екатерины Константиновны Салтыковой.

Несмотря на выпавшие на его долю тяжкие испытания в годы революции и Гражданской войны, монастырь, оказавшийся уже на территории независимой Финляндии, потихоньку поднимался, расширяя свое хозяйство, и в 1930-е годы при тех же небольших своих размерах, был уже в гораздо лучшем материальном положении. Обитель имела сад, скотину и водяную мельницу с лесопилкой. Большинство работ сестры делали сами: занимались земледелием, обряжали скотину, носили воду.

Одним словом, жизнь монастыря постепенно налаживалась, и летом стали приезжать многочисленные гости. Была устроена летняя гостиница, открыт киоск, где продавали свечи, иконы, четки; одна из монахинь выполняла роль экскурсовода, показывая приезжим обитель.

Правда, после получения Финляндией независимости положение православной церкви было сложным — до 1923 года она формально подчинялась Патриарху Московскому и всея Руси, но поддержание связей с Советской Россией было практически невозможно, поэтому Финская православная церковь перешла в подчинение Константинопольского патриарха.

В приграничной Линтуле часто находили временный или постоянный приют беженцы из СССР. При монастыре было кладбище, где нашли свой вечный покой многие русские (например, жена художника Юрия Репина, сына И.Е. Репина, Прасковья Андреевна Андреева, скончавшаяся в 1929 году).

А затем наступил трагический 1939 год. «Зимняя война» заставила покинуть родные места на Карельском перешейке и финнов, и русских. Вынуждены были уйти и монахини Линтульского монастыря. Сорок сестер навсегда оставили свою обитель, оказавшуюся во фронтовой зоне. С собой удалось взять лишь чтимую Иерусалимскую икону Божией Матери. Почти все погибло во время боевых действий в 1939-м, а затем в 1941 и 1944 годах.

Э. Грин, в составе советских войск воевавший в 1944 году на Карельском перешейке, свидетельствует, что к этому времени от Линтулы уцелело только одно двухэтажное здание с кельями наверху и общей трапезной внизу. Остатки этого здания сохранились и до наших дней. Все остальное исчезло.

В Огоньках о монастыре мало что напоминает. Кладбище, где покоилась жена сына Ильи Репина, тоже не сохранилось. Редкий паломник сегодня сворачивает с автотрассы к гранитному цоколю Свято-Троицкого храма Линтульского монастыря.

Почему Линтула стала именно Огоньками, сказать трудно. По-фински «Линту» — это «Птица», поэтому речку Линтулу переименовали в «Птичью», но ее по-прежнему зовут Линтуловкой.

11 ноября 1939 года монастырь был эвакуирован и начал скитание по Финляндии: в Маалвеси, в Майвала, в Юдинсало, в Кухмалахти... Матушки оставались без постоянного убежища целых семь лет. Весной 1946 года они нашли два места, чтобы обосноваться окончательно: одно около Тампере, другое — в селе Палокки в Хейнявеси. Иеромонах, исполнявший обязанность монастырского исповедника, прочитал акафист перед образом Божией Матери Иерусалимской, и выбор пал на Палокки. Но главное — это было совсем рядом от Валаамского монастыря, тоже перебравшегося в Финляндию.

Поместье, купленное монашками под обитель и прежде принадлежавшее фирме «Хакман», было большим — в 116 гектаров, но не приспособленным под монастырскую деятельность.

Единственный дом имения был тесноват для почти сорока сестер, хозяйство было в запустении. Но они усердно взялись за знакомую им сельскую работу. Жили просто и скудно.

В 1950-годы начался ремонт зданий. Немало помогли в обустройстве обители на новом месте игумен Харитон и иеромонах Исаак из Нового Валаама. Зал в главном доме был переделан в уютную церковь, где ежедневные богослужения совершали монахи из Нового Валаама. Что-

бы продолжать монастырскую жизнь, необходимо было подумать о строительстве новой церкви и монастырских строений. Православный мужской хор города Йозенсуу посодествовал в строительстве келейного корпуса, а в 1973 году была воздвигнута новая каменная церковь во имя Пресвятой Троицы (архитектор Вилхо Суонмаа).

Когда в 1995 году монастырь праздновал свое столетие, то на праздник съехались сотни людей. Настоятельницу игуменью Антонину поздравляли архиепископ Йоханнус, митрополит Финляндский Лео, представители русской и греческой православных церквей. Пели православные хоры из Йозенсуу и Хельсинки. Было многолюдно, шумно и весело, как и должно быть в юбилейные дни.

В лесу, в ста шагах от келейного корпуса на опушке, на маленькой поляне среди молодого ельника — совсем миниатюрное, как игрушечное — кладбище: всего несколько скромных могил с крестами. Среди других — недавно преставившаяся игуменья Антонина, много сделавшая для процветания монастыря в своей земной жизни.

Взор входящего на территорию монастыря прежде всего поражают линии суховато-строгого модерна в облике православного храма Святой Троицы. Сказывается приверженность автора проекта канонам финской архитектуры. А крутом — удивительно патриархальный сельский пейзаж. Как будто это обычная здешняя ферма. Уютная грунтовая аллея, окаймленная плакучими березами, ведет к старому деревянному хозяйскому дому, где раньше были кельи. Вокруг огородные грядки, поля, да пологий пустынный берег озера.

Все сестры и послушницы — а их сегодня всего девять — как и прежде, усердно занимаются сельскохозяйственными работами: садом, огородом, пчеловодством. Держат также овец. Но главный источник дохода — построенный в 1967 году свечной заводик. Линтульский монастырь отвечает за производство свечей в Финляндской православной церкви. В 1988 году завод был перестроен и переоборудован, и теперь он непрерывно выпускает свечи для всей Финляндии. Эти белые и желтые свечи можно увидеть в любой православной церкви страны. На

них уходит в год до 8 тонн пчелиного воска, поставляемого из Англии.

Летом монастырь открыт для финских и иностранных туристов-паломников, приезжающих со всех концов света. Сестры охотно знакомят их с монастырем. Туристов привлекает также сувенирная лавка и кафе в старом здании имения, где продаются рукоделия сестер.

И, глядя на эту идиллию, трудно поверить, что у этой мирной обители такая сложная и драматическая судьба...

СПАСЕННЫЕ РЕЛИКВИИ И ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ



В самом сердце озерного края Саймы, в провинции Саво расположен крупнейший город Восточной Финляндии Куопио. Помимо прочего, это — центр православной церкви Финляндии. Здесь находится и Музей православия, имеющий лучшую в стране коллекцию ценных икон и церковной утвари.

В коллекции много ценных предметов из Валаамского, Коневецкого и Печенгского монастырей. И это не случайно. Ведь сравнительно недалеко находится Новый Валаам, а некогда в число его братии влились и монахи с Коневца и из Печенги, покинувшие в годы «Зимней войны» свои обители. Они постарались забрать с собой самые дорогие реликвии, однако в первое время с помещениями было тяжело, хранить ценности было просто негде, вот многие из них и оказались в Куопио.

А в музее есть вещи по-настоящему бесценные — и как произведения искусства, и как святыни.

Основу его собрания составляют предметы из Епархиального древлехранилища — Музея церковных древностей, созданного в 1912 году при Валаамском монастыре на Ладоге и насчитывавшего 840 уникальных экспонатов. Самые старые предметы восходят к XIV веку. Музей был перевезен в Куопио в 1957 году, в нынешнем здании работает с 1969 года. Собрание музея — кресты прекрасной работы, иконы в роскошных окладах и другие са크ральные предметы — настолько богато и интересно, что знакомству с ним надо посвятить не один час.

Так, почти как единое целое, к тому же пополненное из Коневецкого и Печенгского монастырей, собрание Валаамского древлехранилища сохранилось до наших дней.

А на самом севере озерного края, в двух-трех часах езды от Куопио, лежит небольшой городок Иисалми. На туристической карте Финляндии он известен в основном тем, что в нем расположены самый маленький в мире — всего на два места — ресторан (он даже фигурирует в Книге рекордов Гиннеса) и старый пивной завод Olvi. А посетители из России вообще не очень часто заезжают сюда. Но, когда побывал в Иисалми, я обнаружил: очень напрасно...

Земли этой части Финляндии никогда не были сосредоточием православного населения. Однако именно здесь, в Иисалми, расположен любопытнейший православный культурный центр.

...В XVII веке, когда Швеция завладела Северным Приладожьем, местные карелы, спасаясь от шведов и их попыток обложить их непомерными налогами и обратить в лютеранство, стали переселяться на тверские земли. И сегодня несколько десятков тысяч жителей Верхневолжья говорят на карельском языке и зовутся тверскими карелами.

Спустя три века Приладожье снова узнало, что такое массовая эмиграция: его жители, карелы и финны, ушли уже на запад, спасаясь — вот парадокс истории! — теперь от русских, а точнее, от Сталина, который в «зимнюю войну» 1939—1940 годов оккупировал, как оказалось, уже навсегда эту часть Финляндии. Так получилось, что значительная часть этих беженцев поселилась в районе Иисалми, почти в центре страны.

Из переселенцев в 1950 году сложилась община, которая спустя семь лет построила свой храм, освященный в честь пророка Илии, а в 1988 году около церкви появился и Карельский православный культурный центр. В иконостасе храма можно увидеть много старинных икон, принесенных из Приладожья: самой древней 300 лет. Главный светильник церкви — из Старого Валаама.

Но больше запомнилась мне икона в собрании культурного центра, изображающая Матфея, Симеона и Фому — на ней можно увидеть следы от болтов и какие-то уродливые скобы. Некогда она висела в храме в Салми

(сегодня поселок в Республике Карелия), построенном, кстати, Карлом Энгелем, а во время войны советские военные использовали ее как дверь в землянку...

Церковь из Салми я тоже увидел в Карельском православном центре: здесь собрана уникальная коллекция моделей храмов и часовен, оставшихся на территории, присоединенной после войны к Советскому Союзу. Макетов здесь восемь десятков, оставленных памятников насчитывалось 120. Собрание ценнейшее — большинства этих памятников архитектуры давно уже нет, и только здесь, в Иисалми, можно увидеть то, что когда-то украшало теперь наше Приладожье...

Такая вот уникальная реконструкция, пусть и в уменьшенном виде, утраченных святынь...

Визит в Иисалми — это и возможность вспомнить о ныне забытых, если не сказать вообще у нас не известных, страницах русско-шведской войны 1808—1809 годов, которая-то и привела к созданию Великого Княжества Финляндского.

Эта война, именуемая у нас обычно Ботнической, а у наших соседей Финской, хотя и прибавила новых лавров русскому воинству, не стала знаменита в народной памяти — ее заслонила собою Отечественная война 1812 года. В истории же Финляндии это — ключевой этап: итогом войны стало присоединение бывшей шведской провинции к Российской империи, объединение национальной территории, в рамках которой началось формирование финляндского народа и его государственности. Поэтому стоит, хотя бы кратко, напомнить об основных событиях этой войны.

В феврале 1808 года войска царя Александра I вторглись в шведские владения, начав последнюю в истории русско-шведскую войну. О причинах ее можно говорить много, указав и договор о разделе Европы Наполеоном и Александром в Тильзите, и политику Англии, и стремление России раз и навсегда обезопасить свои северные границы от попыток шведского реванша. Шведы в Финляндии сначала оказались совершенно не готовы к сопротивлению. Их армия, состоявшая боль-

шей частью из местных уроженцев, отступила до Ботнического залива почти без серьезных боев, сильная Свеаборгская крепость сдалась русским без единого выстрела. Однако затем шведско-финская армия, получив поддержку Англии, усилила сопротивление, нанеся противнику несколько чувствительных ударов, а кое-где и потеснив его на восток. В ряде мест против завоевателей крестьяне начали партизанские действия, что, впрочем, было следствием не столько патриотизма финских подданных шведского короля, сколько ответом на реквизиции русских казаков и солдат. Дважды стороны заключали перемирие, которое царь Александр тут же отменял. В итоге победа осталась на стороне русского воинства, которому не стали преградой ни дебри Финляндии, ни льды Ботнического залива. По Фридрихсгамскому миру 5 (17) сентября 1809 года Финляндия и Аландские острова отошли к Российской империи, а покоренной стране царь Александр даровал самую передовую в Европе конституцию. Как писал профессор российских исследований Хельсинкского университета Тимо Вихавайнен, «эта война, не бывшая для финнов победоносной, тем не менее в середине XIX века стала у нас вдруг очень знаменитой. Широкую известность ей принес национальный поэт Финляндии Рунеберг, и финское общество ее знает главным образом через поэму "Рассказы прапорщика Столя", которая, несмотря на то, что была опубликована на шведском языке, сыграла огромную роль в формировании финляндского самосознания и национальной идеи. Причем "Рассказы прапорщика Столя", собственно, не являются антирусской книгой — два-три стиха поэмы написаны с явной симпатией к русским, а главные отрицательные ее герои — шведы. Король Густав IV Адольф описан как полусумасшедший, командующий армией Клингспор — как бездарный трус, а комендант Свеаборга Крунстедт — вообще как предатель. Финский народ воевал и спас свою честь, говорит Рунеберг, русские были достойными противниками, а шведы войну проиграли заслуженно. Несколько поколений финнов знали

“Прапорщика Столя” наизусть, причем в начале XX века книга приобрела новое, антирусское, значение и в этом качестве преследовалась царскими жандармами». Одно из самых значительных — и, сразу скажем, неудачных для русской армии — сражений произошло именно под Иисалми, который тогда был известен как Иденсальм.

В июле 1808 года в Северном Приладожье перешел границу русский отряд генерала Алексеева. Хотя русские и были численно вдвое сильнее шведов, в лесных маневренных боях они проиграли противнику вчистую. Сам генерал едва прорвался в своей карете через вражеские заслоны, при этом от предназначавшейся ему пули финского егеря погибла сопровождавшая Алексеева в походе супруга. Потеряв более 200 человек убитыми и 30 пленными, русские отошли к Сердоболу (Сортавале). В августе 1808 года неудачливого Алексеева сменил на посту командующего Сердобольской группой войск еще один герой той войны — молодой, амбициозный и уже знаменитый полководец, фаворит царя Александра — генерал-адъютант князь Михаил Долгорукий. И вот именно этот человек и заслуживает отдельного и подробного рассказа в контексте повествования о Иисалми и Ботнической войне.

Князь Михаил Петрович Долгорукий, младший брат князя Владимира, родился 19 ноября 1780 года. Он, после хорошего домашнего образования, начал службу в пятнадцать лет ротмистром в Павлоградском легко-конном полку, в 1796 году, под командой старшего брата, участвовал в Персидском походе. В 1800 году он был переведен в Преображенский полк, зачислен в свиту и произведен в полковники. В этом же году, 19-летний полковник, сопровождая генерала графа Сиренгиортена, назначенного комиссаром по размену пленных, побывал в Париже, который произвел на него громадное впечатление. Обширные, разнообразные и основательные познания князя Долгорукого, одаренного от природы живым умом, обеспечили ему симпатии парижан, в том числе и французских ученых, которых он усердно посещал. Сам Наполеон оказы-



Князь Михаил Долгорукий

вал ему большое внимание, нередко с ним беседовал и перед его отъездом подарил ему пару пистолетов.

По возвращении в Россию, в апреле 1801 года Долгорукий был назначен флигель-адъютантом, а затем отпущен путешествовать за границу для окончания образования. Незадолго до Аустерлица князь был послан в Берлин с дипломатическим поручением, а в день боя при Аустер-

лице был ранен пулей в грудь навывлет и награжден золотой шпагой и орд. Св. Георгия 4 степени. В 1806 году он получил Св. Владимира 3-й степени за Пултуск. В 1807 году ему вновь удалось выказать свои военные способности — в сражении при Морунгене, где, командуя Курляндским драгунским полком, в тылу французского корпуса он ворвался в город и уничтожил обозы неприятеля. «От карет и верховых лошадей до последней рубашки Бернадота, все досталось в добычу предприимчивым исполнителям этого подвига», — говорил Денис Давыдов, а генерал граф Беннигсен писал: «Этот ловкий набег был сделан с такою же храбростью, как и осторожностью»... Те же качества он выказывал и позже, за что был представлен к новым наградам и пожалован в генерал-адъютанты.

В донесениях Михаила Долгорукого государю всюду видна ясность изложения, точное исполнение поручения и интерес к делу. Отзывы современников почти единогласно свидетельствуют о его военных талантах. Он сам считал страсть к войне своей «сильнейшей страстью». «Этот молодой человек, — писал Беннигсен, — имел все качества, необходимые для военного человека. При непрерывных занятиях военными науками, он обладал большим умом, здравым суждением, обдуманною рассудительностью, положительным, установившимся характером. Он был серьезен при необходимости, весел и оживлен, когда нужно было ободрять и воодушевлять; он был предприимчив, но с осторожностью, и храбр без слишком большой отваги».

Одним словом, князь Михаил Долгорукий был настоящий боевой офицер и герой.

Получив в 1808 году назначение в действующие в Финляндии войска начальником Сердобольского отряда в корпусе И.А. Тучкова, он заставил шведов отойти к Йознсуу и затем проник в сердце Финляндии — губернию Саво. Здесь, у деревни Кольёнварта близ Иденсальма, 15 (27) октября состоялось сражение между войсками Долгорукого, Тучкова и шведского полковника Сандельса. Шведы отбили наступление русских. Однако, не в силах держаться, после 24-часового перемирия для эва-

куации убитых и раненых начали отход, понеся на дорогах отступления куда большие потери от холода, голода и болезней, чем в битве, в которой погибло всего 34 человека. Куда выше были потери русских — 221 убитыми и 73 пленными. Самой тяжкой утратой была гибель командующего — 28-летнего князя Долгорукого.

Князь погиб геройской смертью. Очевидцы-участники этого сражения рассказывали, что он бесстрашно шел «впереди Навагинского и Тенгинского полков на шведские укрепления с трубкой в зубах, с зрительной трубой в руке, в расстегнутом сюртуке и с Георгием на шее», когда был сражен пушечным ядром, пробившим насквозь его тело...

Гибель блестящего офицера сама по себе была трагедией. Но за ней стояла еще и личная драма.

Князь Михаил Петрович умер холостым. Обладая весьма приятной наружностью, красивый собой, он пользовался большим успехом у женского пола. В бытность свою в Париже он стал любимцем тамошних салонов. Князь П.А. Вяземский рассказывает в своих воспоминаниях, что знаменитая красавица княгиня Евдокия Голицына (*Princesse Nocturne*) была очень влюблена в князя Михаила, и лишь вследствие отказа ее мужа не состоялся ее развод.

Но, говорят, кто действительно с нетерпением ждал возвращения из Финляндии князя Долгорукова, так это великая княжна Екатерина Павловна. Да, та самая, которая приходилась бабушкой поселившемуся в Ранталинне под Иматрой принцу Ольденбургскому.

Обворожительная великая княжна Екатерина Павловна — одна из самых ярких звезд русского двора начала XIX века. Она сочетала в себе изящную красоту, тонкий ум и немалое честолюбие. Александр обожал сестру и считал ее одним из самых близких своих друзей. Г.Р. Державин посвятил ей одно из своих восторженных посланий. В нее был влюблен князь Петр Иванович Багратион. Современники единодушно признавали неотразимое обаяние Екатерины, ее высокую образованность, но также и несколько высокомерный, желчный

нрав. Екатерина Павловна пользовалась такой популярностью, что, по слухам, вроде бы даже существовал план возведения её на престол вместо Александра после неудач императора на военном и международном поприще в 1807 году. К тому времени Екатерина чуть было не сделалась вюртембергской принцессой, а потом австрийской императрицей. Теперь же, заключив союз с Россией, Наполеон через Талейрана начал зондировать почву, «чтобы укрепить деяния и династию императора новым брачным союзом». Он уже подумывал о разводе с Жозефиной и женитьбе на какой-нибудь принцессе. Таким шагом он рассчитывал добиться признания своей узурпаторской династии, на которую европейские монархи посматривали косо. Единственной подходящей по возрасту сестрой Александра в то время была Екатерина. Жена Александра императрица Елизавета Алексеевна писала своей матери: «Я считаю, что она очень хорошо с этим справится. Ей нужен муж и нужна свобода, хотя я сомневаюсь, что она обретет ее в замужестве». Но Александр не хотел расставаться с сестрой. К тому же отдать Екатерину в руки этому «чудовищу»! Позже Александр обвинял Екатерину с герцогом Георгом Ольденбургским, находившимся на русской службе.

А пока великая княжна Екатерина Павловна увлеклась молодым, красивым и умным князем Долгоруким, и он отвечал ей тем же. Император Александр Павлович не противился их любви и даже браку. Лишь вдовствующая императрица не соглашалась на это, пока наконец усиленные просьбы любимых сына и дочери не склонили ее на согласие. Государь, как говорят, немедленно уведомил об этом Долгорукова собственноручным письмом, которое послал с фельдъегерем. Заодно царь жаловал князю чин генерал-лейтенанта и орден Александра Невского.

Фельдъегерь прибыл в Иденсальм 17 октября 1808 года, через два дня после гибели князя.

Счастье влюбленным было не суждено. Князя Михаила Петровича привезли в гробу в столицу и похоронили в Благовещенской церкви в Александро-Невской лавре. В последний путь его провожали царь, войска и невеста.

Удивительно, но Долгорукий — персонаж истории, куда более известный в Финляндии, чем в России. Портрет несчастного князя украшает финские учебники истории, а в мемориальном комплексе на поле битвы при Кольёновирта стоит памятник ему. Для финнов Иисалми — одно из самых известных мест в их военной истории. Парк-музей Кольёновирта расположен в 5 километрах от центра города и туда приезжает немало в основном финских туристов, чтобы увидеть памятники полковнику шведской армии Сандельсу, выигравшему битву, и русскому князю Михаилу Долгорукому, так геройски и трагически погибшему.

Да, стоит совершить путешествие в финскую глубину, чтобы открыть для себя новые страницы отечественной истории.

«ДРУГАЯ» КАРЕЛИЯ



Карелией мы привычно называем республику на северо-западе России.

Однако шире Карелия — это целый большой регион к северу от восточной части Финского залива. Недаром местность между Ладожским озером и Финским заливом носит название Карельский перешеек. Своя Карелия есть и в Финляндии. Некогда финской Карелией был и Карельский перешеек с Выборгом, и все Северное Приладожье, включая Суйстамо.

Теперь, после Второй мировой войны, это два региона на востоке страны — Южная Карелия с центром в Лаппенранте и Северная Карелия с центром в Йозенсуу.

Карелия в Финляндии — понятие скорее историческое и культурное. Чистокровных карелов там почти не осталось, большинство из них влились в состав финского этноса, утратив свой язык. Карелы, которые всегда находились под значительным русским влиянием и издавна православные, в нынешней Финляндии — это те же финны, только с некоторым «русским привкусом» в виде своеобразной, сугубо местной лексики, своей архитектуры и своих традиций. Одним словом, ныне это — культурно-конфессиональная группа населения, ибо многие из них до сих пор исповедуют православие.

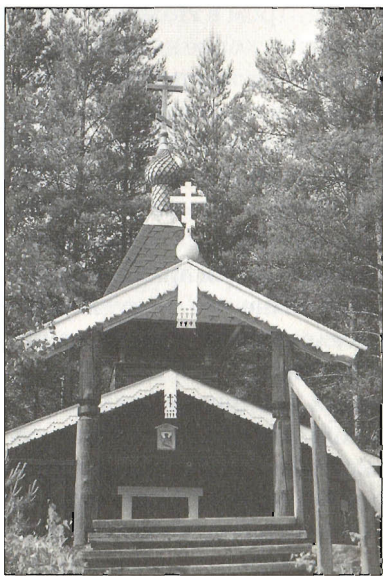
Но в то же время в Карелии все финны видят свои корни, истоки традиций и хранилище этих старых культурных традиций, которые исчезли на остальной территории страны. Ведь именно в Карелии — российской и финской — Элиас Леннрот собрал руны, из которых затем составил единый эпос «Калевала», почитаемый в Финляндии наравне с Библией. Так что Карелия для финнов — причем вся, в ее прежних исторических пределах, а не поделенная государственной границей — это некая

ностальгия, мечта о прошлом. И ко всему карельскому в Финляндии относятся очень трепетно.

А между тем «наша» и финская Карелия по-прежнему очень похожи, ведь корни-то у живущих там людей — общие.

...Если ехать вдоль восточных берегов Саймы на север от Иматры, в сторону Савонлинны и Йоэнсуу, проезжаешь местечко Париккала. Там, на горке у шоссе, зажатом между Саймой и нынешней российской границей, стоит православная часовня. У нее можно стать свидетелем настоящих православных праздников с крестным ходом, которые зовутся здесь «праасниекка». Еще севернее, к востоку от Йоэнсуу, таким же православным центром является местечко Тохмаярви, где, если бы не финская речь, кажется, что оказался в «нашем» карельском селе.

Но, наверное, самый любопытный памятник сельских карельских традиций в современной Финляндии можно найти в городке Нурмес, который лежит у



*Часовня в Париккала
в честь Святителей,
учителей Карельских*

северной оконечности большого озера Пиелинен. В путеводителях его обычно именуют «городом березовых аллей».

Но помимо березовых аллей Нурмес еще известен своей «Бомбой». Нет, ничего милитаристского или военного в городке нет. Просто созвучие названий. Хотя, пусть и опосредованная, но связь с военными годами у комплекса, носящего это имя, есть.

Название «Бомба» носит курортный центр, который вырос на берегу озера Пиелинен. Центр этот, как и на первый

взгляд его название, весьма необычен: здесь воссоздана целая старинная карельская деревня, наподобие тех, что стояли некогда в районе Суоярви, до 1940 года финской территории. Выросла она вокруг огромного дома, сооруженного в 1855 году крестьянином Егором Бомбиным для своего сына Дмитрия. Дом этот простоял до 1930-х годов, а спустя сорок лет его возродили на новом месте, дав усеченное имя его владельца всей деревне.

Дом, как и многие традиционные постройки Карелии, поистине огромен. Ведь под одной крышей было «собрано» пятнадцать различных помещений — не только жилых, но и хозяйственных! Поэтому длина дома — 25 метров, ширина — 10.

Традиция возводить такие дома-крепости возникла из-за сурового климата Карелии и прочности семейных связей. Зимой, когда все засыпало снегом, для удобства хозяйства лучше было все «иметь под рукой» — и коровник, и амбар, и склад, и стойло для лошадей. Их пристраивали, а точнее, «встраивали» в жилой дом. А так как карельские семьи были большие, то, когда сын женился и начинал жить самостоятельно, он не съезжал от родителей, а дом просто расширяли, достраивали. И еще карелы очень любили украшать свои дома — и резными причелинами, и декоративными балкончиками под окнами — гульбищами.

Так вот и вырастали такие нарядные дома-крепости, где можно было и крепкой семьей жить, и зиму легче провести.



*Резные детали фасадов
расписаны разными цветами*

Только вот в так называемой «шведской» Карелии — той части Карелии, которая входила в состав еще шведской Финляндии, то есть до начала XIX века, дома строили на каменном фундаменте. А в «русской» Карелии, которая никогда не была под шведами, в том же Суоярви, такого не увидишь.

В общем, «Бомба», как и соседние дома, почти ничем не отличается от тех, что разбросаны по деревням российской Карелии и собраны на острове-музее Кижи. Только вот наряднее здесь они, чем в России — резные детали фасадов еще и расписаны разными цветами. Оказалось, и это — не отличие. Просто в России давно уже не подновляли росписи — чистое дерево выглядит как-то благороднее, а может, и руки не доходят, здесь же все сделали так, как было лет семьдесят-восемьдесят назад.

И еще одна деталь — карелы, ближайшие родственники финнов и по языку, и по культуре в отличие от своих западных соседей — православные. В этом в современной Финляндии и есть их главное отличие от подавляющего большинства населения страны. Ну, еще и в языке, точнее не в языке, а в некоторых словах русского происхождения, которые сохранились в карельской лексике.



На окраине Нурмеса выросла настоящая карельская деревня

Постепенно рядом с домом Бомбина выросла целая этнографическая деревня из множества таких же и похожих домов. А по соседству возник и оздоровительный центр — с саунами, бассейнами и прочими развлечениями для поднятия тонуса и бодрости духа. И приезжают сюда не только поправить свое здоровье, но и окунуться в мир старой карельской культуры.

Правда, не все могут понять указатели с надписями по-карельски. Так, кстати, было и со мной, но помог мой родной русский. Над туалетом в главном административном корпусе вместо привычных букв над дверями «М» и «N» (соответствующих в Финляндии русским «М» и «Ж») было написано: Muuzikat и Akkat. Не сразу я сообразил, что «Аккат» — это «Бабы» (благо как раз до этого был на соседнем горнолыжном курорте Коли, где одна из вершин носит имя Акка-Коли, и мне объяснили, что «Акка» — это «Баба»), а «Муузикат» — это ничто иное, как «Мужики». Вот вам и отличие карельского от финского...

И еще «Бомба» — это некий мемориал, ностальгия по тем районам Финляндии, которые она утратила в 1940 году. Поэтому на окраине деревни, на берегу озера стоит и часовня, конечно же, православная, а рядом памятный крест, установленный в память о жертвах среди гражданского населения района Суоярви, откуда пришел прототип дома «Бомба». Боевые действия в войну 1939—1940 годов шли и там...

Кстати, такие напоминания о прошлом в финской Карелии встречаешь нередко. Например, улицы целого квартала в Йозенсуу носят имена мест, которые навсегда оказались под советской оккупацией. Там же, в Йозенсуу, я еще раз вспомнил о «Бомбе». В выставочном центре «Кареликум» среди прочих экспонатов можно увидеть и подлинные части первоначального дома Бомбина, еще из Суоярви!

А вообще в «Кареликуме», который действует уже десять лет, собрано множество любопытного, касающегося карельской культуры. А также всего того, что относится к нашему общему с Финляндией прошлому. Поэ-



Такие деревенские дома-замки типичны для Карелии

тому, посмотрев оригинальные части сруба Бомбиных, костюмы и украшения карелов разных регионов, макет города Сортавала — какой она была накануне «зимней» войны, принялся с интересом изучать выставку фотографий 2002—2003 годов, посвященных «финскому Петербургу»...

КОЛЫБЕЛЬ ПОСЛЕДНИХ РОМАНОВЫХ



Местом рождения великого князя Владимира Кирилловича, наследника престола и многие годы главы фамилии Романовых, указывается Борго, Финляндия. В этом есть некоторая неточность. Старинный город Борго, лежащий в пяти десятках километров к востоку от Хельсинки, сегодня известен под финским именем Порво. Но главное в другом. Первым кровом для последнего из династии Романовых, родившегося в Российской империи, и местом, где его крестили и нарекли Владимиром, была усадьба Хайкко в шести километрах от Порво.

Хайкко известное в Финляндии место. В поместье не раз бывал один из крупнейших финских художников Альберт Эдельфельт — его студия, где он создал более двухсот работ, находилась в полукилометре от Хайкко. А финский национальный поэт Юхан Людвиг Рунеберг тридцать летних сезонов провел в доме на соседнем острове.

Усадьба сегодня превращена в фешенебельную гостиницу, наподобие тех, что существуют в старинных поместьях и замках Центральной Европы. Она расположена на возвышенности и окружена лесом, но через зеленые лужайки, сбегаящие вниз, от нее открывается вид на морской залив.

В ней ресторан с отличной кухней — его «шеф» признан лучшим поваром Финляндии, современный спа-центр, и, главное, — в доме воспроизведена подлинная атмосфера загородного поместья позапрошлого века...

Все это и делает «Хайкко» престижным отелем. Не случайно среди его постояльцев был Мика Хаккинен — знаменитый автогонщик женился на Лазурном Берегу во

Франции, однако венчался в Порво, откуда, на «официальную» брачную ночь приехал в Хайкко.

Но все-таки в первую очередь усадьба знаменита тем, что связана с русской императорской фамилией.

История усадьбы уходит в глубь веков. Впервые Хайкко упоминается еще в 1362 году — тогда эти земли принадлежали доминиканскому монастырю в Выборге. Монастырь продал поместье некоему Йонсу Олафсону, представителю семейства Стенбоков — рода весьма заметного в истории Финляндии — сам Йонс в 1451—1452 годах был командующим Выборгской крепости, а его внук — последним католическим епископом страны.

Усадьба в течение веков переходила по наследству. Как это и бывает в старинных поместьях, призрак одного из ее владельцев до сих пор является по ночам в Хайкко. Служивший в XVI веке в замке Турку, он за неповиновение шведскому королю Эрику XIV был вывезен в Стокгольм и там казнен. Но его дух возвращается в любимое имение: говорят, по ночам он на белом коне появляется на холме, который так и прозвали — «Холм Приведения».



Хайкко. Общий вид усадьбы

Но в Хайкко являлись не только призраки — в 1508 году датский флот, шедший к Порво, остановился напротив усадьбы, и ее сожгли. Одному из ее обитателей удалось добежать до Порво, прежде чем туда пришли датчане, и предупредить горожан о нашествии. Жители успели бежать, спрятав все ценности. В отместку датчане сожгли город дотла — уцелел лишь каменный собор. В 1571 году усадьбу разграбили и сожгли русские войска, а затем то же самое повторилось в 1708 и 1713 годах во время Северной войны.

В середине позапрошлого века усадьба Хайкко впервые за 400 лет была продана, и в 1871 году перешла во владение генерала Себастиана фон Эттера, который отличился в войне с турками — его семья владела затем поместьем на протяжении почти ста лет.

При Эттере в Хайкко впервые и стали гостить члены императорской семьи России. Правда, нельзя сказать, что лишь тогда они «открыли» эти места. Еще в 1809 году, когда Финляндия только вошла в состав Российской империи в качестве Великого Княжества, в Порво побывал Александр I. Промчавшись на своей тройке из Выборга всего за 20 часов (рекорд для своего времени!), он выступил в старинном соборе, том самом, который уцелел во время датского разорения, пообещав Финляндии сохранение автономии и учреждение собственного парламента. Этот парламент некоторое время вначале и собирался как раз в Порво — маленький тогда Гельсингфорс не подходил для исполнения столичных функций. В парламенте было четыре курии, и одна из них — крестьянская — заседала в большом доме с верандой, где сегодня разместился ресторан, в котором я обедал, приехав в этот город.

А в конце XIX века члены царской семьи не раз летом посещали имение. Начало этому положили великий князь Владимир с женой Марией Павловной, когда остановились в усадьбе, совершая круиз по Финскому архипелагу.

Здесь стоит сказать несколько слов об этой великокняжеской чете.



*Великий князь
Кирилл Владимирович*

Шведский журналист С. Скотт назвал Владимира Александровича «воплощением русского великого князя» и «фигурой Возрождения». Великому князю Владимиру не чуждо было честолюбие: он считал, что сам мог бы при соответствующих условиях занять императорский престол. А «ренессансность» Владимира проявлялась в широте его интересов, простиравшихся от охоты до серьезных занятий живописью и покровительства русскому балету, прежде всего такому талантливому его организатору, как С.П. Дягилев. Он собирал

старинные русские иконы и полотна русских живописцев — мало кто знает, что именно он после первой выставки приобрел картину Репина «Бурлаки на Волге».

А о Марии Павловне князь В. Шаховской писал в своих мемуарах, что ее «заветной мечтой являлось видеть одного из своих сыновей на Российском Престоле».

Побывав однажды в Хайкко, Мария Павловна часто стала приезжать туда вместе со своей дочерью Еленой. Позже Елена вышла замуж за греческого принца Николая, и они со своими детьми тоже довольно долго жили в Хайкко. Стоит также добавить, что позже в имении гостили и князь Гавриил Константинович, и великий князь Георгий Михайлович.

На рубеже веков в Хайкко шла великосветская жизнь — с балами и зваными ужинами. Примечательно, что как раз после знакомства на одном из этих балов с семейством Романовых работавший неподалеку жи-

вопи́сец Альберт Эдельфельт был приглашен в Санкт-Петербург в качестве придворного живописца и вскоре был избран в Академию художеств...

Одним словом, не случайно сын Владимира Александровича и Марии Павловны, великий князь Кирилл Владимирович, из охваченного смутой Петрограда в июне 1917 года уехал с дочерьми в Хайкко. Немного позже к нему присоединилась и его жена Виктория, приходившаяся внучкой британской королеве Виктории.

Существуют легенды, будто великий князь, опасаясь ареста, бежал из революционного Петербурга с беременной женой на руках и с двумя девочками-дочерьми по льду Финского залива. На самом деле он спокойно выехал в Великое Княжество Финляндское, в то место, где уже не раз бывал. Злые языки утверждают, что Кириллу Романову это удалось благодаря тому, что он чуть ли не приветствовал Февральскую революцию в Петрограде, поднял над своим дворцом красный флаг и щеголял с красным бантом. Правда это или нет, сказать трудно, но в трусости его едва ли можно было обвинить. Он был морским офицером, сражался в Русско-японскую, и был одним из немногих оставшихся в живых офицеров и матросов броненосца «Петропавловска», взорвавшегося 31 марта 1904 года, когда погибли стоявшие рядом с ним на палубе художник Верещагин и адмирал Макаров...

Как бы то ни было, Кирилл Владимирович, единственный из ближайших родственников царя и один из возможных наследников престола, избежал в 1917 году ареста и укрылся в облюбованном еще его родителями поместье. В том же 1917 году, 30 августа, у князя родился сын, нареченный при крещении в Хайкко Владимиром. Он стал последним из Романовых, кто родился в Российской империи: меньше, чем через четыре месяца Финляндия провозгласила свою независимость. И ему суждено было стать главой рода Романовых, рассеянного ныне по всему миру.

Великокняжеская чета прожила в Финляндии несколько лет. Кирилл хотел быть ближе к России — ситу-



*Великий князь
Владимир Кириллович. 1988 год*

ация в первые годы после революции могла там склониться в любую сторону. А Кирилл был следующим в порядке династического старшинства после убитых Николая II, цесаревича Алексея и великого князя Михаила Александровича. Так что вопрос о престолонаследии мог возникнуть в любой момент.

Но в Финляндии тоже было беспокойно. Кирилл рисковал — там тоже орудовали «свои» красные, и он вполне мог разделить участь своего родственника, великого князя Георгия Михайловича. Получив разрешение от Временного правительства уехать в Финляндию, тот был в апреле 1918 года остановлен красным патрулем (тогда в Финляндии чуть было не установилась советская власть, и лишь твердая позиция Маннергейма сорвала эти планы) в Гельсингфорсе. Финские большевики передали великого князя своим петроградским коллегам, и в январе 1919 года его расстреляли.

Поэтому из Финляндии, где тоже шла гражданская война, Кирилл Владимирович со своей семьей уехал в Европу — сначала в Швейцарию, потом в Германию и во Францию, купив поместье Сен-Бриак в Бретани. В 1922 году он издал акт о принятии Блюстительства Императорского престола, а спустя два года специальным манифестом принял титул Императора Всероссийского. Так сбылась мечта его матери, о которой писал Шаховской...

После смерти отца в 1938 году главой Российского Императорского Дома стал его родившийся в Хайкко сын Владимир Кириллович.

Но вернемся в Финляндию, в поместье в окрестностях Порво.

Все усадебные дома, существовавшие в Хайкко на протяжении веков, были построены из дерева и — увы! — не жили долго. Так было и с домом Эттеров. 1 января 1911 года их поместье загорелось. Пожар уничтожил все здание, спасти ничего не удалось. Эмилия Эттер, проводившая зимы на Французской Ривьере, получила телеграмму: «Дом горит. Фредерик». Она не нашла ничего другого, как ответить: «Вызови пожарную команду».

Новое здание было возведено в 1913 году по проекту известного архитектора Армаса Линдгрена, однако строительные и отделочные работы завершены так и не были. Поэтому, когда там жил Кирилл Владимирович с семьей, усадьба находилась не самом лучшем виде. А потом она еще долго пребывала в запустении. И когда в 1965 году Хайкко приобрели нынешние хозяева — чета Сату и Лео Вуористо, в гостиной через крышу было видно небо.

Но они были полны энтузиазма, и спустя год превратили историческое поместье в фешенебельную гостиницу. В Музее финской архитектуры им удалось разыскать оригинальные чертежи Линдгрена. Были достроены терраса с колоннадой и третий этаж. Так усадебный дом Хайкко наконец приобрел тот облик, который и планировал создать архитектор.

Здание оснащено всеми современными удобствами, однако стараниями владельцев в нем воссоздана атмосфера конца XIX века — в ресторане, библиотеке и гостиных стоит антикварная мебель и предметы искусства, собиравшиеся на протяжении десятилетий. А спускающийся к морю усадебный парк площадью 14 гектаров представляет собой произведение ландшафтного дизайна.

Усадьба превратилась в популярное место отдыха и проведения семинаров и корпоративных мероприятий — для этого по соседству был построен отель с конгресс-центром и спа с бассейном, сауной и фитнес-центром. «Княжеский люкс» в старом здании усадьбы давно «облюбовали» новобрачные. Любители романтических



*Портрет Авроры Карамзиной
работы неизвестного автора
из усадьбы Хайкко*

прогулок приплывают в Хайкко на катерах, а особенно важные гости могут прибыть и на вертолете.

Ну а старина и история поместья напоминают о себе повсюду. И все здесь, так или иначе, связано со старой Россией и Романовыми.

В парке, у берега моря, стоит «Романовская» беседка, в усадебном доме один из залов носит имя «Романовская столовая», а в ресторане отеля есть специальное меню а la

Romanov с супом из гусиной печени, жареными в сметане белыми грибами, бараниной под черничным соусом и клубникой «по-романовски»...

Но прошлое усадьбы живет не только в названиях. Повсюду можно видеть старинную мебель и картины, связанные с историей усадьбы.

Среди висящих на стенах портретов любой посетитель Хайкко наверняка обратит внимание на один — молодой красивой женщины. Это Аврора Карамзина.

Неизвестно, бывала ли Карамзина в Хайкко — возможно... Но то, что она была связана — прямо или косвенно с людьми, которые здесь бывали, это точно. Да и вообще она — само воплощение Финляндии XIX века, когда местное, русское и шведское здесь жило неразделимо друг от друга...

Один из исторических залов усадьбы обставлен старинной мебелью из березы, созданной по эскизам художника Луиса Спарре. Это имя тоже заслуживает отдельного рассказа.

Спарре был женат на сестре бывшего царского офицера, маршала и президента Финляндии Маннергейма

Еве. Другая его сестра, Софи, была женой Ялмара Линдера, богатейшего финского аристократа-заводчика, который был внуком ссыльного декабриста Мусина-Пушкина и Эмилии Шернваль, сестры Авроры Карамзиной! Имя Спарре носит один из залов усадебного дома, в истории которого соединилось столько судеб.

...Рядом со старыми портретами в дорогих рамах — современные цветные фотографии. На них несложно узнать великого князя Владимира Кирилловича, но уже далеко не в нежном детском возрасте.

Оказывается, прежде чем в ноябре 1991 года приехать впервые в Петербург, на родину своих предков, Владимир Кириллович приезжал в Финляндию. Со своей женой Леонидой, дочерью Марией и ее сыном Георгием 28 августа он прибыл в Хайкко в качестве почетного гостя. И здесь, 30 августа он в торжественной обстановке отпраздновал свое 74-летие.

Тогда-то глава Российского Императорского Дома со своей женой, дочерью-наследницей и внуком и были запечатлены на фотографиях.

Так появившийся в Хайкко на свет великий князь вновь побывал здесь незадолго до смерти. Он словно предчувствовал ее и спешил повидать те места, где появился на свет. Это был последний день рождения Кирилла Владимировича. В апреле следующего года он скончался в Майами...

Как для первых Романовых в России колыбелью был Ипатьевский монастырь, так и для последних таковой стало финское поместье, а ныне гостиница Хайкко.

НАД ПОРОГАМИ ТАММЕРКОСКИ



Как и все старые города Финляндии, Тампере был основан шведами. И в его шведском названии Таммерфорс — «Порог на реке Таммер» — отразилось не только его местоположение, но и дальнейшая историческая судьба...

Тампере был заложен в 1779 году по указу шведского короля Густава III. Место для создания города было выбрано не случайно: его положение на протоке Таммер (по-фински Таммеркоски), соединяющей два больших озера — Нясиярви и Пюхьярви, определили роль и значение Тампере на многие годы. Во времена, когда не было паровых, а тем более электрических двигателей, для приведения в действие заводских машин использовалась сила падающей воды, а мощные пороги на Таммере идеально подходили для этого. Еще с XVII века на порогах Таммер стояли мельницы местных крестьян, а уже в 1783 году здесь начала работать первая в Финляндии бумажная фабрика. Тем более что Густав III дал право новому городу на свободную торговлю, которое было позже подтверждено и русским императором Александром I, когда Финляндия вошла в состав России.

В начале XIX века положение города оценил и шотландский предприниматель Джеймс Финлейсон, построивший в 1820 году на берегу Таммер первую в Финляндии хлопчатобумажную фабрику, ставшую крупнейшим предприятием страны — с той поры Тампере называют финским Манчестером. Фабрика Финлейсона стала своеобразным «государством в государстве»: при ней были своя церковь, больница и школа.

Один за другим по берегам реки росли все новые фабричные корпуса, а в 1861 году здесь появляется и первый машиностроительный завод «Тампелла». Развивающейся Финляндии нужны были станки и гидротурбины, пароходы и паровозы — их и выпускал «Тампелла». Таким образом, вторая опора финской индустрии — машиностроение — тоже берет начало на берегах реки Таммер. Стоит еще



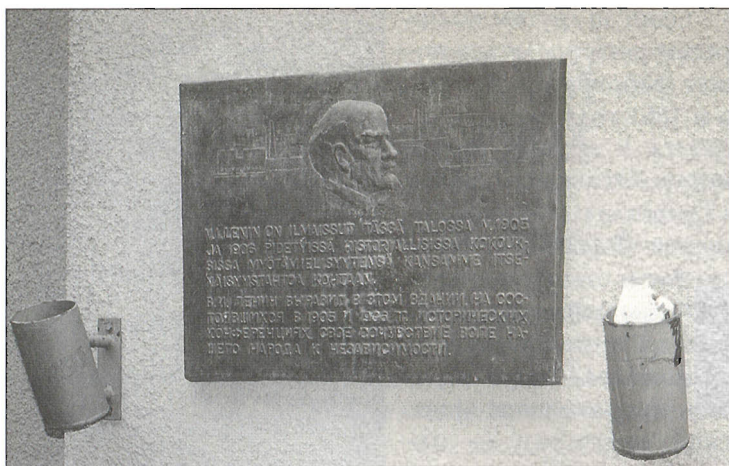
Музей Ленина в Тампере

сказать, что в 1882 году на заводе Финлейсона зажигаются первые в Северной Европе электрические лампы, а спустя девять лет на реке Таммер появляется и электростанция. Город превратился в индустриальное сердце страны.

Не случайно именно Тампере становится центром рабочего движения Финляндии — потому-то здесь так уютно себя чувствуют партийные конференции большевиков.

Однако «русские следы» в истории города появляются еще до возникновения РСДРП.

В самом центре Тампере, рядом с Таммеркоски, расположен ресторан Finlaysonin Palatsi («Дворец Финлейсона»). Прекрасное здание, в котором он размещается, было построено для управляющего финлейсоновской фабрикой Кристиана Брууна в 1897 году. Однако, рассказывают, что на том месте, где оно стоит, в свое время останавливался, а возможно, и ночевал еще император Александр II со своей свитой. И обозревал он величественные пороги с лужайки позади дворца, там, где стоит монумент с орлом, сооруженный в 1830-е или 1840-е годы и являющийся старейшим памятником города. Кстати, в



Музей разместился в здании, где проходили конференции РСДРП с участием Ленина, о чем напоминает мемориальная доска. Похоже, что цветы здесь не ставили давно

Тампере ресторан, разместившийся в Финлейсоновском дворце, известен и как Alexanderin Palatsi, «Дворец Александра»...

Но, конечно, в Тампере бывали не только русские цари. К концу XIX века здесь существовала весьма крупная православная община, и в 1899 году в городе появился православный храм, одно из самых красивых и приметных сооружений Тампере. Этот, как считают специалисты, «лучший образец неовизантийского стиля в Скандинавии», построил русский военный архитектор Т.У. Ящиков. Примечательно, что из-за сложности произношения его фамилии для финнов и ее транслитерации на финском языке, он фигурирует в некоторых справочных изданиях и как Языков, и как Яссикиов, и даже как Ямщиков.

Церковь посвятили Святому Князю Александру Невскому, и изначально это был храм русского гарнизона.

Во время гражданской войны 1918 года, церковь, как и многие другие храмы, серьезно пострадала — была разграблена и порушена. После того как Тампере в 1950 году стал центром православного прихода, церковь

восстановили. В 1961 году церковь заново освятили, посвятив двум святым — Александру Невскому и Николаю Чудотворцу.

Семь куполов — символы семи таинств и Святого Духа. В звоннице — 9 колоколов, среди которых второй по величине колокол в Финляндии, весом 4800 кг. В храме есть икона XIX века, дар Валаамского монастыря, а также фамильная икона Александра III.

Рабочий, быстро развивавшийся в конце позапрошлого века город был тесно связан с судьбами России. Это видно даже по «топографии» Тампере.

...С 1970-х годов заводские трубы финского Манчестера стали остывать. Предприятия начали закрываться или переезжать в другие места. Из бумажных фабрик в центре города сохранилась лишь одна — на ней делают качественный картон, который идет на изготовление упаковок для французских духов. Исторические промышленные здания вдоль реки теперь признаны финским национальным ландшафтом. А бывшим фабрикам и заводам находится новое применение. В здании бумагоделательной фабрики «Френкель» ныне действует театр, в «Тампелле» разместились офисы, престижные жилые квартиры, центры досуга и музейный центр «Ваприйки» («Фабрика»), в шестиэтажке фабрики «Финлейсон», построенной в 1837 году, — редакция газеты, кинотеатр, Центральный музей рабочих Финляндии, рестораны, магазины, бутики и... популярный среди горожан и туристов ресторан-пивоварня «Плевна».

Это имя — вовсе не случайное созвучие названию болгарского города, у которого произошло знаменитое сражение времен Русско-турецкой войны.

В XIX веке фабричным корпусам давали имена, вот они и получали звучные тогда в Российской империи названия. И вот бизнес-центр, унаследовав имя одного из финлейсоновских фабричных корпусов, носит название «Сиперия», то бишь «Сибирь»... Примечательно и то, что бывшая окраина, где селились рабочие, до сих пор зовется «Амури», то есть «Амур». Это название, оказывается, здесь было таким же синонимом глухомани, как



Музей Ленина в Тампере. Финская Лениниана

у нас «Камчатка». Но само имя было знакомо не понаслышке — кто-то из финнов добирался до могучей реки во времена «золотой лихорадки» на нашем Дальнем Востоке и строительства Транссиба. Вот и прозвали «Амури» дальние выселки...

Но заводские корпуса и предместья Тампере-Таммерфорса не только носили экзотические имена, но и служили оплотом рабочего движения. Социалистические идеи были весьма популярны среди финского пролетариата, и Тампере был центром революционного подъема в Великом Княжестве Финляндском.

Поэтому не случайно именно в Тампере в 1905 году проходила Первая (Таммерфорская) конференция РСДРП, на которой впервые встретились вождь мирового пролетариата Владимир Ульянов-Ленин и будущий отец всех народов Иосиф Джугашвили-Сталин. Встреча, скажем, была судьбоносной для истории нашей страны. В следующем году в Тампере проходила Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП.

Те два зала с подсобными помещениями в здании Рабочего (или Народного) дома в Тампере, где состоялась историческая Таммерфорская конференция будущей КПСС, теперь занимает музей Ленина. Заметим, един-

ственный постоянно действующий посвященный Ильичу музей за рубежом.

И в 1946 году, когда он был создан — «по общественной инициативе», — стал первым подобным музеем за пределами СССР.

Вплоть до развала Советского Союза подавляющая масса посетителей экспозиции, посвященной Ленину, составляли советские туристы, так как музей входил в обязательную программу экскурсии по Тампере. Сейчас ситуация изменилась. Несмотря на стабильное и достаточно высокое количество посетителей (10—12 тысяч в год), россияне составляют не более 3%. Чаще всего в музее бывают немцы и англичане. Даже американцев экспозиция интересует больше, чем современных россиян. Всего же в музее Ленина в Тампере бывают ежегодно представители до 70 разных национальностей. А подавляющее большинство посетителей (около 70%) составляют финны. Ведь именно в этом здании и в этих комнатах Владимир Ильич в 1905 году пообещал делегации Тампере сделать Финляндию независимым государством.

История русской революции воссоздана доходчиво и с юмором. Так, в одном зале показаны макет домика в Симбирске, где в семье директора гимназии родился мальчик Володя, картины классиков соцреализма, где Ленин «такой молодой и юный Октябрь впереди», а на противоположной стене — карикатуры на вождя мирового пролетариата.

Есть здесь и раздел, посвященный советскому дизайну. Финская писательница Роза Ликсен передала музею свою коллекцию предметов советского быта 1970-х годов. Рядом пластинки фирмы «Мелодия» — от Вертинского до песни про Крокодила Гену. Рядом гитара, банка ставриды, пачка геркулеса, стиральный порошок «Эра», радиоприемник, жестяное ведро, открытки с портретами Гагарина, Есенина, фаянсовая кружка с портретами всех советских вождей — от Ленина до Горбачева. Но это уже — перестроечный «китч».

А несколько лет назад в музее вообще проходила выставка — «Советский гастроном»!



Сувенирные пакетики кофе — «Ленин» с ароматом лесного ореха, «Че Гевара» — с ароматом рома

Можно в музее увидеть и сахарного (в прямом смысле слова) Ленина — подарок с Украины, и портрет Ленина, сложенный из зернышек. Не обошлось и без дара работы

Зураба Церетели, но он относится еще к 1964 году, и потому его размеры еще более, чем скромные.

Когда я был в музее несколько лет назад, кроме меня, по залам ходили лишь две молодые финки, похоже, случайно забредшие туда, и американец из Аризоны. Тот, напротив, был твердо намерен ознакомиться с жизнью, деятельностью и идеями человека, который оставил такой след в мировой судьбе XX века.

Музей явно не страдает от обилия посетителей, но и не оставляет впечатления забытости и запущенности.

Его директор, Аймо Минккинен, вообще полон энтузиазма и оптимизма.

Когда я с ним встречался, он сказал, что музей существует в основном на госсредства, поступающие от Министерства культуры. Помощь оказывает и Общество дружбы Финляндия—Россия. Он признался, что принадлежит к поколению 1960—1970-х, среди которого сильно было увлечение просоветскими идеями. Аймо поехал учиться в МГУ на философа, затем поднимал свой образовательный и, конечно, идеологический уровень в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Когда-то бы про таких, как он, сказали — «платный друг Советского Союза». Сейчас, конечно, совсем другое дело. Аймо выглядит человеком убежденным. А про Ленина и музей говорит: «Мы считаем, что это история, и каждый пусть по-своему все оценивает». Он высоко ценит Ленина, который, провозгласив право народов на самоопределение, предоставил независимость Финляндии. На мое робкое возражение, что это было вынужденной мерой — не воевать же на два фронта с немцами и финнами, стоявшими на подступах к Питеру! — он возразил, что Ленин о независимости его страны писал еще до 1917 года, а когда финский сейм провозгласил суверенитет, Ленин первым признал его.

Но все-таки Ильич скорее показан здесь не сам по себе, а лишь как прародитель советской истории и советского образа жизни.

И, несмотря на высокие слова директора и его идейную убежденность, в ленинском музее Тампере неволь-

но обращаешь внимание на то, что многое здесь сделано с юмором, с «приколом».

Например, есть там компьютер с интерактивным экраном, на нем: «Кто есть кто в русской истории». На экране групповой портрет самых известных персонажей отечественной истории, как на каком-то из полотен Ильи Глазунова, только гораздо более китчево нарисованных, а тем более подобранных.

И еще мне в музее очень запомнился сувенирный киоск, где можно, например, купить exploitation-free чай и кофе, то есть чайные листья и кофейные зерна, собранные без эксплуатации детского труда! И пакетики украшены портретами классиков марксизма-ленинизма и Че Гевары.

Возможно, конечно, музей держится на энтузиазме и идейной убежденности директора. Но, вероятно, экспозиция сохраняется в Тампере и для того, чтобы поддерживать имидж «города необычных музеев».

Вот ведь в музейном центре «Ваприйкки», помимо проходящих там выставок, постоянно действует Музей финского хоккея. На тихой окраине Тампере есть Музей шпионажа, где можно узнать много нового о деятельности самых известных разведчиков мира и увидеть всякие шпионские приспособления, которым бы позавидовал даже бондовский мистер Кью, а также внушительную коллекцию наручников и кандалов в подвале. Или — «Долина Муми-троллей» в здании городской библиотеки «Метсо», музей, где собрано наследие самой известной финской писательницы Туве Янсон, в том числе и потрясающие макеты домов ее книжных героев. Или, скажем, Музей кукол и костюмов в усадьбе Хатанпяя...

И единственный постоянно действующий за пределами России музей Ленина вполне вписывается в этот перечень.

«ТЕЗКА ТОРЖКА» НА РЕКЕ ПОЛНОЙ



Стоящий на западном побережье Финляндии в устье реки Аура-йоки Турку, или по-шведски Обу (у нас принято неправильное наименование Або), — старейший город Финляндии. А до завоевания Финляндии Россией в 1809 году и превращения ее в Великое Княжество, был не только крупнейшим ее городом, но и столицей этой шведской провинции.

Традиционные связи Турку со Швецией, большая доля шведского населения среди горожан, а главное — близость к бывшей метрополии, и определили решение о переносе столицы подальше на восток, в Хельсинки.

Возможно, поэтому в Турку, несмотря на то, что он всегда был и остается одним из важнейших городов страны, русских «следов» не так и много.

Однако...

Начать с того, что русские, точнее, новгородцы в этих местах появлялись еще очень давно.

В «Летописи Авраамки» под годом 6826 (то есть 1318 г.) мы находим такие строки: «Ходиша новгородци за море войною на Полную реку, и взяша два города Людерев и Пискупль, а немца избиша...» В различных списках XIV-XV веков, включенных в «Новгородскую летопись старшего и младшего изводов», под тем же 6826 годом повторяется в несколько ином изложении та же запись: «Ходиша новгородци войною за море, в Полную реку, и много воеваша, и взяша Людерев город сумьского князя и Пискупль...»

«Сумь» — это старорусское название одного из финских племен — суоми. Финский ученый Хейкки Кирккунен убежден, что в этой летописи идет речь именно о го-

роде Турку и замке епископа (отсюда и «Пискупль») в устье реки Аура-йоки. Что же касается имени Полная, то, как считает датский профессор, специалист по древним скандинавско-российским связям Джон Линд, в старинных русских документах «Полной рекой» называли широкие водные пространства (заливы, устья рек) с островами-шхерами. А таковым как раз и является устье Аура-йоки.

Так что наши предки не только отражали иноземные вторжения, но и сами, бывало, выступали в роли варягов...

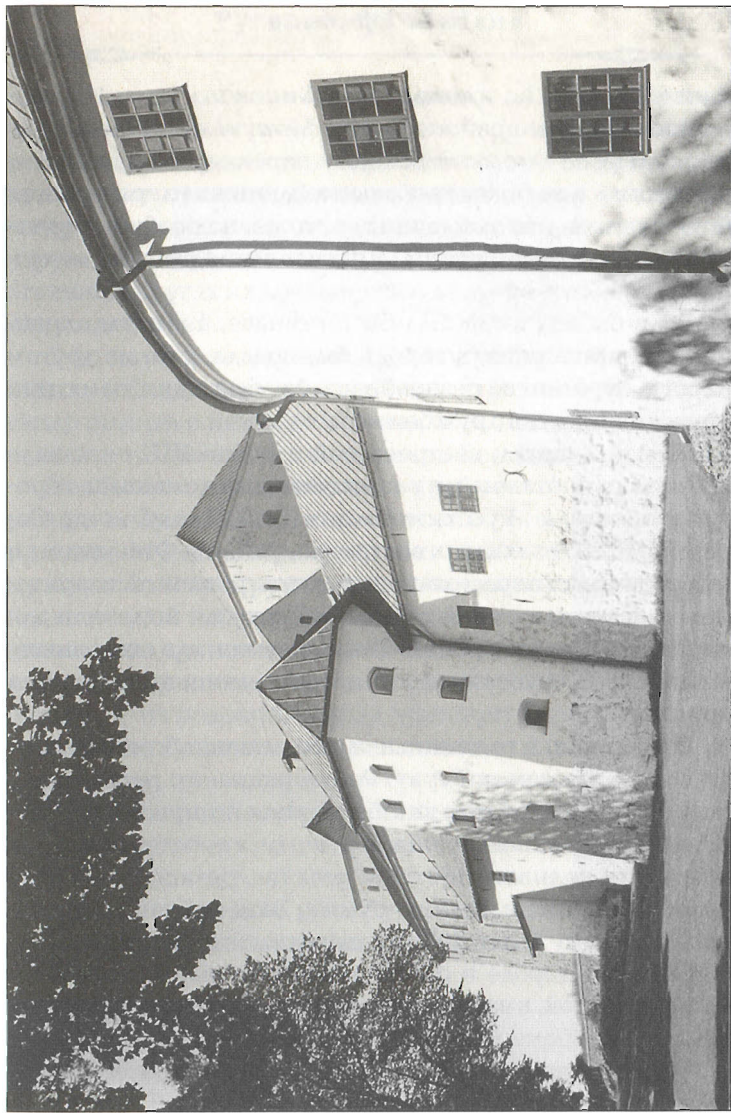
Финны же шутят, что у Турку поистине кровные связи с Россией. Причем «кровные» в буквальном смысле слова. Во времена, когда Финляндия в качестве Великого Княжества входила в состав России, в Турку стоял русский гарнизон, очень оживлявший существование благочинного города. Одним из последствий этого явилось то, что группа крови, типичная для русских, встречается здесь несравненно чаще, чем в других районах Финляндии.

Не стоит забывать и того, что именно Александр I перенес столицу Финляндии из Турку в Хельсинки — подальше от Швеции, поближе к России. А градостроитель Карл Энгель, тот самый, который немало сил вложил в украшение Петербурга, а затем отстраивал Хельсинки «по образу и подобию», после пожара 1827 года был приглашен и в Турку, для перепланировки выгоревших районов.

Это, правда, за исключением построенной им на вершине одного из холмов города обсерватории, осталось лишь в исторических анналах. А вот события Русско-японской войны начала XX века нашли свое отражение и в топонимике Турку. В городе есть квартал, зовущийся Порт-Артуром. Есть легенда, что так его впервые окрестили, неправильно расслышав какое-то слово. Но как бы то ни было, очевидно: имя квартал получил потому, что оборона Порт-Артура тогда действительно была у всех на слуху.

Как напоминание о той же эпохе, в городе стоит памятник Ленину. Хрестоматийный эпизод его биогра-

Замок Турку.
В XIV веке
его брали
новгородцы.
Во Вторую
мировую
войну
бомбила
советская
авиация,
считавшая,
видимо,
важным во-
енным
объектом



фии — бегство по тонкому льду Финского залива — произошел как раз в районе Турку. Монумент, конечно, поставили не за «ледовый поход» к пароходу, отходившему в Швецию, а за более глобальные деяния лидера русских большевиков. Но эти деяния, похоже, не особенно вдохновляют жителей Турку. Памятник выглядит явно неухоженным.

Если бы лед тогда был бы потоньше, а агенты охраны — попроворнее, в городе бы, правда, уже на другом берегу Аура-йоки, не появился бы еще один памятник «русско-финской дружбы».

Целый квартал, застроенный в конце XIX — начале XX века одноэтажными разноцветными домиками, горожане прозвали «Русским полем». В 1940 году, когда Советский Союз захватил восточные районы Финляндии и вынужденных переселенцев с оккупированной территории расселяли по всей стране, в Турку им выделили для жилья именно этот район. Так как земли, где они раньше жили, стали «русскими», то и переселенцев стали звать «русскими».

И, наконец, в те военные же годы наши бомбы здорово повредили замок Турку. Реставрация его растянулась на многие годы. А так как было решено при восстановлении замка использовать только те же материалы, что и при первоначальном строительстве, ремонт вылился в более, чем внушительную сумму. Зато сейчас сооружение, которому более 700 лет, выглядит с иголочки.

Бывали в городе и русские императоры со своими семьями и свитой, в частности — Александр III, который заезжал туда во время летних визитов на Аландские острова.

С ним, кстати, еще в бытность наследником, в один из первых визитов в Финляндию, в 1876 году, в Турку произошёл довольно неприятный эпизод.

Осматривая город, Александр и Дагмара зашли пообедать в небольшой ресторанчик на берегу реки Аура. Отведав вкусного супа из изюма, будущий император никак не мог рассчитаться за обед, ибо ничего не понимал в местной валюте — марках, право на пользование которыми даровал Финляндии его отец — император Алек-

сандр II всего десятью годами ранее в 1865 году. Привыкнув пользоваться рублями на всей территории империи Александр III, был очень раздосадован, что в Турку их не принимали к оплате. Вообще, надо сказать, финны зачастую вели себя так, словно они живут в независимой стране, вызывая тем самым озабоченность в правительственных кругах их лояльностью в случае возможных военных действий.

Этот случай не изменил, однако, любви императора к отдыху в Финляндии да и вообще к стране. Однако Александр помнил о нем и, возможно, этот эпизод даже как-то влиял на его политику в отношении Великого Княжества.

Необычное напоминание о пребывании этого императора в Финляндии можно, кстати, обнаружить в городском Музее Сибелиуса, состоящем из экспозиции музыкальных инструментов со всего мира, экспозиции, посвященной собственно композитору, и огромного музыкального архива в подвале. На клавишине предлагают поиграть туристам, а вот на клавиатуре — нельзя: клавиатура — из родового гнезда Маннергеймов. К пианино тоже не подпускают: оно принадлежало Александру III и, как говорят, стояло на его даче в Лангинкоски.

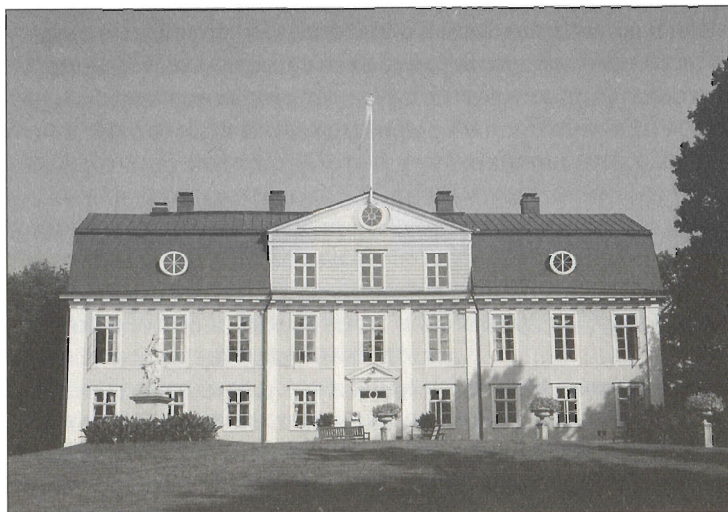
В завершение нашего рассказа о «русском» Турку можно еще добавить, что финское название города происходит от шведского *torg* — «торговая площадь», «рынок». Так что город на реке Аура-йоки к тому же и почти полный тезка нашего тверского Торжка!

КУЗНИЦА АРИСТОКРАТИИ



Старинный почтовый тракт от Выборга до Турку, которым когда-то пользовались шведские короли, а затем и русские монархи, и стали именовать «Королевской дорогой». Существует она и сегодня, хотя от той, Королевской дороги прошлых веков, практически ничего не осталось — там, где она когда-то проходила, пролегли современные автостреды. Зато остались «нанизанные» на нее старинные городки и усадьбы. Больше всего этих усадеб — на юго-западе Финляндии.

Многие поместья на западном отрезке Королевской дороги возникли при старинных заводах. Шведам было нужно железо, а для его выплавки требовалось много



Усадьба Мустуо

дров. Но шведы берегли свои леса и заводы старались сооружать в Финляндии.

Одной из таких усадеб и оказалась Мустио (или пошведски Сварто), куда мы приехали под вечер. Лес как-то незаметно перешел в английский парк, украшенный скульптурами. Среди него привольно расположились несколько белых зданий. Где-то в отдалении проглядывала гладь не то озера, не то запруды. После прошедшего легкого дождика, не убавившего, однако, августовской жары, над всей усадьбой висела, словно тончайшая вуаль, едва заметная дымка...

Как и многие другие подобные усадьбы, сегодня часть ее превращена в гостиницу. Я, занеся вещи в номер, с удовольствием там бы и задержался до ужина — после целого дня пеших прогулок и переездов в машине, больше всего хотелось душа и хотя бы полчаса отдыха. Поэтому экскурсия по усадебному музею не вызывала энтузиазма. Ну чем можно удивить меня, выдавшего не один десяток старинных усадеб — и у нас, и вообще по свету. И эти музейные тапочки-бахилы, честно говоря, не очень хотелось надевать...

Ох, как я пожалел потом об этих, слава богу, не высказанных вслух мыслях.

Вообще-то если кто-то думает, что я попал в «финскую глубинку», то ошибается. Даже в XVII-XVIII веках эти места не были глухими задворками. Как-никак Турку был вторым по значению городом Швеции, и юго-западная Финляндия была обжитым и обустроенным краем.

Усадебный дворец Мустио, или, как его иногда именуют, замок, был построен в 1783—1792 годах владельцем железоделательного завода, который основал Магнус Линдер, первый из династии шведских промышленников, обосновавшихся в Финляндии. Дела у Линдеров шли неплохо, и семейство в XIX веке стало богатейшим в стране, а с 1830 года получило и дворянский титул. Усадебный парк до сих пор считается едва ли не самым красивым в Финляндии. А во дворце приезжим с гордостью говорят, что здешний наборный паркет — самый старей в стране (потому-то и просят надевать бахилы), а окна

здания когда-то были самыми большими в этой провинции Швеции. Большие окна тоже считались предметом роскоши — крупные стекла были редки и дороги.

И что удивительно: сохранились многие из первоначальных стекол — на них, если приглядеться, видны неровности, выдающие старую ручную работу, каких не допустит современное машинное производство. А ведь в Финляндии в начале прошлого века тоже было неспокойно, тоже прошла гражданская война — а не повыбивали, не покрушили же! Да и усадьбой по-прежнему владеют Линдеры. Настоящее родовое гнездо!

Экскурсовод показывает одну из комнат: когда здесь бывали русские императоры Александр Павлович и Александр Николаевич, — они останавливались в ней. А потом мы задерживаемся у портрета красивой женщины со смелым взглядом. Это Мария Мусина-Пушкина. На ней, дочери сосланного в Великое Княжество декабриста знатного рода и Эмилии Шернваль (сестра Авроры Карамзиной), же-

нился в середине позапрошлого века один из Линдеров.

Мария Линдер была настоящей эмансипе — ездила верхом в мужском седле, пила пиво и ходила одна в рестораны. В 1863 году, во время визита Александра II в Хельсинки она осмелилась обратиться к нему с предложением о введении в стране свободы вероисповедания.

Ее сын, Ялмар Линдер, унаследовал от матери свободный нрав — для своих рабочих он ввел восьмичасовой ра-



Ялмар Линдер.
Портрет работы Луиса Снарре

бочий день, гарантировал социальное обеспечение, платил за них налоги. После гражданской войны в Финляндии он призывал не наказывать большевиков, а использовать их труд на благо родины. Но идеи национального примирения не были популярны в то время в стране, и его предложение было отвергнуто. Ялмар Линдер потерял интерес к жизни, уехал в Европу, путешествуя своим личным поездом. По Западной и Центральной Европе скиталась масса русских эмигрантов: многим из них он обеспечил бесплатный проезд. Свои странствия он закончил в Монте-Карло.



*Китти Линдер.
Портрет работы
Тини Руппректа*

Но сначала он уехал в Швецию. И симпатии к русским эмигрантам у него были неспроста. В Швеции Ялмар вынашивал планы освобождения царской семьи из екатеринбургской ссылки — даже купил для нее замок где-то в южной Швеции, но тот показался ему слишком мал, и он начал возведение большого царского дворца!

Ялмар водил дружбу и с великими князьями. Но особенно близок он был с Николаем Михайловичем, который не раз специальным царским поездом приезжали погостить в Мустио. Этот богатейший человек, владелец имения Грушевка на Украине, строитель великокняжеской резиденции в Боржомском ущелье, ученый и попечитель Румянцевской библиотеки, как-то после визита в Мустио заметил: «Теперь я знаю, как должны жить настоящие джентльмены».

Неудивительно, что после революции Ялмар Линдер хотел выкупить четверых великих князей, оказавших-



*Нынешний владелец усадьбы
Мустио Магнус Линдер,
внучатый племянник
Ялмара Линдера*

ся в руках большевиков. Он был уверен, что большевики все и заварили из-за денег, а потому предлагал за каждого из князей миллион шведских крон. Но пока во всей этой неразберихе и хаосе, царившем в России, Ялмару удалось «достучаться» до Петербурга, князья уже были казнены.

Бывал здесь и офицер царской армии, будущий маршал и президент Финляндии Карл Густав Маннергейм. Но, похоже, приезжал он сюда не только потому, что рос по соседству и в детстве жил тоже при железоделательном заводе, и даже

не потому, что Ялмар Линдер был женат на его сестре Софи (позже она прославилась своей активной работой на благо финляндского Красного Креста). Кстати, другая сестра Маннергейма — Ева — была замужем за художником Луисом Спарре, тем самым, который создал проект мебели для Хайкко. Поэтому здесь, в Мустио, со стены смотрит прекрасный портрет Ялмара Линдера его работы.

Будущий маршал, волевой и суровый офицер, был безумно влюблен в Китти Линдер, очаровательную младшую сестру Ялмара. Но та отвергла его предложение: «Выйти замуж за военного! Как это возможно?» Может, если бы Китти ведала, что перед ней не просто царский офицер, пусть и знатного рода, а человек, которому судьбой было предначертано дважды спасти Финляндию, она бы отнеслась к нему по-иному... Для Маннергейма же

Китти была любовью на всю жизнь. Его брак с Араповой был несчастным, и они развелись.

Карл Густав Маннергейм, собрав свою волю в кулак, не дал большевикам захватить власть в Финляндии, но после революции жизнь и в стране, и в Мустио изменилась.

Разочаровавшийся в жизни Ялмар Линдер проматывал последние деньги в Монте-Карло. Наследников у него, как и у остальных троих детей Марии Мусиной-Пушкиной не было... Эта линия Линдеров оборвалась, но сам род заводчиков не пресекся.

Сегодня усадьбой Мустио владеет Магнус Линдер, внучатый племянник Ялмара Линдера. Я встретил его утром, у входа в ресторан, когда он зашел в контору, посмотреть свежую почту.

Он уже больше не заводчик. Роскошный дворец его дальних предков превращен в музей. А другие постройки — в уютную гостиницу. Ресторан имеет дипломы самых престижных французских ассоциаций поваров. Плотины, некогда вращавшие механизмы заводов, стали лишь еще одним украшением романтического парка. Даже бывшая трансформаторная будка из темно-красного кирпича превращена в двухэтажный «люкс» и зовется «Башней Мерлина», по имени некогда обслуживавшего электрооборудование рабочего...

Если имя Мустио до знакомства с усадьбой и ее историей мне мало что говорило, то у другого расположенного неподалеку местечка звучит вполне расхоже. Какая домохозяйка не знает имени Фискарс, ставшего едва ли не синонимом кухонных ножей и ножниц!

От основанного там еще в 1649 году железоделательного завода остались кирпичные корпуса, где ныне разместились магазины, гостиницы и кафе — сами предприятия разбрелись отсюда по всему свету. Перегороженная каскадом плотин река и зеленые лужайки дополняют идиллический пейзаж. Ребенком здесь бегал озорной Карл Густав Маннергейм — его мать была дочерью хозяина завода фон Юлина. Отец Маннергейма, владелец богатого имения Лоухисаари, что неподалеку от Тур-

ку, промотал свое состояние — играл, гулял с любовницами в Швеции, потому-то его мать и жила у своих родственников в Фискарсе. А с 1881 года, когда у Карла Густава умерла мать, заботу о будущем маршале взяли на себя родственники. В Фискарсе и сегодня можно услышать истории про юношеские проделки Маннергейма. Он прятал дома варенье, бил камнями окна, за что его на год даже исключили из школы...

«ГОВОРИЛИ ПО-ФРАНЦУЗСКИ, НО РУГАЛИСЬ ПО-РУССКИ»



В усадьбе Виурила, что лежит еще западнее по Королевской дороге и еще ближе к Турку, нас должна была встретить госпожа Аминофф. Но мы опоздали, та была уже занята, и нас принимала ее мать, Анна-Луиза Стандершельд-Брюнингхаус. Пожилая, но подтянутая, энергичная и следящая за собой дама с благородной внешностью и трудовыми руками, встретила нас у входа в один из корпусов своей огромной усадьбы, которая в окрестностях сегодня славится своим полем для гольфа и конюшней, где можно взять на прокат лошадей.



Усадьба Виурила. Общий вид

Сооруженное в 1835 году со столичным размахом здание усадьбы в стиле ампира является творением Энгеля. Но впервые поместье упоминается еще в начале XV века, когда ее владельцем был Магнус Юханссон. Однако оно переходило от одной семьи к другой, передаваясь по материнской линии в качестве приданого, а ее владельцами были в основном прибалтийские шведы. Так было на протяжении 300 лет, пока в 1787 году усадьба не перешла генералу-майору барону Магнусу Армфельту, губернатору Турку и Пори. Его сын Густав Мауриц (Маврикий) Армфельт был хорошо известен в России как генерал. Этот владелец Виурилы водил дружбу со шведским королем Густавом III и был даже его советником. Он всячески отговаривал Густава от войны с Россией, за что и поплатился после смерти короля: за «прорусские» настроения его отправили в ссылку. Однако во время вынужденного отсутствия на родине он много путешествовал и даже познакомился с Наполеоном, а затем и с Екатериной II, которая даже пожаловала ему орден Святого Георгия высшей степени за участие в мирных переговорах с Россией в 1790 году. Густав Маврикий прожил четыре года в Калуге, правда, несмотря на императорскую награду, не имея права покидать ее. Это не помешало ему за время изгнания влюбиться в графиню Меншикову, роман с которой закончился рождением внебрачного сына...

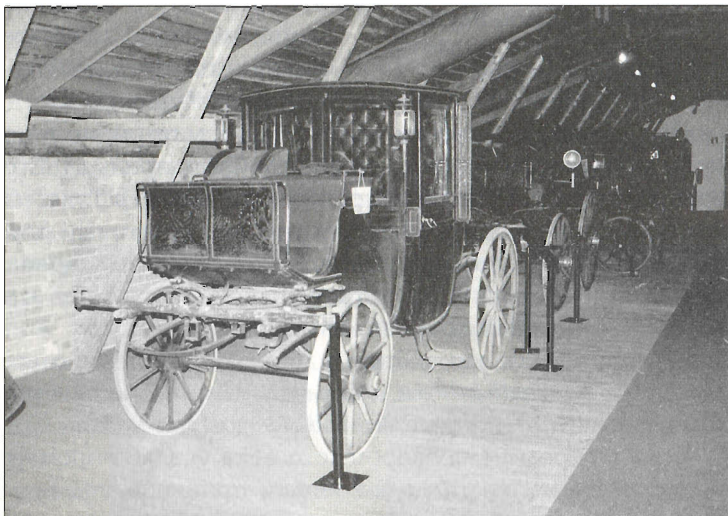
К этому времени в Швеции забыли о его провинностях, и он вернулся на родину. Однако ненадолго. Александр I пригласил его на службу в Россию, куда он вновь и прибыл в 1809 году, чтобы вскоре отбыть в Финляндию — уже в качестве председателя комитета по финляндским делам. На этом посту, к которому добавилась и должность члена Государственного Совета, он пробыл недолго — в 1814 году он умер, однако для своей родной Финляндии он сделал немало: например, его стараниями была сохранена существующая почтовая служба. За свои заслуги он получил титул графа.

Потом усадьба перешла его брату Августу-Филипу. При нем первый финский архитектор, итальянец по происхождению Карло Басси, который работал в Турку и

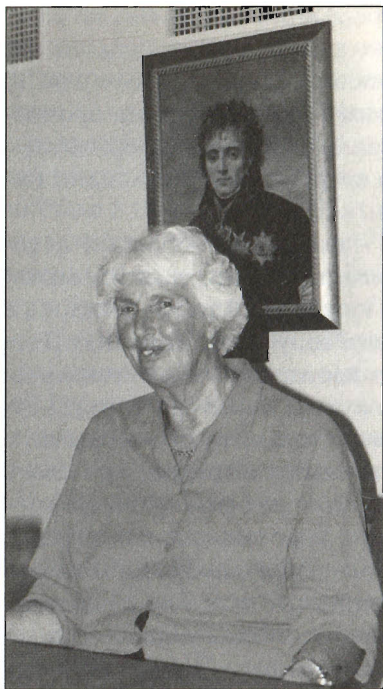
Хельсинки, соорудил главное здание. А чуть позже в Виурилу приезжал и Карл-Людвиг Энгель — создать для него красивый фасад, какими он уже прославился и в Петербурге, и в финской столице. Поместье тогда процветало — при нем была лесопилка, молочная ферма, кирпичный завод, винокурня и старейшая в Финляндии пивоварня.

Это время знаменуется еще одной любовной историей, и в семью входит княгиня Курляндская Вильгельмина. На ее приданое были куплены 25 тысяч гектаров в районе Хиитолы (нынешняя Республика Карелия). Тогда общая площадь поместья достигла 48 тысяч гектаров. Владельцы Виурилы хотели купить землю до Турку, чтобы ездить в епископский замок только по своей земле.

Правда, земли, приобретенные в Карелии, пришлось вскоре продать. Дело в том, что они были куплены вместе с крепостными, которых новые хозяева как передовые люди тут же освободили — предложив работать за деньги. Однако бывшие крепостные, как только поняли, что свободны, тут же разбежались. Финны тоже не хотели работать там...



Музей карет в усадьбе Виурила



*Хозяйка усадьбы Виурилы
Анна-Луиза Стандершельд-
Брюнингхаус*

Зато на оставшихся землях с середины XIX века начали вести интенсивное и высоко профессиональное сельское хозяйство, закупив племенной скот в Англии. Все старались перерабатывать на усадьбе, чтобы продавать в виде конечной продукции. Карл-Август Армфельт, последний граф Виурилы (умер в 1942 году), провел в усадьбе электричество и центральное водоснабжение.

— Когда шла реставрация Рундальского дворца в Латвии, который построил Растрелли, — мы тоже пожертвовали на это деньги, — говорит наша хозяйка, подчеркивая, что часть ее корней — из Курляндии.

Но она дворянка не только по линии матери, но и по отцу, принадлежащему к семейству Стандершельд. Его прапрадед был владельцем оружейного завода в Туле, на котором трудилось до 10 тысяч рабочих (торговый дом «Гилленшмидт, Стандершельд и Шекаразин» был неплохо известен в России), ее тетка училась в Смольном институте, семье принадлежал дом в Петербурге...

— Мои предки, как и было в духе того времени, говорили дома по-французски, — замечает Анна-Луиза. А потом добавляет: — Но ругались по-русски!

Если в середине позапрошлого века усадьба процветала, то уже на жизнь деда хозяйки пришлось годы депрессии, гражданской войны, и он был вынужден продать часть усадьбы. В 40-е годы прошлого века, когда в

Финляндию потянулись переселенцы из оккупированной Советским Союзом Карелии, хозяева Виурилы отдали 60 процентов своей земли беженцам.

В итоге, когда в 1951 году внучка Карла-Августа Армфельта Анна-Луиза Стандершельд-Брюнингхаус унаследовала имение, ей с тремя братьями и сестрами досталось всего 30 гектаров леса и полей.

— Но я тогда подумала: если раньше мои предки могли поднимать здесь все с нуля, то и мы сможем, — говорит Анна-Луиза.

Она со своим мужем Гюнтером Брюнингхаусом первыми в Финляндии стали выращивать кукурузу, потом, окрыленные успехом, решили разводить лошадей, создали поля для гольфа.

— Я работала и продолжаю работать вот этими руками, — говорит она, сидя с бокалом шампанского под парадным портретом кого-то из своих знатных предков. И в ее словах нет ни доли кокетства: по ее рукам видно, что она действительно привыкла к труду.

Сейчас владения семейства расширились до 150 гектаров. А кроме гольфа и верховой езды для туристов, которые останавливаются здесь же, в номерах, есть и весьма неплохой музей карет.

Тесен круг финских аристократов, думал я. Дед Анны-Луизы приходился кузеном Маннергейму. А ее дочь, вместо которой с нами встречалась госпожа Стандершельд-Брюнингхаус, носит фамилию мужа Аминофф. Кто не знает, Аминовы — один из древнейших русских дворянских родов. У нас в стране он пресекался, зато благодаря одному из его членов, перешедшему в шведское подданство еще в начале XVII века, сия фамилия процветает, но уже в Финляндии. Как шведские дворяне они фигурируют с 1618 года, а после включения Финляндии в состав России, шведский баронский титул в 1819 году был заменен на русский, графский...

А буквально на следующий день эту фамилию я услышал вновь.

ПОД ЗАЩИТОЙ «СЕРОЙ ДАМЫ»



Недалеко от Турку Королевская дорога привела нас в усадьбу Нухьяла, которая едва ли не самая западная точка этого старого тракта. Она прослеживает свою историю еще с XIV века, когда принадлежала кафедральному собору в Турку. Первый этаж усадьбы с каменными сводами был построен в 1350 году, а над ним в 1764-м возвели второй этаж. Это один из старейших и лучше всего сохранившихся домов в стиле рококо в Финляндии.

Нухьялой владели многие знаменитые семьи — в длинном списке их имен, добрую половину из которых имели приставку «фон», я увидел уже знакомых мне Аминофф,



Нухьяла. Общий вид усадьбы

с родней которых соприкоснулся буквально на кануне, и фон Юкскюль. Это имя я тоже уже слышал не раз — в Эстонии и Латвии. Фон Юкскюли — один из самых знатных родов остзейских немцев, чьи гербы можно видеть в церкви Нигулисте в Таллине. Правда, один из них в Эстляндии прославился еще и своим пиратским промыслом: заманивал корабли ложными маяками и грабил. Но это было вполне в духе мрачного Средневековья ... Думаю, другие владельцы, чьи имена, к сожалению, ничего мне говорили, были не менее любопытными персонажами.

Богатыми — уж точно. Поместье было таким огромным, что, не покидая его территории, можно было добраться до монастыря в Нантали.

Хозяйка усадьбы Мерья Юлисмьяки-Нерьянто проводит в свой дом, но эта прогулка превращается в экскурсию. Широкие и высокие парадные двери в зале на втором этаже, оказываются декорацией — в них открывается лишь часть, небольшая дверка. Вкусы-то у хозяев были европейские, но жить приходилось на севере, где тепло в домах привыкли беречь.

— Мы здесь просто живем, — говорит госпожа Юлисмьяки-Нерьянто, но меня не покидает ощущение, что я оказался в музее. Повсюду старинная мебель, масса картин и любопытных безделушек, типа необычной чашки, из которой можно пить, не замочив усов... Похоже, здесь ничего не трогали с XVIII века. Но это не так.



*Нынешние хозяева усадьбы —
Мерья Юлисмьяки-Нерьянто,
которая унаследовала поместье
от своих родителей,
со своим мужем Яри*



*В Нухьяла в неизменном виде остался туалет,
которым пользовались шведский король Густав III
и русский император Александр I*

Когда мы входим в одну из комнат, госпожа Юлисмьяки-Нерьянто словно между прочим, замечает:

— Здесь ночевали Густав III и Александр I, когда останавливались в Нухьяла. Это единственная комната, где все сохранено в том же виде, как и при них.

А потом показывает еще одно помещение, где все уж точно сохранено, как при «них». В доме, который, конечно же, незаметно оборудован по последнему слову цивилизации, специально оставлен... туалет, которым пользовались еще шведский король и русский император. Так как это был конец XVIII — начало XIX века, то и туалет мало чем отличается от наших сугубо деревенских «удобств», только значительно просторнее.

Вот уж поистине переплелись судьбы России и Запада...

Первый этаж более приземист. Госпожа Юлисмьяки-Нерьянто показывает на потолок — мощные своды, оставшиеся от первоначальной постройки. Строили крепко, из камня клали даже крышу — никакой пожар не страшен! Поэтому нижний этаж напоминает замок.

Такие экскурсии доступны для всех желающих, а любители старины могут даже остановиться в усадьбе: к услугам туристов несколько комнат со старинной мебелью. Но туристы и вообще современные посетители мало тревожат атмосферу усадьбы и не беспокоят тени ушедших предков.

Здесь, как и в любом старинном поместье, есть свое приведение. И хозяйка рассказывает о «Серой даме», которая является порой под сводами XIV века в комнатах и коридорах с обстановкой, не менявшейся, наверное, лет двести.

Но появление ночного призрака никак не связано с каким-то древним проклятием, витающим над усадьбой. Скорее наоборот: духи предков хранят здесь покой. Мерья Юлисмьяки-Нерьянто, которая унаследовала поместье от своих родителей, со своим мужем Яри по-прежнему занимаются сельским хозяйством, возделывая пшеницу, ячмень и масличные культуры. И усадьба вполне процветает и сегодня.

БОМАРЗУНД, СИТКОВ И «ГАВАНЬ МАРИИ»



На Аландах все миниатюрное. На архипелаге из 6500 островов проживает всего 25 тысяч жителей, причем половина в главном городе Мариехамне. Это самая маленькая из всех скандинавских столиц. Миниатюрность города особенно бросается в глаза, когда в его гавани швартуются огромные паромы Viking Line и Silja Line. Даже главная улица города — Турргатан застроена домами в один-три этажа. А чуть в сторону, и Мариенхам плавно «перетекает» в природу.

От Мариехамна разбегается паутина нешироких, но гладких дорог, на которых указателей поворотов к фермам и хуторам больше, чем машин. А людей почти не видно.

С моря Аланды выглядят дикими и неприступными, но вблизи гранитные скалы архипелага оказываются очень уютными. Среди разноцветных густых мхов блестят ягоды брусники и черники. Сосновые и березовые леса перемежаются с аккуратно возделанными полями.

Некоторые острова соединены мостами, некоторые — паромами. Но на дорожной карте архипелага самая дальняя дистанция — 68 километров!

Маленькие аккуратные деревянные домики не выдают достатка своих хозяев: Аланды держат первое место по уровню жизни в Финляндии, и здесь немало миллионеров, но местные жители не привыкли выставлять на показ свое богатство...

Вполне возможно, что этот архипелаг, расположенный при входе в Ботнический залив у юго-западного побережья Финляндии, был бы сегодня ничем не примечательной и мало кому известной провинцией Швеции, если бы в самом начале позапрошлого века его не захва-



Памятник в Бомарзунде в честь погибших русских солдат

тила Россия, превратив в часть созданного тогда же Великого Княжества Финляндского.

А 150 лет назад произошло еще одно событие, которое уже окончательно определило судьбу Аландов. Во время Крымской войны англо-французская эскадра расстре-

ляла недостроенную русскую крепость Бомарзунд, и по условиям капитуляции архипелаг был объявлен демилитаризованной зоной.

Сегодня Аланды — своего рода политический и исторический курьез. Их особый статус, сложившийся после краткой англо-французской интервенции, не только сохранялся на протяжении полутора столетий, но даже укрепляется. В 1918 году с провозглашением независимости Финляндии островитяне, было, решили воссоединиться со Швецией и даже почти единогласно проголосовали за это на референдуме. Но Финляндия решила по-своему, да и Лига Наций поддержала права финнов на архипелаг, правда, оговорив это целым рядом условий. В первую очередь — предоставлением Аландам самой широкой автономии. У Аландов свой флаг, свой парламент — лагтинг, свои почтовые марки, шведский в качестве единственного официального языка. Неприкосновенным остался и демилитаризованный статус: даже финские военные суда, чтобы зайти на Аланды, должны иметь на то разрешение лагтинга. И, наконец, вступив вместе с Финляндией в ЕС, Аланды тем не менее присоединились к Евросоюзу не полностью, сохранив определенную независимость в сфере налогов...

А все это началось ровно 200 лет тому назад.

Судя по историческим хроникам и воспоминаниям очевидцев, зима 1809 года выдалась на Балтике суровой, и в марте Ботнический залив был еще скован прочным льдом. Командование русской армии, находившейся в Финляндии по случаю очередной войны со Швецией, решило воспользоваться этим. Прибывший в армию император Александр I согласился с таким планом, и два русских корпуса по льду Ботнического залива двинулись на шведские Аланды. Десять тысяч человек корпуса генерал-лейтенанта Багратиона наступали пятью колоннами, одна из которых обходила архипелаг с юга. А с севера на него двигался пятидесятитысячный корпус генерал-лейтенанта Барклая де Толли. Впереди наступающих шел передовой отряд гусар генерал-майора Кульнева, в котором находился Денис

Давыдов. Неделя понадобилась русским войскам, чтобы достичь главного острова архипелага. «Войска Вашего Императорского Величества ознаменовали себя неограниченную ревностью и явили пример неутомимости.... Тщетно полагал неприятель остановить быстрое преследование их многими и большими засеками, в густоте лесов поделанными, они обошли их или разметали и, переходя ледяные необозримые пространства, преодолели все препоны, самую природою поставленные», — докладывал царю Петр Иванович Багратион. Пятого марта 1809 года весь Аландский архипелаг был занят русскими войсками. А полгода спустя был заключен Фридрихсгамский мир, закончивший эту, пятую по счету, русско-шведскую войну. Финляндия и Аландские острова отошли к России.

Начался русский этап в истории архипелага.

Так как острова лежали слишком близко к Швеции, российские власти боялись попыток реванша со стороны бывшего противника и разместили на Аландах гарнизон из 2000 солдат.

Первым опорным пунктом русской армии стала бывшая маленькая деревушка Скарпанс: ее в 1811 году ку-



Башня Нотвик



*Старая русская пушка
в Бомарзунде*

пила Российская корона и разместила там военное подразделение. Сейчас там остались только фундаменты зданий, но знатоки местной истории могут показать, где находилась лавка купца Макеева и сад полковника Грундта.

Позже, для защиты архипелага от нападения со стороны все той же Швеции, было решено возвести мощные оборонительные сооружения. По приказу Николая I здесь началось сооружение огромной крепости Бомарзунд, которая должна была стать западным

форпостом русской армии. И ее развалины в восточной части главного острова архипелага Фаст-Оланда — самый знаменитый след нашей истории на Аландах.

Строительство началось в 1832 году и так до конца и не было завершено. На возведении оборонительных сооружений трудилось 2000 человек. В 1832—1842 годах была построена главная крепость — двухэтажное здание длиной 290 метров. Оно могло вмещать 2500 человек — половину всего российского гарнизона на Аландах и много пушек.

Подступы к крепости должны были оборонять башни. Строительство первой из них — башни Престё, началось после возведения главной крепости в 1842 году и завершено в 1845-м. Она была вооружена 18 пушками. Затем, в 1845—1848 годах была построена башня Нотвик. Последней была возведена башня Бреннклинт.

Размещение на Аландах большого гарнизона требовало и создание госпиталя, и он был создан на острове Пре-

стё. С началом строительства Бомарзунда, госпитальный комплекс вырос до размеров городка.

За полукольцом оборонительных сооружений вырос и небольшой гарнизонный город, получивший имя Нью-Скарпанс, Новый Скарпанс. В нем были своя почта, магазины, административные учреждения, штаб командующего.

Но, как часто это бывает в России, крепость строили долго и бестолково. За 22 года полностью готовыми к обороне были только три крепостных башни.

Русский гарнизон, ожидавший нападения со стороны Швеции, был атакован другими и гораздо более сильными противниками. Во время Крымской кампании 1854 года, начавшейся как очередная, девятая по счету, Русско-турецкая война, Англия и Франция открыли против России второй фронт и на севере.

В начале августа 1854 года к Бомарзунду подошло 40 французских кораблей, доставивших 12 000 солдат. Корабли английского флота блокировали Аландские острова, не давая возможности русским прийти на помощь осажденной крепости. Осада началась 13 августа бомбардировкой крепости с французских кораблей. Обстрел длился весь день и продолжался ночью.

Первой подверглась обстрелу французской артиллерии башня Бреннклинт, которую обороняло 140 человек и 10 пушек. Она была довольно быстро повреждена, и гарнизону пришлось ее оставить. Когда башню заняли французы, ее стали обстреливать уже русские войска. Она загорелась и взорвалась. Из-за этого, кстати, она и сохранилась лучше всего, так как после взрыва ее уже не стали планомерно уничтожать.

На второй день осады, 14 августа, крупнокалиберные орудия с английских кораблей начали обстрел северного фланга крепости — башни Нотвик, которую защищали 180 человек под командой лейтенанта Звердьева. Ее гарнизон сдался лишь после того, как в западной стене башни была пробита громадная брешь, а большинство орудий было уничтожено. Главная крепостное здание обороняли 1500 человек.

Оно неплохо выдерживало артобстрел. Ночью французы высадились у крепости и всего в двухстах метрах от нее развернули артиллерийскую батарею, которая и завершила осаду: когда были сданы башни Нотвик и Бреннклинт, командование посчитало, что сопротивление бесполезно и капитулировало. Так как сражение шло в основном к западу и югу от главной крепости, башня Престё играла довольно пассивную роль. Поэтому она почти не пострадала, когда ее гарнизон 16 августа сдался французам. Крепость Бомарзунд пала.

Разгром русского гарнизона довершила эпидемия холеры, начавшаяся незадолго до этого.

Оставшиеся в живых были погружены на корабли и отправлены в Англию и Францию. В 1878 году император Александр II, узнав о могиле пленных бомарзундцев в маленьком городе Луис на юге Англии, повелел установить им памятник. Он до сих пор стоит там, в графстве Сассекс...

После захвата англо-французской эскадрой Аландов, шведам было предложено вернуть себе архипелаг, но, так как война еще не закончилась, они не рискнули пойти на это.

Сегодня от огромного комплекса оборонительных сооружений Бомарзунда и военного города почти ничего не осталось.

Деревянные постройки — в том числе сооружения Нового Скарпанса и военный госпиталь — были сожжены оборонявшимися еще до начала обстрела. Каменные же пострадали во время боя, а потом были уничтожены после капитуляции.

В сентябре 1854 года союзные войска покинули Аланды, но перед этим взорвали остатки оборонительных сооружений Бомарзунда — 2 сентября была взорвана главная крепость. Шесть тонн пороха заложили под башню Престё — кирпич из ее руин разобрали, теперь на ее месте лишь груда камней...

На месте крепости сегодня стоит скромный памятник, напоминающий о событиях 1854 года. От военного



«Русские дни» в Бомарзунде напоминают сегодня народные гулянья: чай из самовара, блины, оладьи, домашняя выпечка...

городка у Бомарзунда остались лишь одни фундаменты, а от некогда могучей крепости — части стен. Широкая полоса остро раздробленного гранита, поросшего сосна-

ми — это бывшее защитное кольцо крепости, должное затруднить продвижение неприятеля.

Зато бомарзундский кирпич можно увидеть в Хельсинки — из него возводился кафедральный Успенский собор, тот самый, что возвышается над гаванью финской столицы.

У взорванной башни Нотвик в свое время производились раскопки. Да и саму башню, точнее, то, что от нее осталось, привели в порядок, восстановили перекрытия. Найденные пушки были установлены на своих прежних местах, а другие — около башни. Более мелкие находки теперь — в музее Престё. В старом домике лоцмана разместился маленький музей с обнаруженными предметами и картинами бомарзундского периода.

Старое православное кладбище, существовавшее на острове Престё, ибо именно там размещался госпиталь, использовали с 1810-х по 1846 год. Его называли еще «Холерным кладбищем», так как многие умирали от эпидемий. Большинство надгробий на нем были деревянными, поэтому не сохранились. Остались лишь каменные.

На замшелых каменных плитах можно прочесть: «Первый врач Бомарзундского госпиталя коллежский асессор Александр Владимирович Бублеев», «Унтер Цейхвартер 12 класса Алахов»... Сохранился гранитный памятник: «Андрей Акцынов, сын инженер-капитана, младенец 3-лет, умер 30 ноября 1835 года». А в стороне от главной части кладбища — большой деревянный крест в память о всех бомарзундцах, умерших от холеры... Я был на Аландах в 2004 году. Как раз в то время — в 150-летие событий Крымской войны, обороны Бомарзунда и высадки французского десанта. Тогда у развалин Бомарзунда проходили «Русские дни».

Жители окрестностей, нарядившись во все, имеющее хоть какое-то отношение к прошлому, выставили угощение, в том числе и русские пироги, отыскался даже один — пусть и довольно современный и электрический — самовар, с которыми соседствовали шведские блинчики «пан-какка» и кофе. Самодеятельный театр ставил здесь же на поляне сцены из времен краткого прихода французов.



*Башню Нотвик немного отреставрировали и даже,
где возможно, снова установили пушки*

Народу собралось множество — несколько сот человек. Так что, и не заглядывая в научные труды, можно понять, насколько важной для Аландов стали капитуляция нашего гарнизона и вообще события 1854 года.

А следы русского присутствия на Аландах — это не только руины Бомарзунда. Их, на самом деле, гораздо больше.

По Парижскому мирному договору 1856 года, завершившему Крымскую войну, острова были возвращены России — но на правах демилитаризованной зоны: в дальнейшем их использование в военных целях не допускалось. После войны местная общественность обратилась к императору Александру II с ходатайством разрешить основание города-порта на главном острове. А чтобы наверняка получить согласие, ходатаи предложили назвать город в честь супруги императора Марии Александровны. Царским манифестом 4 февраля 1859 года основание города Мариехамна («Гавани Марии») было «всемилостейше» разрешено, а 20 февраля 1861 года была подписана грамота, устанавливавшая статут города. От этой даты и ведется отсчет его существования. Город был основан на узком мысу между мелководным заливом Слеммерн (Восточная гавань) и глубоким, никогда не замерзающим заливом Свибю (Западная гавань). Мариехамн до сих пор небольшой городок, но при этом третий по величине пассажирский порт Финляндии! По моим подсчетам, в день сюда заходят как минимум восемь огромных международных паромов (четыре днем, четыре ночью).

На главной улице города, Турггатан, находится самый известный в городе торговый центр, называемый Galleria Sitkkoff. А перед ним — бронзовый памятник: человек высокого роста, в длинном изящном сюртуке, держит в руке снятую шляпу-цилиндр и всматривается куда-то вдаль. «Вице-консул Николай Ситков. 1828—1887. Торговец. Судовладелец», — написано по-шведски на пьедестале из темного гранита. В соседнем доме, в котором сейчас находится редакция газеты «Тиднинген Оланд», купец имел свой магазин.

Родоначальник торговой династии Михаил Ситков (1802—1861 гг.), вначале промышлявший в финском городе Савонлинна, в 1830-х годах перебрался на Аланды, где тогда строилась крепость Бомарзунд. В это вре-



*Памятник Ситкову перед торговым центром
«Ситкофф Галери» на главной улице Мариехамна*

мя в семье уже был старший сын Николай, родившийся в 1828 году еще в Савонлинне. В Бомарзунде родилось еще трое сыновей: Петр, Александр и Михаил. Все четверо сыновей Михаила Ситкова продолжили дело отца, но особую известность на Аландах приобрел именно Николай, старший сын. Николай Михайлович Ситков был одним из основателей Мариехамна, входил в комиссию по

формированию городской управы. Позже занимал пост городского казначея и был заседателем городского суда. Организация торгового мореплавания на Аландах — во многом заслуга Николая Михайловича. Недаром он состоял почетным вице-консулом Швеции и Норвегии на Аландских островах. Николай Михайлович Ситков умер в Мариехамне в 1887 году и похоронен на местном кладбище. Здесь же похоронены семеро наших моряков-подводников, погибших 25 июля 1916 года при бомбардировке немецкими самолетами судна «Святитель Николай» — базы 5-го дивизиона подводных лодок Балтийского моря. О России времен Николая I на Аландах напоминает здание русской почты в Эккерё. Двухэтажный дом, построенный в 1828 году, выглядит так, словно стройка только что закончилась. Во дворе сохранились многочисленные каретные сараи и конюшни, а в самом доме устроена небольшая музейная экспозиция: кабинет и жилая комната почтмейстера. Неподалеку от почты — старинный причал, некогда самая западная полоска Российской империи, откуда уходили почтовые суда. Тут же



*Во многом благодаря Ситкову «Гавань Марии» превратилась
в оживленный порт*

обелиск с трогательной надписью по-шведски: «Вечная память и благодарность нашим праотцам за почтовую связь через Аландское море».

А начало XX века здесь вообще называют «курортной эпохой» — тогда острова стали весьма популярным местом отдыха русской знати и богатых торговцев. Бывали здесь и русские императоры — например, Александр III с супругой не раз наведывался сюда. Царская яхта «Штандарт» неоднократно гостила в гавани Мариехамна.

Несмотря на демилитаризованный статус по Парижскому договору 1856 года, в 1906 году на Престё высадились 750 русских солдат. Основанием для этого явились слухи, будто на острова тайно завозят оружие для повстанцев в России. Чтобы иметь надлежащую связь с Аландами, на Престё и построили телеграфную станцию. Ее до 1918 года обслуживали 20 человек. Здание до сих пор сохранилось. Рядом стоит красный деревянный дом, где жили работники телеграфа. Единственный, кстати, уцелевший со времен Бомарзунда.

В марте 1918 года после выхода России из Первой мировой войны по сепаратному договору с Германией — Брестскому миру — на Аланды вернулись войска нейтральной Швеции. А следом за ними пришли немцы, чьи военные корабли густо задымили на рейде Эккерё — некогда самого западного населенного пункта России. Русские части, сдав недавнему противнику оружие и боевую технику, покинули архипелаг. Русская история Аландов закончилась.

И тем не менее здесь до сих пор сохранилось немало русского. Здесь можно купить настоящий русский ржаной хлеб, русские бублики, соленые огурцы домашнего посола, в кафе и ресторанах заказать аппетитные русские блины, пироги с яблоками и капустой, любимые островитянами.

В аландском диалекте шведского языка сохранились и русские слова: чуть-чуть, будка, дача, бочка, сарай, пирог и — дурак. Последнее, правда, означает хитреца, хитрована, и произносится с ударением на первый слог. А будка, как и в материковой Финляндии (превратившаяся

там, правда в «путку») стала означать кутузку, полицейский участок...

Читая «Северную повесть» Паустовского, я представлял себе Аланды как Богом забытый, скованный лютыми морозами уголок. Но, думаю, этот архипелаг едва ли был таковым даже в теперь уже далекие времена столетнего русского господства. Это очень милый и уютный уголок Балтики. И от «нас» здесь сохранились не только пушки с двуглавыми орлами в русской же — недостроенной и полуразрушенной — крепости Бомарзунд, но и такие смешные слова, как «чуть-чуть» и «дУрак».

НА ДАЛЬНОМ ПОГРАНИЧЬЕ



Губерния Лаппи (Лапландия) занимает почти треть всей территории Финляндии и является крупнейшей в стране. При этом на площади в 93 тысячи квадратных километров проживает всего лишь 200 тысяч человек, и большинство из них сосредоточено в городах южной части губернии.

Лапландия, самая северная часть Европы и по сей день остается редкоселенным и малообжитым краем. Помню, как-то зимой я проезжал через север финской Лапландии, чтобы немного «срезать» путь из норвежского Киркенеса в норвежский же Карашок. За три часа мы проехали лишь пару, ну, тройку небольших поселков, а так — все заснеженные перелески, невысокие холмы, скованные льдом озера и ...стада оленей...

Впечатления от этой «транзитной» поездки почему-то врезались мне в память и кажутся мне весьма показательными, особенно в контексте моего дальнейшего рассказа. Границ, даже условных, в Лапландии не было до начала XVIII века, а между Россией и Норвегией — до начала века XIX. А исконными обитателями этих мест были и остаются хозяева тех самых полудиких оленей — саамы, которые беспрепятственно мигрируют по просторам бескрайней лесотундры.

Из-за отсутствия четких границ и русское влияние распространялось западнее нынешних государственных рубежей России. Основанный в Печенге преподобным Трифоном еще в первой половине XVI века монастырь стал центром распространения православия, причем не только на Кольской земле, но и на соседних территориях нынешних Норвегии и Финляндии.

Так, в начале XIX века на реке Паз (Патсойоки — по-фински или Пасвик — по-норвежски) сошлись три границы — России, Норвегии и Финляндии. А на ее берегах жили обращенные в православие саамы, которых называли у нас «русскими лопарями», а в Норвегии — «скольтами».

До 1940-х годов область Печенги (Петсамо), к востоку от Пазы, принадлежала независимой Финляндии, и вплоть до Второй мировой войны там действовал Трифоно-Печенгский монастырь, который продолжал оставаться важным центром православия не только здесь, на Крайнем Севере, но и в Финляндии. А для местных саамов — русских лопарей или скольтов, обративший их в православие преподобный Трифон, основатель монастыря, был и остается самым почитаемым святым.

Скольты, даже среди саамов представляют собой обособленную группу. Помимо того, что они православные, у многих из них русские имена, а их женские костюмы — кокошники и сарафаны — очень напоминают русскую деревенскую одежду XVIII века.



Неллим. Церковь Преподобного Трифона Печенгского

От проведения границы по Пазу пострадали в первую очередь именно скольты, потерявшие возможность свободно мигрировать со своими оленями с берега на берег. А позже они лишились и прав на рыболовство на реке. Часть их переселилась в Финляндию, в район Советтиярви, а часть обосновалась у местечка Нейден в Норвегии, рядом с Георгиевской часовней, что срубил в 1565 году преподобный Трифон.

Правда, и с русскими отношения сколтов-саамов складывались тоже, похоже, не очень гладко. Об этом косвенно свидетельствует и одна из версий происхождения их названия.

Его выводят от норвежского сколе — «череп», «лысая голова»: скольтские мужчины мыли головы в крепком соляном растворе, чтобы избежать службы в царской армии — от соли головы лысели, и хитрые оленеводы получали белые билеты. По другой версии, слово «скольт» происходит от названия Кола (так раньше называли Мурманск и окружающие земли) — «Мы, мол, с Колы»...

После Второй мировой войны, когда область Печенги была присоединена к России, оттуда ушло в Финляндию все финское население, большинство остававшихся там саамов и... монахи Трифоно-Печенгского монастыря, которые позже влились в состав братии Нового Валаама.

Так, на крайнем севере финской Лапландии, в районе Советтиярви, Ивало и Инари в XX веке и появились «русские лопари». К тому же большинство из нескольких сот норвежских сколтов, обосновавшихся вокруг Нейдена, тоже откочевали в Финляндию или проводят там большую часть времени, благо граница, тем более здесь весьма условная, — в нескольких километрах.

Так, в послевоенный период в районе озера Инари появились две православные часовни — в Ивало и в Советтиярви. В 1990-х годах они были реконструированы и превращены в церкви. В 1988 году была построена и церковь в Неллиме. И сегодня на крайнем севере финской Лапландии три православных храма — Святого Николая в Ивало, Святой Троицы и Святого Трифона Печенгско-



*«Пограничники» с удовольствием фотографируются
с гостями*

го в Неллиме и церковь Святого Трифона Печенгского в
Севеттиярви. Заметим, что на севере Финляндии это не

единственные часовни, освященные в честь преподобного Трифона Печенгского.

Но православные церкви и русские люди появились в на крайнем севере Финляндии гораздо раньше.

В этом смысле показательна, например, история православного прихода в Торнио.

В этом пограничном со Швецией городе, лежащем на берегу Ботнического залива, вскоре после присоединения Финляндии к России была расквартирована казачья стража, а к 1819 году там уже обосновался и русский купец Федор Чечулин. В 1826 году по ходатайству генерал-адъютанта А.А. Закревского, финляндского генерал-губернатора, там была основана и первая православная церковь — она была походной, с полотняным иконостасом, и размещалась в деревянном доме, построенном на средства Чечулина, который — как и позже его сын — попытался содержать храм на свои средства. Над алтарем был устроен купол, а в 1829 году пристроена колокольня, для которой петербургский купец Василий Зыков пожертвовал три колокола. После этого походная церковь стала выглядеть как настоящий храм. Хотя в 1882 году казаки покинули город, и в нем осталось всего семь жителей православного вероисповедания, было решено начать постройку нового храма, так как прежний сильно обветшал. И до сих пор в Торнио стоит православный Петропавловский храм, первоначально возведенный в 1880-е и полностью реставрированный сто лет спустя...

Но русские люди оказывались в финской Лапландии не только на побережье и в центрах дислокации воинских гарнизонов. И были это не только чиновники или казаки.

Мало кто знает, что и Лапландию, было время, охватывала «золотая лихорадка».

Началось все с того, что в 1866 году норвежский горный инженер Теллеф Даль обнаружил золото в районе текущей по границе Финляндии и Норвегии реки Тенайоки (Тана). Золото было найдено в округе норвежского поселения Карашок, а в 1968 году экспедиция под руко-

водством младшего директора Монетного двора Финляндии Юхана Конрада Лира обнаружила жилы драгоценного металла в районе Ивало.

Сведения о его находке быстро распространились, и все заговорили об открытии им «финской Калифорнии».

Так начался период бурной предпринимательской деятельности, продолжавшийся несколько десятилетий. Фирма «Укко-Крууну» построила в тех местах для проживания своих служащих и для осуществления контроля усадьбу под названием «Култалан круунун стацион» («Станция золотой короны»). Возвышаясь посреди необитаемой тундры, эти здания до сих пор поражают путешественников своей особой северной красотой.

Везло, правда, не всем. Например, в 1870 году сановный чиновник и бизнесмен Роберт Улнер оставил карьеру и ринулся на поиски лапландского золота, вложив в предприятие большие средства. Однако его проект закончился сокрушительным провалом. Золота было добыто чуть более двухсот граммов.

Устремились в Лапландию и старатели-одиночки. Причем за золотом приходили и российские искатели. В частности, в неудавшемся предприятии Улнера его партнерами были русские купцы. К сожалению, имена их неизвестны. И вообще о русских золотоискателях в финской Лапландии информации сохранилось очень мало. Говорили мне, правда, что на кладбище в Ивало есть православные кресты, отмечающие могилы не только скольтов, но и русских авантюристов...

У южных границ финской Лапландии лежит городок Куусамо. Там поднимаются среди озер довольно высокие сопки, склоны которых покрывает еловый лес. Уже давно эти места в почете у горнолыжников, а больше всего они облюбовали гору Рукатунтури, у подножия которой вырос курорт Рука.

Если бы не курорт, места эти были бы тоже девственные и глухие, ибо лес здесь — настоящая тайга. Тайгой его и называют — потому что до российской границы здесь рукой подать. Если подняться на вершину Рукатун-



«Русская граница». Все как на настоящей лесной погранзаставе

тури, с нее хорошо видны и сопки, возвышающиеся уже на российской территории...

Но здесь граница — граница с Россией, и она не такая уже условная, как была пару веков назад и какая сегодня разделяет Финляндию и Норвегию.

И это здесь знают и даже используют...

Как? Об этом я и хочу рассказать, перенеся читателей уже в наши дни, но напоминая, что и в Финляндии, и вообще на Западе еще сильны воспоминания о «железном занавесе», и российская граница — это своего рода тоже достопримечательность, а ее пересечение — почти «экстрим».

...С курортом Рука мы распрощались утром и поехали по шоссе, петляющему среди заснеженных лесов. Сопровождающая, когда садились в мини-вэн, как обычно спросила — мол, не забыли чего, паспорта проверьте, чтоб под рукой были. Я хмыкнул: «Чего мол, проверять, теперь только в аэропорту понадобятся».

«Ну, всякое бывает», — ответила она, улыбнувшись.

Бывает и бывает. Я тут же забыл об этих словах и стал смотреть в окно.

Дорога делалась все более пустынной, а лес — все более дремучим. Карты с собой не было, а лапландских дорог я не знаю. Ну едем и едем.

И вдруг остановка — шлагбаум среди леса. Выглядываем: к микроавтобусу вразвалочку идет пограничник с автоматом на груди, но не финский, а наш, родной, в родной форме цвета хаки и в ушанке.

«Документики приготовьте! — К водителю заглядывает. — Кого везем? Куда едем?»

Смотрю, все натурально. Флаг наш, будка наша, никакого акцента, сама манера обращаться наша, родная, запанибратская.

Водитель вроде не понимает, да и все мы в недоумении, кто-то уже за паспортом полез, спрашивая: «А финских пограничников вроде бы не было?»

«Сейчас разберемся, позвоним», — говорит «пограниц» и уже к нам, в салон дверь открывает.

Я тут и вспомнил про лукавую улыбку нашей сопровождающей, когда она про паспорта напоминала.

Но смотрю, спутники мои все еще в недоумении, а кто-то уже и паспорт в руке держит...

Оказалось, есть такой аттракцион для туристов в здешних краях — так и называется: «Российская граница». И все действительно настолько натурально, да и граница на самом деле совсем рядом, что, судя по реакции моих спутников, даже наши не сразу понимают, что российский КПП — еще одна лапландская экзотика — вроде Деда Мороза и оленьей фермы. Помните старую расхожую байку про нашего грибника — не то в Карелии, не то в Ленинградской области: заплутал в лесу, сбился с дороги, наконец, встречается кого-то, спрашивает, как к людям выйти. А тот в ответ: «Извинитесь, но вы узлее в Финляндии!». Здесь все то же самое, только наоборот!

Что же говорить про иностранцев — тех же итальянцев, французов или японцев!? Те, рассказывают, паспорта выкладывают тут же, да еще и пугаются: вот так заплутали по лапландским дебрям, в Россию заехали — теперь неприятностей не оберешься! А с другой-то стороны — радости столько: оказаться вот так вдруг на настоящей границе со все еще загадочной и таинственной Россией! Приключение так приключение!

Вот так, из ничего придумали аттракцион, используя свою близость к великому восточному соседу. А «пограничники» оказались славными ребятами, кстати, вовсе не актерами — да и самый хороший артист едва ли бы лучше сыграл нашего «погранца» с далекой заставы, чем простой русский человек, какой он есть.

Жаль было с ними расставаться, но пора было ехать в Куусамо в аэропорт, возвращаться уже во всамделишную Россию.

Так что следы, приметы нашей родины можно найти на дальнем финском пограничье не только в истории, но в сегодняшнем дне...

«ХОРОШО И ТАК, ХОТЯ РАНЬШЕ БЫВАЛО И ЛУЧШЕ»



Миккели, городок на юге области Саво, названный в честь архангела Михаила, в конце XVII века становится военным центром, а еще через сто лет там размещается постоянный гарнизон. Но город знаменит прежде всего тем, что в нем дважды находилась ставка Маннергейма. Даже на гербе Миккели в память об этом изображены скрещенные маршальские жезлы.

Музей Ставки — одна из главных достопримечательностей города. Название «Ставка» носит даже один из баров Миккели, каковых в его центральной части великое множество, особенно если учесть небольшие размеры города. Но больше других известен в городе «Миккели Клуб» — заведение, где во время войны Маннергейм обедал со своими офицерами.

А неподалеку от Миккели есть поместье Анттола, имя которого мало что говорит.

Рядом с небольшой фермой, где ныне не гуляют свиньи и коровы, а выставляют свои работы художники, и оздоровительным центром, где лечат холодом, стоит старый деревянный дом. Он не такой старинный, как Мустио и с виду не такой примечательный, как Ранталинна, но внутри удивительно уютный — будто до сих пор хранит тепло и атмосферу, царившую в нем когда-то.

В 1917 году его приобрел князь Александр Николаевич Лопухин-Демидов (род. 1870 г.). Он принадлежал все к тому же знаменитому роду Демидовых, что и первый муж Авроры Карамзиной. Высотой под два метра, с хорошей осанкой и большим носом с горбинкой, Александр

Николаевич вызывал уважение у местных жителей. До революции благосостояние Демидовых обеспечивали огромные поместья, а также сахарные заводы и мебельные фабрики на Украине. Князь служил вместе с Маннергеймом в кавалерийской гвардии императрицы, и их связывали дружеские отношения.

Супруга князя Наталья Дмитриевна Демидова, в девичестве Нарышкина, принадлежала к роду, которое вел свое начало от матери Петра Великого. Она родилась в 1886 году в усадьбе Тали. Открытая и сердечная, она была по своему облику полной противоположностью мужу — изящная красавица.

У пятерых княжеских сыновей были учителя иностранных языков, которые тоже проживали в Анттоле. Французский им преподавал офицер кавалерии родом из Бельгии — помимо языка, он учил детей ловить лягушек, чтобы полакомиться их лапками. В отличие от многих знатных семей Финляндии княжеская чета не стремилась выбирать товарищей по играм для своих детей: они носились в компании местных озорников без ограничений. И, глядя на них, приезжавший сюда Маннер-



Анттола. Усадьба Демидовых под Миккели

гейм, наверное, вспоминал свое собственное детство в Фискарсе.

Переезд княжеской семьи в Анттола произвел неизгладимое впечатление на местных жителей: они еще долго вспоминали, как Демидовы баржами доставляли к здешней пристани свое имущество. Хотя чете удалось спасти от революции лишь небольшую часть своего добра, окружающие фермеры не переставали удивляться обилию и роскоши предметов обихода Демидовых. У них, помимо прочего, были десятки породистых собак и лошадей.

Жизнь здесь, конечно, мало напоминала прежнюю, к которой семья привыкла до революции, и Демидовы с ностальгией вспоминали Украину, где навсегда остались в прошлом их поместья. Тем не менее Демидовы были здесь счастливы.

Однако привыкшая не считать деньги и не сумевшая организовать свое хозяйство на новом месте, княжеская чета плохо справлялась с ролью финских помещиков. Средства таяли, и Демидовы были вынуждены отказаться от усадьбы. Они переселились в более скромный дом, а затем и вообще стали снимать жилье. Последние годы жизни князь добывал пропитание для семьи, работая простым рабочим. Он умер в 1937 году.

Княгиня пережила мужа на 20 лет. У нее осталась лишь одна корова и небольшой клочок земли. Рассказывают, она частенько говорила: «Да, ну что же, мне хорошо и так, хотя раньше бывало и лучше». Окружающие восхищались ей — они говорили, что только русская женщина могла так себя держать, не боясь трудностей и лишений. И еще Наталья Дмитриевна вспоминала, что это она предложила перебраться супругу в Финляндию, где когда-то родилась. А местные легенды утверждают, будто Анттола, приобретенная как раз во время революции, предназначалась для временного убежища Николая II...

Когда шла новая, Вторая мировая война, неподалеку, в Миккели, снова разместил свою ставку бывший русский офицер Маннергейм, отвергнутый когда-то Китти, внуч-

кой Мусина-Пушкина. Во время обеда в ресторане клуба он вел себя словно и не было боевых действий и не было за плечами многих лет: пил водку — с несколькими каплями джина и вермута, как придумал еще когда-то давно, в царской армии, и ревниво следил, чтобы офицеры «правильно» пили коньяк, не запивая его слишком быстро кофе.

А сегодня в Миккели не только есть музей ставки Маннергейма, но в местном театре идет спектакль о судьбе четы Демидовых...

СОДЕРЖАНИЕ



Предисловие	3
«Маленький Петербург»?	40
Век Авроры	58
Шведская крепость ставшая Финской	80
Роченсальмская тропа Екатерины	89
«Царская изба» в Лангинкоски	93
344 дня покоя и уединения	112
Русский генерал — президент Финляндии	117
У водопада	142
Вильманstrandские драгуны	157
На Сайме	165
В Хейнявеси, к православным святыням	177
Судьба Линтулы	193
Спасенные реликвии и забытый герой	201

«Другая» Карелия	211
Колыбель последних Романовых	217
Над порогами Таммеркоски	226
«Тезка Торжка» на реке Полной	235
Кузница аристократии	240
«Говорили по-французски, но ругались по-русски»	247
Под защитой «Серой дамы»	252
Бомарзунд, Ситков и «Гавань Марии»	256
На дальнем пограничье	271
«Хорошо и так, хотя раньше бывало и лучше»	280

Научно-популярное издание
Русские за границей

Кривцов Никита Владимирович

РУССКАЯ ФИНЛЯНДИЯ

Выпускающий редактор *В.А. Ластовкина*
Корректор *Н.Ф. Алешина*
Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*
Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 26.12.2008. Формат 84 × 108^{1/32}.
Гарнитура «BalticaC». Печать офсетная. Бумага LUX CREAM.
Печ. л. 9. Тираж 3000 экз. Заказ № 0829220.



Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (499) 188-88-02, (499) 188-16-50.
Тел./факс: (499) 188-89-59, (499) 188-00-73.
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 188-66-03.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва,
2-й Рошинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labyrinth-shop.ru

В Санкт-Петербурге:

ЗАО «Диамант» СПб.

г. Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:

ООО «Вече-НН»

603141, г. Нижний Новгород,
ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (8312) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru

В Новосибирске:

ООО «Топ-Книга»

630117, г. Новосибирск,
ул. Арбузова, 1/1.
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва»,
ТД «Молодая гвардия», «Московский дом книги»,
«Букбери», «Новый книжный».



ИСТОРИЯ + ГЕОГРАФИЯ

СЕРИЯ КНИГ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ



- Более 25 книг о разных странах мира и регионах России
- Исторические экскурсии о самых посещаемых туристических местах
- Авторы книг — кандидаты и доктора исторических наук, журналисты
- Серия «Исторический путеводитель» — лауреат 6 премий
- Книги широко иллюстрированы



Н.В. Кривцов

Ф Р У С С К А Я И Н Л Я Н Д И Я

Где и когда начинаются связи между Россией и Финляндией? — Они были всегда. В этой стране повсюду чувствуется «русское присутствие». Почему?

Все дело в том, что связанные с нашим общим прошлым памятники в Финляндии сохранили сам дух, атмосферу, кажется, даже запах минувшего — того, что, увы, исчезло у нас и что нельзя воссоздать самой богатой и изощренной реставрацией. Многие из того русского, что создавалось в России и что было уничтожено у нас, осталось в Стране тысячи озер — живы памятники, даже некоторые русские традиции... И самое главное — имена.

Среди них — художник Илья Репин и писатель

Леонид Андреев, фрейлина последней императрицы Анна Танеева-Вырубова и Аврора Карамзина, художник Николай Рерих и поэты Серебряного века — Владимир Соловьев, Валерий Брюсов, Иннокентий Анненский и Осип Мандельштам и многие-многие другие.

ISBN 978-5-9533-3013-8

